

Аркадий Зюзин

БАЛЛАДА
о непобеждённом

Дмитров - 2015

*Когда вы песни на земле поете,
Тихонечко вам небо подпоет,
Погибшие за Родину в полете,
Мы вечно продолжаем наш полет.*
Е. Евтушенко

Легенда штурмовой авиации советских Военно-Воздушных Сил Константин Аверьянов в воздухе не проиграл гитлеровцам ни одной схватки - ни истребителям, ни зенитчикам.

И навсегда остался непобежденным.

176 боевых вылетов, не будучи ни разу сбитым, не потеряв ни одного своего борт - стрелка, - уже это говорит само за себя.

ОТ АВТОРА

Три самых больших микрорайона подмосковного Дмитрова названы именами летчиков.

Это было бы совсем нестранно где - то в Жуковском, или Моино, или Луховицах, других "авиационных" городах...

Но именно в Дмитрове росли, жили, либо ушли в свой последний путь эти герои-летчики. Судьба их сложилась по-разному. И нет у меня намерения и смысла сравнивать их: Александра Маркова, Константина Аверьянова и Владимира Махалина.

Потому что Герой - категория абсолютная.

Написать эту книгу именно о Константине Аверьянове меня заставили три обстоятельства.

Первое.

И Марков, и Махалин прославились, будучи уже людьми достаточно зрелыми. А летчик-штурмовик капитан Аверьянов ушел в бессмертие, не прожив полных 24 лет. Успев стать в этом достаточно юном возрасте легендой штурмовой авиации советских Военно-Воздушных Сил.

176 боевых вылетов, не будучи ни разу сбитым, не потеряв ни одного своего борт - стрелка, - уже это говорит само за себя.

Даже такие признанные асы-штурмовики, как маршалы авиации Иван Пстыго, Александр Ефимов, генерал-лейтенант Георгий Береговой за свою боевую карьеру бывали сбитыми не по одному и даже не по два раза. Для штурмовика - вполне обыденная вещь. Но Константин Аверьянов, что бы ни случилось, ухитрялся не бросать свою подбитую машину, дотягивая "в решете и на одном крыле" до своих.

Зюзин А.

Баллада о непобежденном. Документальная повесть.

190 с., илл.

© 2015 А. Зюзин

В воздухе Константин Аверьянов не проиграл гитлеровцам ни одной схватки - ни истребителям, ни зенитчикам.

И навсегда остался непобежденным.

Есть еще и суровая военная статистика, свидетельствующая о том, что на каждого безвозвратно потерянного пилота приходилось по семь - восемь погибших борт-стрелков...

Но ведь Аверьянов ни разу не привез за своей бронеспинкой мертвого члена экипажа. И такое дорогого стоит, за что счет его боевых побед смело можно умножить на два.

Не это ли свидетельствует о его феноменальном летном мастерстве и сумасшедшем везении. Хотя, и везение, и случай так или иначе присутствуют в судьбе летчика, играя, порой, счастливую, но нередко и роковую роль...

Второе.

В свое время в Афганистане мне доводилось не раз видеть, как и в каких условиях работали наши штурмовики и вертолетчики. С каким огневым противодействием приходилось им сталкиваться. Им просто невозможно, да и не положено было, мгновенно набрать высоту, или на сверхзвуке выйти из-под обстрела. Ведь и штурмовик, и вертолет - машины поля боя.

Но сравнивать возможности современного "Грача" Су-25 или даже винтокрылого "Крокодила" Ми-24, со скоростью, защитой и маневренностью, пусть и бронированного, но полудеревянного "Горбача" Ил-2, по меньшей мере, неэтично.

А если еще представить, с каких аэродромов им приходилось взлетать и как на них садиться, какой крошечный ад между землей и небом устраивали ИЛам гитлеровские зенитчики и истребители, то по сравнению со всем этим афганская пыль, душманские "Стингеры" и зенитные установки могут показаться не такой уж фатальной и неизбежной угрозой.

Лишь только об этом стоит и рассказывать, и писать.

Третье.

Крым снова стал русским. Наверное, через годы о тех, кто возвращал Крым России, напишут книги, снимут фильмы. А сейчас не вспомнить о том, кто совершил столько подвигов, освобождая эту землю от фашистских захватчиков, было бы просто неуместно.

И наконец, на протяжении уже нескольких лет я имею честь и счастье быть знакомым с великолепным человеком и прекрас-

ной женщиной - Анной Антоновной Жидковой (Аверьяновой), младшей сестрой Константина Антоновича Аверьянова.

В последние двадцать лет о ее брате написано и опубликовано достаточно много разного рода газетных статей и очерков.

Но трепетное отношение Анны Антоновны к памяти брата-героя, ее рассказы о нем разбудили во мне искренний интерес и желание еще раз и, как возможно, более полно рассказать о Константине, Косте Аверьянове.

Чтобы, дай Бог, всем нам, нынешним и будущим, вечно хранить память об этом замечательном человеке.

При написании этой книги были использованы воспоминания и личные архивы Анны Антоновны Жидковой. А также воспоминания людей, знавших Константина Аверьянова, его друзей и однополчан - Бориса Быкова, Василия Гудименко, Василия Емельяненко, Андрея Лиманского, Бориса Левина, Александра Моложаева, а также документы из фондов Центрального военного архива Министерства обороны РФ и Центрального музея Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Очень помогли в работе над книгой и материалы, бережно собранные известной писательницей и историком Ириной Пятилетовой, а также публикации журналистов и краеведов В. Лобазовой, К. Рыжака, Е. Мазур, В. Кузнецова, А. Горшенкова.

ОТКУДА ВСЕ ПОШЛО...

В 25 верстах от Нижнего Новгорода, на правом берегу Волги, оседлав Сибирский тракт, расположился волостной городок Кстово. Известен с XIV века как деревня Кстоская, и название происходит от мордовского корня "кста" - земляника.

По другой версии, название деревни происходит от слова "кститься", то есть крестится: бурлаки, тянувшие баржи из Астрахани в Нижний Новгород, дойдя до села Безводного, откуда уже было видно Нижний, переименовывались, кстились, со словами: "Ну, слава Господу, дошли до Нижнего".

В начале XX века Кстово, как и сотни таких же приволжских городков, жил размеренной и безмятежной жизнью - к пристани подходили пароходы и баржи на пути в Нижний или Астрахань, шумел небольшой базар, по улицам сновали пролетки, скрипя колесами и сопровождаемые лошадиным ржанием ползли ломовые телеги.

Народ жил небогато. Крестьянствовать было тяжело - скудная почва не могла гарантировать постоянного и надежного источника дохода. А потому мужики, кстовские и из близлежащих деревень, зарабатывали на жизнь кто, чем мог: одни кустарничали, плетя металлическую сетку в небольших мастерских, другие на лето сходились в бурлацкие артели и тянули на лямках баржи из Макарьева или Козьмодемьянска в Нижний Новгород. Третьи уходили в отход (занималось отхожим промыслом): каменщики, штукатуры работали в столицах, в Пермском крае, в Закаспийском крае, в Бухаре; крючники - на Волге от Нижнего до Астрахани и т.д. Иные отправлялись в Сормово под Нижним Новгородом и работа-

ли на судостроительном, паровозостроительном и других Сормовских заводах.

Именно в Сормово из глухой деревеньки Студенец, что в девяти верстах от Кстово, отправился на заработки кузнец Антон Аверьянов. Там уже жил и трудился его старший брат Семен. Каждый раз за тридцать верст не наездишься, не находишься - вот Антон и зачастую и перебивался после смены у своего брата. Ведь работать приходилось много и тяжело.

И все же на нечастых побывках в Студенце у молодого коваля хватало сил нежно ухаживать за юной односельчанкой, дочкой местного середняка - старовера Екатериной Рачковой.

Рачковы, хоть и не считались в деревне богатыми, жили твердо, имели крепкое хозяйство. Батраков не нанимали, на земле трудились всей семьей. Однако посвататься Антону Аверьянову в то время так и не случилось. То ли еще слишком свежа была в деревне память о Сормовском восстании времен Первой русской революции, и всякий, кто так или иначе был связан с Сормовским заводом, априори считался бунтовщиком. То ли сам Антон Аверьянов обмолвился чем-то таким, что заставило студенецких сельчан считать его чуть ли не социал-демократом. Неясно. В итоге, родня Кати Рачковой сочла, что не дело православному кержацкому и крестьянскому сословию родниться с сормовским пролетарием.

Да и вскоре все очень круто изменилось - в августе 1914-го грянула Первая мировая война, была объявлена мобилизация. И отвергнутого кузнеца Аверьянова призвали в армию и отправили на фронт. Причем сделано это было не без помощи коварного папаши Кати Рачковой, который уговорил деревенского старосту внести Антона в списки мобилизуемых, хотя Аверьянов мобилизации не подлежал, так как на фронте уже был его старший брат Семен.

Ковка цепей. Нижегородская губерния, начало XX в.

После февраля семнадцатого года в Нижегородскую губернию потянулись потоки демобилизованных или попросту дезертировавших с фронта солдат. Тогда-то Катерину и выдали за вернувшегося с войны односельчанина Федора Крупичева. Жених был не совсем здоров, но Рачковых это не смутило, а спрашивать согласия у Екатерины никто не собирался. Сыграли свадьбу.

Супружествовал, правда, Федор Крупичев совсем недолго. Вскоре после рождения дочери он умер от туберкулеза. И сама дочь ненамного пережила своего отца, умерла в том же году.

Помотало по фронтам "Империалистической" и Антона Аверьянова. Демобилизовавшись, долго, со множеством злоключений добирался до родных мест. По дороге заболел тифом. И неизвестно, как бы сложилась его дальнейшая судьба, если бы его, больного, голодного, случайно не увидела на кстовской пристани студенецкая девчонка Катюшка Вахромова.

Долго уговаривала его вернуться в родную деревню, убеждала, что не станет он обузой для своих близких. Убедила. Вместе и вернулись в Студенец.

Прошло немного времени, Аверьянов оклемался, выздоровел. Опять взялся за кузнечное ремесло, ковал цепи в якорной мастерской. И, наконец-то, женился на своей давней любви, молодой вдове Екатерине Рачковой - Крупичевой.

Правда, и в этот раз не обошлось без препятствий: Катин отец долго не давал согласия на брак, то ли из чувства классовой неприязни, то ли по крутости нрава и природного упрямства. В конце концов, скрепя сердце, согласился. Но три года ни разу не появлялся на пороге дома Аверьяновых, несмотря на уговоры навещавшей его дочери.

Как-то удалось пережить лихолетье Гражданской войны.

Народились дети: 25 сентября 1922 года - старший - Константин, следом - второй сын Федор (так назвать его настояла мать в честь первого мужа), затем - дочь Евстолия, после - еще один сын - Василий и почти через десять лет после первенца - младшая дочь Анна. Правда, сыновья Федор и Василий умерли в раннем детстве.

А теперь, обо всем и обо всех по порядку.

СТУДЕНЕЦ, НАЧАЛО.

В Студенце жизнь Кости Аверьянова складывалась так же, как и любого деревенского мальчишки. Пока был совсем мал, спал и возился в люльке, а потом крутился при мамке. Когда чуть-чуть подрос, начал посильно помогать родителям по хозяйству, нянчился с младшей сестрой Евстолией (или Талей, как ее обычно называли).

Таким образом шел день за днем.

Каждое утро начиналось с легкого (от чего невозможно было не проснуться), нарастающего тепла печи, растопленной матерью, громыханья ухвата, отправляющего казанок с картошкой поближе к огню. Потом появлялись запахи, и в воздухе витало само предвкушение - немножечко соли, чуть-чуть постного масла - и жизнь удалась...

После такого можно было хоть весь день гоняться по луку за овцами, бежать на каждый Талюшкин крик, чтобы покачать ее в люльке. А под вечер, после того, как мать подоила корову, напившись парного молока, можно было упокоиться до такого же чуда на будущее утро.

Ну а если еще приезжал отец... Не часто это бывало - в неделю раз, а чаще - в две-три. Тогда действительно случался праздник.

И дело было не столько в гостинцах, которые привозил папка, а в абсолютной свободе скакать у него на коленях, хватать за пальцы руки, больше похожей на лопату, теревить на голове жесткие, пропахшие кузнечной копотью волосы...

Наконец, пришло время идти в школу. Однако начало учебы не обошлось без проблем. Наркомпросовские чинов-

10-летний Костя с отцом Антоном Львовичем (слева) и его другом-молотобойцем

ники на том основании, что Костя родился после 1 сентября, не позволили пойти ему учиться в 29-ом году.

Так что в 30-м, когда Костя все же пошел в школу, он поневоле оказался переростком среди своих одноклассников. Но это не мешало ему быстро освоиться в классе. Особенно сдружился с Колей Кондратьевым и Витей Сухановым.

Ходить в школу нужно было аж за три километра - в село Ликеево (ныне поселок Новоликеево). По зиме тропы и дорогу переметало так, что до школьного крыльца приходилось порой добираться по пояс в снегу. Но веселую троицу это никак не смущало. Благо, после уроков, на обратном пути можно было от души накататься со склонов окрестных оврагов.

Отец, собирая Костю в школу, купил ему портфель. Для деревенской детворы - абсолютная диковина. Ведь книжки и тетради тогда носили, в основном, в полотняных сумках, а то и еще проще - за поясом. Из-за этого дермантиновго аксессуара пацаны частенько подтрунивали над Костей, мол, с таким-то портфелем быть тебе непременно большим начальником. Но в то же время этот самый портфель, помимо основного, получал и дополнительное применение - на нем можно было весьма комфортно скатываться с ледяной горки или по заснеженному спуску.

Правда, один раз такое катание едва не закончилось плачевно. Разогнавшись по овражному склону, Костя угодил в глубокую снежную яму. А сошедшая с противоположного склона небольшая лавина окончательно завалила мальчиш-

ку снегом. Благо, Витка и Колька оказались рядом, откопали...

Летом становилось еще веселей. Если не было поручений от родителей, можно было развеселой ватагой играть на деревенском выгоне в футбол, в лапту или разбивалку. Частенько всей компанией отправлялись в Ветчаковский лес за грибами и ягодами, либо на речку Кудьму купаться, ловить рыбу или раков.

Так бы безмятежно все и шло дальше, пока не произошло событие, раз и навсегда изменившее жизнь десятилетнего Кости. Мальчишка увидел самолет...

Сразу же надо отметить, что первое Костино знакомство с авиацией произошло при весьма комичных обстоятельствах.

Было это жарким июльским днем 1932 года. Мать вытащила на двор старый, доставшийся от родителей сундук, развесила на веревках и изгороди его содержимое и оставила открытым для просушки. Неподалеку копошились неразлучные друзья - Костя, Коля и Витя.

Вдруг ясное небо наполнилось незнакомым гулом. Над деревней на небольшой высоте, так, что тени скользили по земле, появилась армада крылатых машин. Видимо, самолеты перелетали на Дальний Восток - тогда там было очень беспокойно. Не ознакомленные с военно - политической обстановкой пацаны натурально струхнули. Как по команде, всей троицей сиганули в сундук и накрылись крышкой. Долго ее не открывали, даже когда

Костя с матерью Екатериной Васильевной и сестрами Евстолией (слева) и Анной. Д. Студенец, 1934 г.

Костя Аверьянов (первый слева в третьем ряду) со своими одноклассниками, 1933 г.

Начало сентября. Идет урок. Костя и Витя Суханов сидят за одной партой, вслушиваясь в разъяснения учительницы. И тут в раскрытое окно класса ворвался треск и чиханье мотора, над школьным двором промелькнул силуэт снижающегося самолета. Все сорвались с мест и ринулись к окну. Увидели, что самолет сел на поле сразу же за деревней. Едва не сбив учительку с ног, кто - в дверь, кто - в окно, рванули за околицу. Мигом добежали до машины.

А там, оседлав капот, гремя ключами и поминая незлым тихим словом все и вся, пилот приземлившегося самолета возился с мотором. Видимо, посадка все-таки была вынужденной из-за каких-то неполадок с этим самым мотором.

Между тем вокруг машины уже собиралась толпа - сбегались все - и взрослые, и дети. Оно и понятно: для маленькой волжской деревеньки - событие совершенно неординарное. Хотя в то время все были наслышаны по радио, знали из газет об успехах отечественной авиации, уже был брошен клич: "Комсомолец - на самолет!". Однако живую самолет никто не видел.

Первым из всей изумленной и оробевшей оравы пацанов к машине подошел Костя. Принюхался к маслянисто-прогорклому запаху двигателя, качнул рукой лопасть пропеллера.

- Что, тоже летчиком хочешь быть? - спросил сверху пилот.

- Обязательно буду! - задрал голову, уверенно ответил мальчишка.

гул пролетающих машин окончательно стих. Выбравшись наружу, полудыхнувшиеся и мокрые от пота, долго озирались по сторонам, толком так и не поняв: "А что же это было?"

Второе пришествие авиации случилось уже через два месяца.

Потом, когда починка закончилась, собравшиеся мужики оттолкали машину в начало поля, развернули для взлета. Натужно кашлянув сизым выхлопом, застрекотал мотор, машина сорвалась места, подпрыгивая на кочках, пробежала несколько десятков метров и взмыла ввысь, растворившись через несколько секунд в небесной голубизне.

Наверное, именно тогда, провожая взглядом уходящий самолет, Костя окончательно заболел небом. Именно тогда сделал свой первый шаг к штурвалу крылатой машины, к будущим высотам летного мастерства.

Вообще в 1932 году кроме знакомства с авиацией произошло еще несколько событий, разных по своей значимости в дальнейшей жизни семейства Аверьяновых.

Первое, пожалуй, не самое важное - в том году Нижний Новгород был переименован в Горький, и таким образом Аверьяновы в одночасье стали жителями Горьковской области. Правда, плавного течения жизни это никак не изменило. Жили не богато, но по тому времени и не бедно: дом, сад, подворье, корова, овцы, домашняя птица.

В том же году родилась младшая из Костиных сестер - Анна.

И, наконец, последнее событие, которое через полтора года круто изменит жизнь сормовского кузнеца Антона Аверьянова и его семьи.

В сентябре 1932 года началось строительство канала Москва-Волга им. И. В. Сталина, а в Дмитрове, таком далеком от Богом забытого Студенца, был основан Дмитлаг - крупнейшее лагерное объединение ОГПУ-НКВД, специально созданное для строительства канала.

БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ И ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

На великую сталинскую стройку со всех концов страны сотнями тысяч свозились заключенные. С предприятий из различных городов по партнабору или по найму в Дмитров переводились многочисленные специалисты. Летом 34-го в их числе оказался Антон Львович. Видимо, предложение переехать в Дмитров было из разряда таковых, от которых невозможно отказаться. Поразмыслив и прикинув, что на строительство канала вполне возможно отправиться не только вольнонаемным, но и по этапу, Антон Львович согласился.

Тяжелее всего известие о переезде восприняла жена, Екатерина Васильевна. Как это так, бросить все, дом, хозяйство, и ехать непонятно куда!

Но ничего не поделаешь, пришлось смириться. Поспешно продали дом, распродали почти за бесценок татарам-перекупщикам скотину, нехитрые домашние пожитки. Из всего нажитого оставили себе сосновский кованый сундук (приданное Екатерины Васильевны), два оцинкованных 15-литровых ведра, швейную машинку и несколько узлов с одеждой. С таким скромным скарбом и полуторогодовой Анечкой на руках отправились в неизвестность.

По дороге заехали к родне в Лукерьино. Гостили совсем недолго. На прощание Екатерина Васильевна сказала своей сестре Анне: "Под Москву едем. А я помирать еду".

Слова эти оказались пророческими.

Добирались на перекладных несколько дней.

Сначала - на пароходе из Кстово до Горького. Эта часть путешествия не была долгой - всего несколько часов. Но сколько

всего передумал Костя за это время, сидя на узлах на пароходной палубе! За кормой постепенно растворялись в дали очертания кстовской пристани. Что творилось в душе мальчишки, трудно представить. Наверное, чувствовал, что вернуться сюда ему уже не суждено, что прежнее беззаботное житье осталось позади. А впереди ждет новая, неведомая жизнь на новом месте. И эта неизвестность пугала и одновременно манила...

Из Горького проехали на поезде с пересадками до Александра и Загорска (Сергиева Посада). И, наконец, до Дмитрова.

Старший Аверьянов устроился кузнецом в ремонтные мастерские канала (ныне Дмитровский завод фрезерных станков).

Неподалеку получил и жилье - комнату с общей кухней в инженерном доме в сосняке. Так поначалу и ютились впятером на 15 квадратных метрах.

Костя пошел учиться в 4-й класс школы № 4 в Заречье (бывший дом купца Титова, ныне - центр "Остров надежды"). В то время русло канала еще не отсекло Заречье от остального Дмитрова, поэтому эта школа оказалась самой близкой к дому, каких-то 10-15 минут пешим ходом.

На новом месте жизнь Аверьяновых, надо сказать, изменилась совсем не в лучшую сторону. Заработки Антона Львовича на Каналстрое были куда как скромнее, нежели на Сортовском заводе. Отсутствие привычного домашнего хозяйства тоже сильно било по достатку семьи.

Не менее тяжело все складывалось и на работе у старшего Аверьянова. На кузнице, он был единственным вольнонаемным. Все остальные - сплошь сидельцы Дмитлага. Изнурительный рабский труд, скудный лагерный паек, невыносимый быт и болезни выкашивали людей сотнями. Суровому, сильному, не терпящему несправедливости Антону Аверьянову было крайне тяжело изо дня в день все это видеть. Как мог он старался помогать подневольным бедолагам. Каждый раз со своей скудной полочки покупал им хлеба, махорки. Так что семье оставалось совсем немного.

А к концу года слегла мать. Тяжелый туберкулез мучительно и неумолимо сжигал еще молодую 34-летнюю женщину. По всей видимости, Катерине Васильевне аукнулось ее первое замужество за туберкулезным Федором Крупичевым. Скорее всего, тогда-то она и заразилась от него, а болезнь

Екатерина Васильевна Аверьянова,
1934 г.

лишь до поры до времени не давала о себе знать. Теперь же, после всех злоключений и связанным с ними стрессом недуг вырвался наружу. Больше она уже не вставала.

Все заботы по дому и маленькой сестренке Ане легли на плечи Кости и Тали - Евстолии. Особенно тяжело приходилось 10-летней Евстолии. По большей части именно ей приходилось готовить еду, заниматься уборкой. Конечно же, помогал и Костя, и соседи по дому. Но все равно, было тяжело. К этому же времени младшенькая Аня уже научилась

ходить, а за ней нужен был глаз да глаз...

Вот что случилось в начале 1935 года.

Зимой обычно темнеть начинает рано. На кухне в сумеречном полумраке хлопотала Евстолия. Рядом, гукая и что-то бормоча на только ей понятном языке, крутилась неугомонная Аня. Из комнаты время от времени раздавался надрывный кашель матери. На горячей керосинке закипело молоко для каши. Евстолия сняла с примуса дымящуюся кастрюльку и поставила ее на полотенце, расстеленное на столе. И стоило ей отвлечься буквально на секунду, как маленькая сестра схватилась за край злополучного полотенца и потянула на себя. Мгновение и крутой кипяток из опрокинутой кастрюли выплеснулся на ребенка... Повезло еще, что не на голову, не на лицо.

По вызову к дому примчались сразу две кареты "Скорой помощи". Одна увезла в районную больницу обожженную Аню, на другой - отправили в тубдиспансер мать. Через день Екатерину Васильевну перевезли в Москву и поместили в туберкулезную лечебницу в Сокольниках. Костя несколько раз исхитрился навестить мать в больнице. Его как-то раз увидела там тетка Ульяна. Как удавалось 12-летнему пацану добираться из Дмитрова до Москвы (больше 80 км в те времена), как ему вооб-

ще удалось разыскать больницу, где лежала мамка, - одному Богу известно.

Домой мать уже не вернулась. Похоронили Екатерину Васильевну где-то в Москве, но где ее могила, Костя так и не узнал...

Прошло около двух месяцев, и однажды, весенним вечером, отец появился на пороге дома с какой-то женщиной, одного возраста с матерью и даже чем-то похожей на нее.

- Это ваша новая мама, - представил ее, как отрезал, Антон Львович.

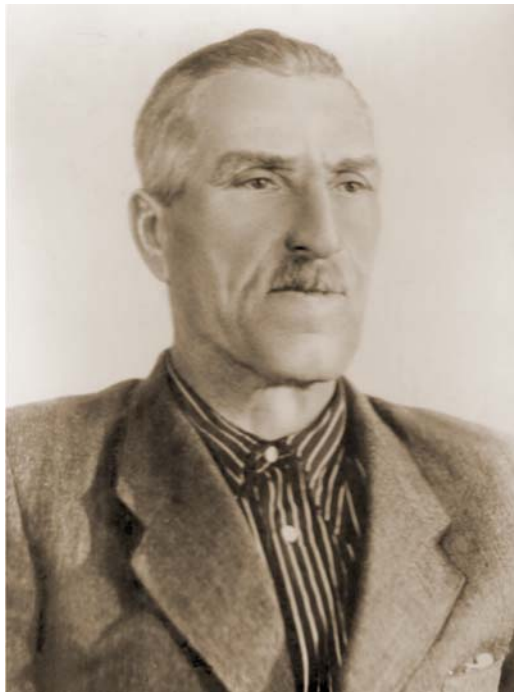
Неловкая пауза длилась совсем недолго.

- Проходите в дом, мама! - широко улыбаясь, Костя подошел к немного оробевшей женщине. Следом, переваливаясь на еще нетвердых ногах, подскочила Аня и деловито уцепилась за юбку. Знакомство состоялось.

Анна Евдокимовна Крайнова (так звали эту женщину), очень быстро сумела стать для детей по-настоящему второй мамой. Будучи бездетной, всю свою нерастраченную материнскую любовь, ласку и заботу она подарила приемным детям, ставшими для нее родными.

Анна Евдокимовна и Антон Львович Аверьяновы
с дочерьми Анной (слева) и Евстолией. Фото 1960-х гг.

Антон Львович Аверьянов,
нач. 1950-х гг.

Правда, поначалу ершистая Евстолия упорно не хотела принимать Анну Евдокимовну, тем более, называть ее мамой.

- Что я не знаю, кто моя настоящая мама! - упрямо твердила она.

Но и эта шероховатость постепенно сгладилась, и Аверьяновы стали полноценной дружной семьей. Жизнь постепенно вошла в свое привычное русло. Но ненадолго...

У Аверьянова - старшего совершенно не заладилось на работе. В конце концов, устав вариться в этом ГУЛАГовском котле, он уволился из ремонтных мастерских.

Служебную квартиру

пришлось освободить. И опять - ни кола, ни двора. В поисках работы переехали во Фрязино. Сняли жилье. Антону Львовичу удалось устроиться кузнецом на один из заводов в Электростали. И снова ненадолго: через месяц - другой, не ужившись на новом месте работы, Аверьянов попросил расчет.

Вернулись в Дмитров. Отец пошел работать на экскаваторный завод, Анна Евдокимовна подрядилась мыть полы в "казенках" (магазинах). Затем устроилась уборщицей в трест "Гидропроект". От Гидропректа получили комнату в бараке на Пушкинской улице.

Так и обосновались в Дмитрове, теперь уже навсегда.

КРАШЕНАЯ МЫШЬ И БЕЛОКАЧАННАЯ КАПУСТА

Учиться в 5-ом классе Константин Аверьянов пошел в школу №5, что на Пушкинской улице или, как ее еще называли, "красную школу на горе".

1 сентября 1935 года Костя вошел в свой новый класс. Будущие одноклассники немедленно обступили его, разглядывая в упор невысокого, щупленького новичка. Одет скромно: хлопчатобумажная косоворотка, подпоясанная тоненьким ремнем, простенькие брюки, в стоптанных ботинках. Однако паренек совсем не смутился, окинув ребят приветливым голубоглазым взглядом, предложил познакомиться. К концу занятий в классе он уже был совсем "своим". Костина непосредственность и открытость подкупала с первых минут. Его рассудительность и, в то же время, откровенность притягивали к нему сверстников. Все, что думает, всегда говорил в лицо, безо всяких недомолвок. И делал это так, что его прямота никого не обижала. Говорил всегда громко, шепота нет признавал.

Пролетело еще несколько дней, и у Кости появились друзья - Боря Быков, Коля Жемаев. Пройдет совсем немного времени, и эти ребята будут вместе летать, а потом и воевать...

А пока все катилось по проторенной школьной дорожке: утром по пути в школу Костя заходил за Борисом, после уроков вместе возвращались домой.

Кроме Кости в ту пору в бараках жили практически все его одноклассники (как, впрочем, почти вся страна). А барачная жизнь - особая статья: постоянные сырость и сквозняки, вечно хлопающие двери в коридоре. По утрам - длинная очередь в уборную или к умывальнику. Помните, как у Высоцкого:

Костя Аверьянов с одноклассником Борисом Быковым, 1937 г.

Все жили вровень, скромно так,
Система коридорная:
На тридцать восемь комнаток
Всего одна уборная.
Здесь на зуб зуб не попадал,
Не грела телогреечка,
Здесь я доподлинно узнал
По чем она - копеечка.

И, конечно же, самый неотъемлемый атрибут - полчища тараканов и мышей. По ночам в комнате, за сундуком, были постоянно слышны громкий шорох и многоголосый мышиный писк. А когда становилось холодно, неутомимые грызуны буквально сатанели и лезли из всех щелей, ни на кого не обращая внимания. Это очень пугало трехлетнюю Аню. Поэтому Костя решил покончить с мышами раз и навсегда.

Как-то, возвратившись из школы, сразу же устроился возле сундука и стал терпеливо ждать, пока из-за него высунется кто-нибудь из хвостатых. Аня с интересом наблюдала за охотой брата. Наконец, после недолгого ожидания искомый

грызун был изловлен. Схватив за хвост неистово верещащую мышь, Костя забрал со стола чернильницу-непроливайку и направился к умывальнику.

- Сейчас убивать будет, - похолодела от ужаса Анечка.

Но, трясаясь от страха, все-таки пошла вслед за братом. Ожидая увидеть сцену страшной мышиной казни, приоткрыла дверь и обомлела от удивления. Костя, все так же держа мышь за хвост над раковиной умывальника, обильно поливал ее чернилами из непроливайки.

Покраска была закончена, когда цвет мышиной шкуры стал радикально фиолетовым и идеально ровным. После чего свежеекрашенная тварь была отпущена на свободу с напутствием: "Передай своим, чтобы к Аверьяновым больше не ходили!"

Трудно сказать, что именно сработало в этом ноу-хау: то ли Костины слова подействовали, то ли крашенная мышь так перепугала своих сородичей, но с тех пор мыши в комнате у Аверьяновых более не появлялись.

Как правило, именно возле Костиного барака собирались его друзья, здесь же и развлекались, как могли.

Барак был построен отсыпным, так что с тыльной его стороны можно было без труда забраться на крышу. А козырек над барачным крыльцом располагался уже на приличной высоте. Из этого козырька приятели решили устроить парашютную вышку. В качестве парашюта позаимствовали у соседей зонт. Однако после второго или третьего прыжка этот импровизированный парашют попросту сложился в обратную сторону, что, естественно, вызвало законное неудовольствие хозяев зонта. Зонт отобрали.

Еще одним развлечением и, вместе с тем, полезным времяпрепровождением были походы на Бирлово поле и во Внуковский лес. Оттуда всегда возвращались с корзинами, полными ягод или грибов. Многие успевали засолить, заготовить на зиму. Конечно же, такие дары леса приятно разнообразили не слишком богатый домашний стол.

Но самое приятное во время ужина было чаепитие, потому что в этот момент подавался сахар...

Тот сахар, что сейчас - песок или рафинад - ничто по сравнению с кусковым сахаром образца 30-х годов. Тогда только в

высоких кабинетах потребляли песочек или кубики, мгновенно растворявшиеся в воде. А простой советский гражданин получал в магазинах сахар в виде напильных кубиков или, еще проще, весовыми кусками, напоминавшими собой обломки застывшей вулканической лавы. Так или иначе, этот продукт надо было каким-то образом разбивать и измельчать, потому, что такую затвердевшую субстанцию просто так растворить в стакане с чаем было невозможно.

Для этой цели существовали различные инструменты. Весьма распространенным способом было раскусывание кусков специальными щипчиками. Правда, это было уделом натур утонченных и манерных. А мужики, не утруждавшие себя соблюдением политеса, предпочитали колоть сахар ножом у себя на ладони. Именно таким способом Антон Львович Аверьянов по вечерам оделял свою семью сладким крошечком. И чай пили исключительно вприкуску, потребляя под каждый кусочек сахара неимоверное количество жидкости. Но для детей смысл чаепития заключался не в этом. Можно было бы выпить не одну чашку пустого чая только лишь ради возможности заполучить вожделенный сладкий камушек, а потом, засунув его в рот, долго, словно леденец, рассасывать, наслаждаясь его сладостью. Какие конфеты, какой шоколад мог сравниться с этим!

Сладкого не хватало, хотелось его всегда. Те нечастье случаи, когда при походе на базар Анна Евдокимовна одаривала детей трехкопеечными петушками на палочке, утолить это желание никак не могли. Сладкого хотелось вновь и вновь!

Сахар родители обычно хранили в сундуке и под замком. Но нет преград для достижения цели вожделенной - Костя научился с помощью гвоздя открывать казавшийся неприступным замок. Из сундука доставали завернутый в тряпицу сахарный камень, отбивали от него кусочек, делили на троих и лакомились, оправдывая этот взлом каждый по-своему.

Костя - тем, что ему надо расти, быть высоким, и без сахара здесь никак не обойтись.

Евстолия - тем, что, раз уж Костя достал, то почему бы и не съесть.

Аня же ничего не выдумывала. Безо всяких мыслей обсащивала свой кусочек и просто радовалась...

Время от времени по пути из Внуковского леса ребята заходили в колхозный сад, расположенный неподалеку, и втихую собирали там яблок. Правда, такой промысел в один момент обернулся Косте большими неприятностями.

Однажды, вернувшись из такого похода в лес, Костя помимо грибов принес домой несколько "экспроприированных" колхозных яблок. Спрятал их под кроватью. Но Евстолия, убиравшая комнату, выгребла яблоки и по простоте душевной разложила их на тумбочке.

Вернувшись с работы, отец увидел это плодовое изобилие и сурово заинтересовался: "Откуда это?" Пришлось Косте рассказать о своем визите в сад.

- У тебя что, сада не было? Не помнишь? Яблок никогда не ел? - взвился, потемнев лицом, Антон Львович, - Почему берешь чужое?

И в следующую секунду тяжелая отцовская оплеуха, словно удар веслом, отправила Костю кубарем под кровать. Туда, откуда и были извлечены злополучные яблоки.

С разбитым носом, напуганный столь крутым родительским гневом, Костя два дня практически не вылезал из-под кровати, прятался, стоило только отцу появиться дома. Больно уже не было. Обидно было и непонятно - за что? И только на третий день, уже Анна Евдокимовна еле-еле выманила мальчишку из "подполья", - мол, отец тебя простил, и обиды больше не держит.

Не стоит думать, что Антон Аверьянов был так уж строг и безжалостен. В другое время подобную мальчишескую шалость он (как и многие другие) и за шалость бы не посчитал. Скорее всего, к таким суровым методам убеждения Антона Львовича подтолкнул страх за сына. Ведь в те годы в стране действовало постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности", больше известное в народе как "Закон о трех колосках" или "Указ семь - восемь". По этому закону за несколько срезанных на колхозном поле колосков или пригоршню яблок из колхозного сада очень просто можно было получить до десяти лет лагерей. Причем с двенадцатилетнего возраста. Так что оплеуха была, в известной степени, средством профилактики...

Как бы то ни было, обида быстро прошла, и, как водится у любого ребенка, о суровой отцовской взбучке Костя больше не вспоминал. А полученный от отца урок Аверьянов - сын усвоил на всю жизнь.

Однако через пару месяцев уже Костины друзья сотворили такое, что Аверьянову - отцу не привиделось бы даже в самом кошмарном сне.

Дело в том, что Костя давно мечтал научиться играть на гитаре. О покупке инструмента, конечно же, речи идти не могло. Самая дешевая семиструнка стоила не менее семи червонцев. Естественно, подобные траты Аверьяновы позволить себе никак не могли. Денег таких просто не было.

Этой печалью Константин поделился со своими друзьями. Ну а те, недолго думая, решили пособить товарищу. Способ помочь выбрали весьма нетривиальный и очень даже опасный: чтобы изыскать необходимые для покупки инструмента финансы, пацаны отважились совершить ночной набег на колхозные капустные поля, где нарезали энное количество кочанов, а затем продали все это в Москве. На вырученные таким образом деньги и приобрели гитару.

Остается только гадать, сколько вилок белокочанной было срезано, чтобы собрать искомую сумму. А уж как они перевезли все в Москву - вообще загадка. И рисковали ведь очень серьезно. Как ни крути, это - "хищение в особо крупных размерах", и попадись бы хлопцы с поличным на этой операции, никто бы им не позавидовал...

Но чего только для друга не сделаешь! Главное - Костя стал счастливым обладателем настоящей гитары.

Не откладывая дело в долгий ящик, взялся за обучение, для чего в школьной библиотеке разыскал брошюрку-самочитель игры на гитаре по цифровой системе. Через несколько недель упорных занятий Константин уже вполне прилично брэнчал на своем инструменте.

Репертуар складывался из подобранных на слух популярных песен тех лет. А в то время особенно любимы народом были томные танго Ежи Петербургского и незатейливые, но очень мелодичные песни Вадима Козина под аккомпанемент гавайского ансамбля Бориса Крупышева. Главной особенностью их аранжировки было обязательное соло гавайской

слайд-гитары. Певучий, с плавными модуляциями, звук "гавайки" просто заворожил Костю. Ему очень хотелось воспроизвести на своей гитаре это чарующее звучание. После долгих экспериментов технология звукоизвлечения, наконец, была найдена. Вместо слайда (металлического цилиндра, которым водят по струнам) использовалась большая цыганская игла. Сестра Анечка помогала удерживать гриф, а Константин, прижимая иглой струны и передвигая ее по грифу, исполнял любимые мелодии.

Получалось неплохо и очень похоже.

В ПРЕДДВЕРИИ НЕБА

По воспоминаниям друзей, Костя учился в школе вполне успешно, но отличником не был. По складу ума он не был гуманитарием, но и сутобо технарем - математиком его назвать тоже было нельзя. Скорее, он был практиком, который до всего доходит сам. Видимо, еще с той первой встречи с самолетом его тянуло к технике. И он не только живо интересовался ей, но и неплохо в ней разбирался. Для этого он, пренебрегая порой общением со своими сверстниками, знакомился с шоферами, механиками, мотористами катеров, вместе с ними копался в моторах, обо всем расспрашивал их. Нельзя сказать, что в обществе взрослых ему было комфортнее, чем с одноклассниками. Просто было интересно. Нравилось копаться в чертежах, схемах двигателей, трансмиссий. Боре Быкову он как-то признался, что его самая заветная мечта - мотоцикл.

И все же самым большим увлечением Кости, конечно же, была авиация.

В те годы страна жила в атмосфере необычайного подъема. Молодежь, воодушевленная подвигами челюскинцев, рекордными перелетами Валерия Чкалова, Михаила Громова, Полины Гризодубовой и Владимира Коккинаки, рвалась в небо, готовилась преодолеть любые преграды и испытания. Широко развернулось массовое военно-спортивное движение ОСОВИАХИМа, в стране введен Всесоюзный физкультурный комплекс "Готов к труду и обороне СССР" (ГТО). А значок "Ворошиловский стрелок" стал самой престижной наградой для любого молодого человека или девушки.

Костя Аверьянов с необычайным воодушевлением окунулся в эту стихию. Уже в 7-м классе он поражал своих одноклассников

своим знанием авиации, часами мог говорить о самолетах, типах моторов, перелетах Чкалова и Громова. Им заслушивались, словно профессиональным оратором. Свои лекции Костя любил проводить на пассажирской пристани у красивого деревянного здания тогдашнего речного вокзала, где в то время собиралась по вечерам и выходным молодежь.

1937 год. Этот год был не только "годом большого террора", но и годом чкаловского триумфа. В этом же году Константин вступил в комсомол. И сделал этот шаг не только по своему глубокому убеждению. Просто без комсомольского билета и значка нельзя было и думать о поступлении в аэроклуб. Лишний раз убедиться в этом он смог, когда однажды в школу пришел демобилизованный красноармеец и объявил о наборе в кружок "Ворошиловский стрелок". Желавших было столько, что школьным активом было решено принимать туда только комсомольцев.

Кстати сказать, в этих кружках ребята имели дело не с пневматическими винтовками, а с настоящим боевым оружием - трехлинейкой Мосина, пулеметом ДП, наганом и ТТ. По мишеням стреляли тоже боевыми патронами. Благодаря такой практике, Костя научился очень хорошо стрелять. И навыки, полученные в стрелковом кружке, впоследствии сослужили ему хорошую службу, когда нужно было снайперски бить из пушек и пулеметов штурмовика. Можно сказать, значок "Ворошиловский стрелок" стал предтечей его боевых орденов и золотой звезды Героя Советского Союза.

Кроме этого Аверьянов поступил еще и в кружки ПВХО (противовоздушной и химической обороны) и БГСО (Будь готов к санитарной обороне СССР), с отличием окончил обучение в них, сдал все нормативы и получил все соответствующие значки, которые носил с большой гордостью.

Ворошиловский стрелок
Константин Аверьянов. 1937 г.

1938 г. Косте Аверьянову 16 лет.

Конечно же, увлекался и спортом: бегал на лыжах, отлично катался на коньках, играл в русский хоккей. Для этого даже экспроприировал у младшей сестры Анечки спортивную шапочку с помпоном...

Вообще-то увлечение физкультурой и спортом было настоящей и хорошей модой тогдашней молодежи. Советская власть, разрушив устои старого общества, стремилась и все-таки смогла что-то дать подрастающему поколению - в виде стремления к физической закалке, здоровому образу жизни.

Но больше всего Костя Аверьянов любил наведываться в городской парк. Не столько из-за его пруда с купальней, бильярдом и библиотекой, сколько из-за парашютной вышки. Кстати, у рощи на улице Космонавтов сохранилась одна из бетонных опор этой вышки.

Тогда парашютные вышки были приметой времени, непременным атрибутом любого мало-мальски приличного парка или спортивного комплекса. Именно с этих вышек, из кружков и аэроклубов миллионы юношей и девушек затем шагнули в большую авиацию, создали тот стратегический резерв, без которого нашим армии, авиации и флоту было бы очень непросто выстоять в Великой Отечественной войне.

Сейчас, к сожалению, этих парашютных вышек уже не увидишь в наших городах. Во всяком случае, во всем Подмосковье я знаю только одну - в селе Лучинском, которую построил руководитель Дмитровского аэроклуба, легендарный испытатель парашютных систем Герой России Игорь Тарелкин.

Косте очень нравилось прыгать с вышки, но прыжки были платными, и не каждый мальчишка мог позволить себе лиш-

нюю попытку. Просить деньги на прыжки у родителей было бессмысленно - на такую, по их мнению, блажь просто не дали бы. Приходилось идти на маленькую хитрость...

- Мам, дай сорок копеек. Учебник по физике надо купить.

- Мы же, вроде, физику недавно покупали... - недоуменно отвечала мать. Хотя для нее что химия, что физика, что алгебра были вещами абсолютно неизвестными.

- Так это ж не по физике... Мы по химии покупали, - настаивал Костя, - А по физике у меня ничего нет. Очень надо купить!

Обреченно вздохнув, Анна Евдокимовна открывала свой капшучок и отсчитывала ему пару двугривенных.

Костя немедленно отправлялся в парк, перелезал через забор, чтобы не платить за вход, и - напрямик к вышке. Там и трагил полученные, пусть и не слишком праведным путем, деньги на парашютные прыжки.

В августе 38-го после окончания семилетки неожиданно возникли проблемы с учебой. Поступить в 8-й класс оказалось невозможным - все школы в Дмитрове и даже в Яхrome были переполнены. Оставалось попытаться удачи в Деденево.

- И не думай - мест нет. Иди, поступай в ремесленное училище! - отрезал, встретив Костю в школьном коридоре, директор Деденевской школы И. Е. Соин.

- Но я же хочу учиться, хочу быть летчиком! - со слезами на глазах не сдавался настырный проситель.

- Понимаешь, у меня один восьмой класс заполнен целиком, а во второй только два заявления подано. Не могу же ради трех человек открывать новый класс. Хотя... - директор задумался на несколько мгновений.

- Я смогу открыть еще один класс, но только если ты наберешь для него учеников.

Непонятно, отчего Соин предложил Косте такой, мягко говоря, авантюрный вариант решения проблемы. То ли действительно был растроган его неподдельной тягой к знаниям, то ли просто хотел, чтобы от него отвязались. Видимо, надеялся или был уверен, что ничего из этого не выйдет...

Эх, знал бы Иван Ефимович, как он просчитается! Костя, каким - то невероятным образом, исхитрился сагитировать на уче-

бу в Деденево аж 17 человек из числа своих друзей и знакомых - как раз на целый класс. Через несколько дней эта гоп-компания во главе с Аверьяновым прибыла к директору школы со всеми необходимыми документами для поступления в 8-й класс. И ошарашенному таким напором Ивану Ефимовичу ничего не осталось, кроме как смириться и выполнить свое обещание. Приняли всех.

Радости было много, но и проблем прибавилось. До Деденево каждый день надо было как-то добираться. Это сейчас электрички курсируют через каждые 20 минут. А тогда поезда ходили редко и на платформе "Турист" почти не останавливались.

Но и из этого положения выход был найден. Костя со своим приятелем Олегом Бородиным сумели уговорить отца их одноклассницы, машиниста товарного поезда, и тот частенько подсаживал их к себе на паровоз. А когда подъезжали к Туристу, товарняк сбрасывал ход и ребята как заправские каскадеры на ходу десантировались с паровоза, благо железнодорожная насыпь в этом месте была невысокой.

В 1938 году для улучшения подготовки летчиков Дмитровская летная школа спортивного общества "Динамо" Дмитлага НКВД была преобразована в филиал Московского областного

Костя Аверьянов (крайний справа) с одноклассниками, которых он "сагитировал" на учебу в Деденевской средней школе, 1938 г.

аэроклуба. Надо отметить, что на тот момент аэроклуб располагал отличной учебной базой: имел собственное здание с прекрасно оборудованными учебными классами и кабинетами. Бывший в то время начальником Дмитровского аэроклуба Александр Николаевич Моложаев не без гордости рассказывал об аэродроме на Бирловом поле, где на летном поле стояли 5 аэроклубовских самолетов У-2, 2 планера, имелось 2 автомобиля и большой комплект парашютов.

Осенью того года в этот аэроклуб собрался поступить Костя Аверьянов.

Однако стать курсантом аэроклуба с первой попытки не получилось. В первый раз медкомиссия забраковала его при поступлении на отделение планеристов. Причина - малый рост, в кабине планера ноги не доставали до педалей. Чего только Костя не предпринимал, чтобы быстрее подрасти: подолгу висел

Начальник Дмитровской летной школы спортивного общества "Динамо" Дмитлага НКВД А.Н. Моложаев. 1937 г.

Учебно-тренировочный самолет У-2

на турнике, а то ложился на крыльце на спину и просил сестренку Аню покрепче потянуть за ноги, надеясь, что после такой процедуры вытянется хоть на сантиметр - другой.

Буквально через месяц была предпринята вторая попытка поступить, теперь уже на отделение парашютистов. Результат тот же - негоден, молод, мал. Отчаявшись, Костя попытался самостоятельно изменить вердикт врачей: в медицинском заключении он хлоркой вытравил надпись "Не годен" и собственной рукой вписал "Годен". Подлог, естественно, вскрылся, и в штабе аэроклуба пригрозили сдать юного фальсификатора в милицию.

Тогда Константин решил "пойти другим путем". Он напросился в помощники к начальнику парашютного отделения, который по вечерам проводил занятия на парашютной вышке. Костя прыгал сам, рассказывал о правилах обращения с парашютом другим посетителям аттракциона, ухитряясь при этом и сам иногда внепланово прыгнуть. Причем прыгал и с 20-метровой и 40-метровой площадок. В конце концов, своим упорством и настойчивостью он "дожал" Моложаева, и Александр Николаевич махнул рукой: "Учись!"

Так, с третьей попытки Костя Аверьянов все-таки попал в аэроклуб.

Поступление в аэроклуб сделало Костину жизнь еще более напряженной: с раннего утра надо ехать в школу в Деденево. Только вернешься с занятий, как надо уже быть в аэроклубе. Там - до позднего вечера. Вдобавок - периодические ночные дежурства на аэродроме. Пока аэродром базировался на Бирловом поле, было терпимо - все-таки неподалеку от дома. А когда летное поле перенесли в район Первомайского, добираться на аэродром стало намного дольше. Живя в таком темпе, Костя очень выматывался, спал урывками. По всей видимости, именно с этого времени он приучился засыпать при первой возможности в любом месте, что впоследствии не раз отмечали его фронтовые друзья. Но Костя не унывал, наоборот - эти трудности только подстегивали его в стремлении стать летчиком.

Со временем родители и сестры стали относиться к Костину увлечению с уважением, даже с гордостью, справедливо полагая, что он добьется своего.

Как-то шестилетняя Аня попросила Константина "покатать ее на самолете".

- Приходи завтра после обеда на поле (аэродром тогда еще находился на Бирловом поле), - лукаво согласился Костя, "забыв" при этом напомнить, что завтра - воскресенье.

С самого утра Аня, распираемая гордостью, рассказывала каждой встречной знакомой:

- А меня сегодня брат на самолете катать будет!

- А меня он сможет покатать? А? Ну пожалуйста! - начинала канючить ее подружка.

- Ладно, ладно, я его попрошу, - снисходительно успокаивала ее Аня.

К обеду таких желающих со всей улицы собралось полтора десятка человек. В назначенное время кампания жаждущих полета объявилась на Бирловом поле. Однако здесь их ожидало глубокое разочарование - охранявший аэродром часовой развернул детей обратно.

- Какие полеты? Идите, домой идите, сегодня же выходной - воскресенье! - напутствовал он несостоявшихся авиапассажиров.

Обиде не было предела.

За всем этим действием из кустов наблюдал Костя, предусмотрительно спрятавшийся туда, когда увидел подступавшую к летному полю ораву.

Вечером зареванная Аня встретила брата на крыльце.

- Как же так? Ты же обещал! - всхлипывала Аня.

- А я тебе что говорил? Правильно - приходи одна. А ты всю Пушкинскую собрала, - нарочито сурово, едва сдерживая смех, отчитывал сестру Костя.

Получилось, конечно, не очень хорошо... Но что случилось, то и получилось.

Во всяком случае, с тех пор в полет Аня больше не просилась, благо, и аэродром вскоре перенесли в Первомайское.

Константин Аверьянов - курсант
Дмитровского аэроклуба

ПОСТАНОВКА НА КРЫЛО

Весна 1939 года. Костя окончил среднюю школу, однако продолжал свою летную учебу.

Летом Дмитровский аэроклуб закрыли, а курсантов, в числе которых был и Костя Аверьянов, перевели в аэроклуб им. Ляпидевского, что в Октябрьском районе Москвы.

Костя, оставаясь верным себе, и в этот раз выручил своего друга Олега Бородина и помог ему поступить в этот аэроклуб, умудрившись на медкомиссии пройти за него проверку по зрению.

Штаб аэроклуба находился на Суцевском валу, а тренировки на самолетах проводились на аэродроме в Теплом Стане. Теорию летного дела, устройство самолетов изучали в Лобненской средней школе, куда приезжали ребята со всего Савеловского направления.

Теперь Косте действительно приходилось разрываться между школой и аэроклубом. В школе уже начинались выпускные экзамены, не менее напряженной была и учеба в аэроклубе. Чтобы везде успевать, порой, приходилось самым настоящим образом рисковать жизнью.

Как-то после занятий в Теплом Стане Константину надо было срочно возвращаться в Деденево - в школе в этот как раз сдавали очередной экзамен. Опоздать было никак невозможно. Уехать сумел с Ленинградского вокзала на пассажирском поезде, упросив проводника. Однако на платформе Турист поезд не останавливался. Пришлось прыгать на полном ходу. Хорошо, что в то время по Савеловской железнодорожной ветке поезда ходили не очень быстро. Прыжок оказался удачным, на экзамен явился вовремя. Когда одноклассники узнали, ка-

Баллада о непобеждённом

ким образом Костя сумел не опоздать, изумлению, граничащему с шоком, не было предела.

- Да ты с ума сошел! Калекой же мог стать! - возмущались ребята.

- Вообще-то калекой я становиться не собираюсь. И с головой дружу. Просто я уже давно присмотрел одну площадку, там, на повороте поезд совсем ход сбрасывает и трава высокая. Камней там нет - сам проверял. Так что никакого риска. Не в первый раз. - успокаивал Друзей Костя.

Вот что вспоминает Костин друг Николай Жемаев о той поре:

- В течение двух месяцев мы жили в палатках в Теплом Стане, учились летать, прыгать с парашютом, аэроклубовцы очень стремились хорошо летать, за каждую ошибку свою и товарищей переживали. Костя был одним из лучших, его старания отмечали воспитатели, успехи приводили как пример для подражания. После окончания тренировок комиссия отобрала аэроклубовцев в летное училище. Так, в июле 1940 г. мы с Костей попали на Западную Украину в школу военных пилотов в г. Радехов (Радзехов). Она находилась в 7 км от города, южнее, где и разместились курсанты.

Захолустный западенский городишко Радехов находился в 80 км на северо-восток ото Львова. Но ознакомиться с его достопримечательностями курсантам летной школы так и не пришлось. Прежде всего, потому, что эти земли только несколько месяцев как оказались в составе СССР, в окрестно-

Курсант летного училища
Константин Аверьянов. 1941 г.

стях было беспокойно: там к тому времени уже активно орудовали бандгруппы Бандеры и Шухевича. Потому появляться в городе без особой нужды никто не стремился. Да и учебный день в школе военных пилотов был заполнен до отказа: физическая подготовка, занятия на плацу во всем обмундировании с винтовкой и скаткой, на головах - буденовки. Самостоятельно летали на ПО-2.

А уже в декабре 1940 года всех курсантов из Радехова перевели в авиационное училище в Энгельс. Здесь летали уже на Р-5, СБ, изучали ПЕ-2. Там же и узнали о начале войны.

Боевая учеба пилотов сразу же была переведена на военные рельсы и направлена на ускоренную подготовку летчиков для фронта. Директивой Главштаба ВВС РККА командованию Энгельского летно-авиационного училища была поставлена задача по организации обучения курсантов - летчиков на самолеты Пе-2. Подготовка маршевых авиационных полков стала производиться и с аэродромов этого училища.

В военных школах пилотов курсанты должны были научиться пилотированию днем в простых условиях, групповым полетам в составе звена и получить практику полетов по маршруту. Кроме того, летчики-истребители обучались основам воздушного боя, а бомбардировщики - бомбометанию с гори-

Самолет-разведчик Р-5

Пикирующий бомбардировщик Пе-2

зонтального полета и пикирования на самолетах УСБ и СБ до углов 40 градусов. Общий налет на одного курсанта истребительных школ определялся в 24 часа, а школ бомбардировщиков - 20 часов. Курсанты военных командных училищ должны были в течение двух лет овладеть техникой пилотирования днем и ночью, научиться водить звено и эскадрилью на всех высотах днем, ночью и в сложных метеоусловиях, на предельном радиусе действия самолета с боевым применением, вести воздушный бой одиночно и в группе. Общий налет на одного курсанта устанавливался до 150 часов. Для организации качественной подготовки летных кадров в учебные заведения направлялось большое количество самолетов и учебных пособий. Учиться было сложно, случалось, курсанты гибли. Начались катастрофы, которые проходили по одному "сценарию". Оторвавшись от земли и набрав высоту 20-30 м, самолет круто переходил в набор высоты, заваливался на крыло и падал. Экипаж, как правило, погибал. Причина - недостаток опыта: невыдерживание режима взлета вело к сваливанию.

Но как бы то ни было, в январе 1942 года в Энгельском училище состоялся первый выпуск летчиков на самолеты Пе-2.

В предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны в Энгельском ВАУЛ было подготовлено более 9 тысяч военных летчиков. Выпускники училища громили фашистов на истребителях и штурмовиках, легких ночных, пикирующих и дальних бомбардировщиках, внося весомый вклад в победу над врагом.

Более двухсот его выпускников в годы войны стали Героями Советского Союза. Прославили училище выпускники: Герой Советского Союза летчик - истребитель Георгий Зимин, летчики - штурмовики дважды Герои Советского Союза Мусса Гареев, Михаил Одинцов, Виктор Голубев, Герои Советского Союза Иван Пстыго, отважные летчицы - героини Марина Чечнева, Евгения Жигуленко, Ирина Себрова, Клавдия Фомичева

В такой вот alma mater и в такой компании учился летать Костя.

В июне 1942 года согласно приказу маршала Тимошенко училище ускоренно выпустило Костин курс. Получив вместо лейтенантских "кубарей" сержантские треугольники, Константин вместе с Николаем Жемаевым через месяц прибыли в 10-й запасной авиационный полк на станции Каменка-Белинская под Пензой.

И здесь их пути разошлись.

Константин Аверьянов был направлен на службу в качестве летчика - перегонщика на Куйбышевский авиационный завод перегонять самолеты Ил-2 на фронт.

НА ПЕРЕГОНЕ

Как известно, первые серийные Ил-2 были выпущены в Воронеже на заводе № 18. Но в ноябре 1941 года завод был эвакуирован в Куйбышев (нынешнюю Самару). Именно на этом предприятии и на куйбышевском заводе № 1 был налажен выпуск основного числа штурмовиков, отправленных на фронт. Хотя Ил-2 серийно производился еще и на авиационном заводе № 30 в Москве. Некоторое время в течение 1941- 42 годов самолет выпускался заводом № 381 в Ленинграде и Нижнем Тагиле.

22 января 1942 г. Государственный Комитет Обороны издал Постановление № 1180сс, согласно которому в отделе перелетов Штаба ВВС Красной Армии было сформировано отделение по перегонке самолетов с заводов. При авиационных заводах предписывалось иметь постоянные перегоночные эскадрильи и группы лидеров. В Куйбышеве в составе таких эскадрилий должно было иметься 30 перегоночных экипажей и 10 экипажей лидеров.

В такую эскадрилью при авиационном заводе №18 и попал сержант Аверьянов.

К этому времени система перегона самолетов с завода на фронт была уже достаточно хорошо отлажена: сначала собранный Ил облетывали заводские летчики-испытатели. Правда, из-за постоянной нехватки времени (фронт требовал все больше и больше штурмовиков) летные испытания ограничивались несколькими полетами над заводским аэродромом. Затем техник из перегоночной эскадрильи принимал по актам и описи самолеты и комплектацию. Машины

заправляли топливом и маслом, и они перелетали в запасные авиаполки, где уже и передавались вновь сформированным подразделениям или летчикам из боевых частей.

Казалось, бы рутинная работа, если бы не одно но...

Многие Ил-2 до фронта просто не долетали - терпели аварии и катастрофы при перегоне с заводов или мест формирования полков к фронту.

Анализ документов той поры показывает, что низкое качество сборки штурмовиков обуславливалось не только массовым приходом на авиазаводы малоквалифицированной рабочей силы (подростков, женщин, стариков), но и отсутствием военной приемки в заготовительных и агрегатно-механических цехах самолетостроительных заводов и на заводах-поставщиках комплектующих изделий. По этой причине военные представители не могли оказать существенного влияния на качество собранных самолетов, которое закладывалось на начальных стадиях производства. Военпреды осуществляли только окончательную приемку уже собранных штурмовиков. Летчики военных представительств работали в одном графике с заводскими летчиками и контрольные переоблеты самолетов после заводских летчиков не производили. Кроме того, самолеты проходили сдаточные испытания по сильно сокращенной программе и почти полностью были прекращены испытания самолетов головных серий. В результате получалось так, что новые дефекты серийного производства наслаивались на старые, до сих пор не устраненные.

Случалось, что перегонщики сталкивались в прифронтовой полосе с рыскающими в наших тылах фашистскими истребителями. И тогда участь штурмовиков, зачастую не имевших на борту боекомплекта, была трагичной. Так что профессия летчика-перегонщика не была такой уж безопасной.

Но, несмотря на это, Костя Аверьянов, как и сотни таких же пилотов, рвался на фронт, бомбардировал начальство рапортами о переводе в боевую часть. Но неизменно получал отказ, мол, ты здесь нужнее...

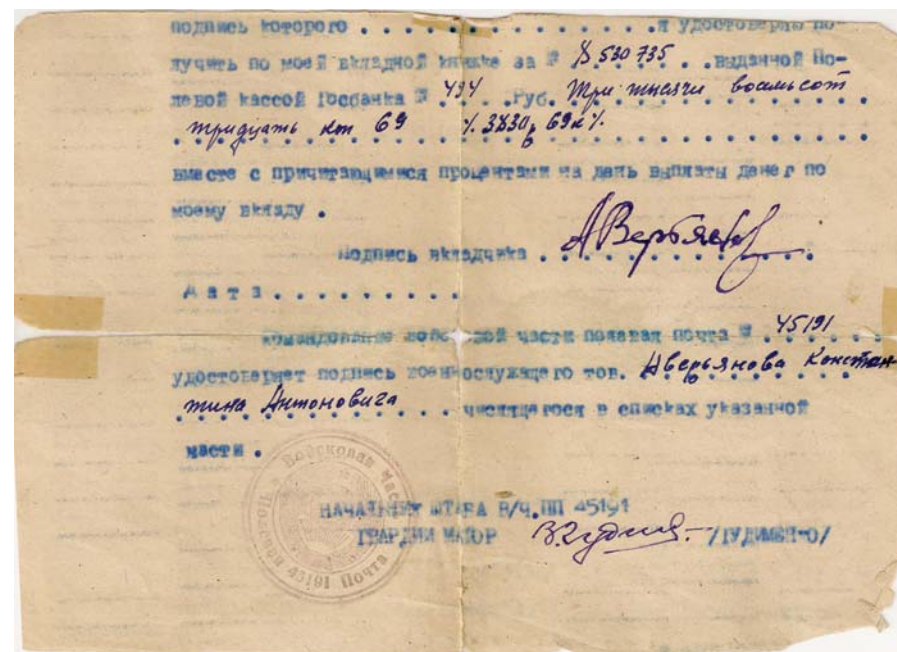
- Черт возьми, у меня почти 300 часов налета, машину знаю до винтика, а сижу в тылу, - жаловался Константин своим сослуживцам. - Других ребят после 20 часов подготовки в бой отправляют, а я здесь парюсь!

Порой некоторые из перегонщиков попросту самовольно перелетали на фронтовые аэродромы в надежде, что "на месте разберутся" и их поставят в боевой строй. Но зачастую, такой патристический порыв для этих ребят оборачивался судом военного трибунала. А оттуда было два пути - или на расстрел, или борт-стрелком в штрафную штурмовую эскадрилью...

10 запасной авиаполк под Пензой. Аверьянов с сослуживцами на отдыхе. Декабрь 1942 г.

Фрагмент доверенности с подписью Константина Аверьянова, по которой он переводил деньги родителям.

Однообразная тыловая жизнь просто изматывала. В перерывах между перелетами, когда появлялось свободное время, заняться особо было нечем. Разве что гонять металлические шары на маленьком "пионерском" бильярде в офицерской столовой. Деньги, причем весьма приличные, потратить было негде. Да Костя их при себе и не держал - почти все отправлял родителям в Дмитров, где в это время было голодно. Единственное, что разок позволил себе - купил на барахолке в Куйбышеве лисью шкурку (давно обещанный подарок матери Бориса Быкова, Екатерине Ивановне) и роскошный кожаный реглан. С ним он не расставался уже никогда, носил только его, пренебрегая шинелью. В этом же реглане два раза в ноябре 42-го приезжал в Дмитров, когда по служебным делам доводилось оказаться в Москве.

Долгих восемь месяцев Костя так и жил: от перегона до перегона, от рапорта до рапорта, от отказа до отказа. Пока перегонная служба не занесла его в феврале 43-го на один из запасных аэродромов под Невиномысском. И там у Аверьянова, к тому времени уже младшего лейтенанта, произошла встреча, круто изменившая его судьбу.

Костя наконец-то попал на фронт.

В БОЕВОМ СТРОЮ

О том, как оказался Константин в 7-ом Гвардейском штурмовом авиационном Севастопольском ордена Ленина полку 230-й авиационной дивизии 4-й Воздушной армии ходили легенды.

Во всяком случае, многие из его сослуживцев настаивали на том, что именно они "сосватали" Костю в полк.

Вот что вспоминает о той решающей встрече Костин боевой друг Герой Советского Союза Борис Левин:

"В один из февральских дней 1943 года заводские летчики пригнали нам новенькие штурмовики. Пилоты-перегонщики направились в столовую. Только один из них остался на месте.

*Герой Советского Союза
Борис Савельевич Левин*

- За часового, что ли? - съязвил кто-то из наших.

Ладно скроенный, подтянутый, он ничего не ответил обидчику. Молча смотрел то на стоявшие в стороне боевые "илы", то на нашу говорливую братию.

- И в самом деле, чего на "заправку" не идешь? - спросил я у него.

Он тяжело вздохнул и снял с головы выдавший виды шлемофон. Я заглянул ему в глаза. Злые такие, обиженные.

- От командира досталось? - не отставал я.

- От судьбы, будь она неладна! - летчик крепко выругался. - Летать хочу.

- А ты что - едешь?

- Не о том речь. Разве это полеты? Как курьер при запечатанном сургучом пакете. Или конвоир этапный. Пригнал на фронт самолет - воюйте мол, дорогие товарищи, защищайте Родину, а мне в тыл надо, на белую простынку, под тепленькое одеяльце.

- Так вот ты о чем!

- А то о чем же!

Разговорились. Оказалось - земляки. Он, Костя Аверьянов, из Дмитрова, что под Москвой. Я только родился на Смоленщине, а вырос в Москве. Костю, как комсомольца-активиста, в авиационное училище рекомендовал горком ВЛКСМ. Окончил учебу в числе первых. Преподаватели и инструкторы прочили карьеру аса.

- А завяз в тылу, - рассказывал он, - на завод назначили. Перегонщиком определили.

- Так ведь это, - говорю - тоже кому-то надо делать.

- Надо, - отвечает. - Кому-то надо. Но почему как раз мне? Мне на фронт надо. Воевать, понимаешь, сам воевать хочу!

Как не понимать! Но что поделаешь: всякому свое. Этого я, конечно, не сказал ему. Пожалел парня: крутой, обидится.

И тут у меня мелькнула взбалмошная мысль: а что, если о Косте поговорить с командиром полка? Прямо так и поговорить - самым сердцем.

Аверьянов воспринял мое предложение с откровенной безнадежностью - со многими, мол, уже говорил, писал всюду, и везде одно - отказ.

- Со многими, но не с нашим командиром, - загорячился я. - Да ты знаешь, что это за человек!

Нашим полком тогда командовал гвардии майор Ефим Яковлевич (Хаим Янкелевич прим. автора) Хашпер. Летчик с большой буквы. Человек огромной и доброй души. Выслушал он мою сбивчивую просьбу, улыбнулся:

- С чего в ходатаи-то подался?

- Земляки мы.

- Земляки? Причина веская, что и говорить, - командир не удержался от смеха. - Ну, зови своего протеже.

О чем и как говорил командир с Аверьяновым, не знаю. Меня вежливо выпроводили на улицу. А на другой день пришел при-

каз: летчик-штурмовик младший лейтенант Константин Антонович Аверьянов зачислен в списки личного состава 7-го гвардейского авиационного штурмового полка".

А теперь версия штурмана полка, Героя Советского Союза Василия Емельяненко, которую он приводит в своей книге "В военном воздухе суровом":

- Впервые я встретился с ним на аэродроме у Невинномысска и "украл" его.

Прилетел я туда с фронтового аэродрома за самолетом. Присмотрелся слонявшегося около столовой летчика в темно-синем сплюсненном картузике. Лицо бледное, щеки впалые, тонкий нос с горбинкой. Видно, замученный, но все же он чем-то и "ястреб".

- Из какой части? - спросил его.

- А, собственно, не из какой...

- Как понимать?

- Я перегонщик...

Тогда уже была категория летчиков, которые занимались только перегонкой самолетов с тыловых аэродромов на фронт. Многие из перегонщиков очень хотели попасть в действующие части, но их не отпускали. Были случаи самовольного бегства. Тогда начинались розыски - не в тылу, а в действующих частях. Сбежавших перегонщиков причисляли к дезертирам.

В Невинномысске я подумал об Аверьянове: "Хороший из него боевой летчик получится, и зачем такого маринуют в перегонщиках?"

- Идем перекусим, - предложил ему.

- Я без пропусков остался... Два дня здесь сижу, - горючим не заправляют, долететь до места никак не могу.

- Почему не заправляют?

- Говорят, только для фронтовиков.

- Айда в столовую!

Герой Советского Союза
Василий Борисович
Емельяненко, 1943 г.

Один обед ели вдвоем. Спросил его:

- В седьмой гвардейский хочешь?

- Еще бы!

- Так полетим парой: я на своем, ты на своем.

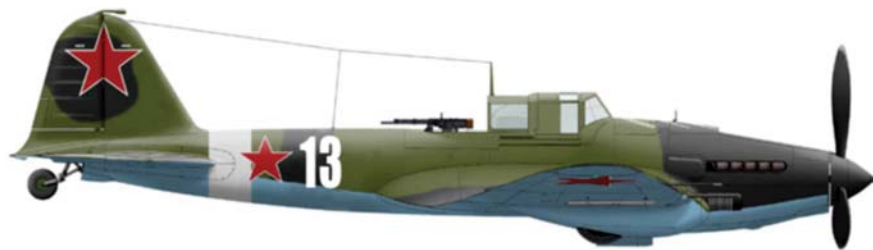
- А в дезертиры не попаду?

- Не попадешь. На месте приказом оформим.

Так и прилетел Костя Аверьянов в полк."

Но как бы то ни было, младший лейтенант Константин Аверьянов встал в боевой строй, получил штурмовик Ил-2 под номером 13 и начал воевать.

К тому времени Костя был уже вполне сложившимся летчиком. Во всяком случае, по свидетельству Бориса Левина, в первых же боевых вылетах Константин показал отличную летную выучку. Вот

*Штурмовик Ил-2 из состава 7-го гвардейского ШАП,
на котором летал Константин Аверьянов*

только поначалу горячеват был. Не хватало еще выдержки.

- Толк из тебя, браток, выйдет, - сказал ему после одного жаркого боя Иван Остапенко, командир эскадрильи. - Как только фрицы бестолочь вышибут...

Да, так вот Иван Остапенко попервоначально взял над Аверьяновым личное шефство. Учил его фронтовому уму-разуму, опыт свой передавал, пояснял, где и в чем слабина фашистов, как их бить надо, чтобы наверняка, наповал. Костя как губка жадно впитывал наставления командира. Внимательно прислушивался и к советам других старших товарищей - Ивана Чернеца, Николая Седненкова. Чернец был заместителем командира эскадрильи, Седненков командовал звеном. Оба, как и Остапенко, считали своим долгом побыстрее помочь новичку встать со всеми крыло в крыло.

Время летело быстро. С каждым боевым вылетом росло боевое мастерство Аверьянова. Вскоре он уже самостоятельно водил боевые группы на штурмовку вражеских позиций и объектов.

А ТЕПЕРЬ - "ГОРБАТЫЙ"!

Нет, это не о персонаже культового фильма "Место встречи изменить нельзя". "Горбатый", "Горбач" - так наши бойцы называли за характерный силуэт фюзеляжа с высоко расположенной кабиной легендарный штурмовик Ил-2.

У немецких пилотов из-за живучести и недостатка маневренности для этой машины имелись свои дефиниции - Betonflugzeug - "бетонный самолет" и Zementbomber - "цементный бомбардировщик". У наземных войск вермахта самолет пользовался дурной славой и заслуженно получил несколько почетных прозвищ, таких как Schlaechter - "мясник", Fleischwolf - "мясорубка", Eiserner Gustav - "железный Густав". А чаще всего солдаты вермахта называли его Schwarzer Tod - "черная смерть".

Так что же представлял собой легендарный Ил-2, за что его так боялись фашисты, и каково было воевать на нем нашим летчикам?

Попробуем, вкратце, разобраться.

В период Великой Отечественной войны бронированный штурмовик Ил-2 был уникальной боевой машиной, не имевшей аналогов ни в одной из воевавших тогда стран. За время Второй мировой войны самолетов этого типа было выпущено больше, чем любого другого (36163 машины). Являясь основной ударной силой советской авиации, штурмовик сыграл выдающуюся роль в войне и оказал заметное влияние на ход боевых действий на советско-германском фронте. Первые же бои показали высокую эффективность бортового оружия, исключительную живучесть самолета и надежность бронекорпуса. Ил-2 был, пожалуй, единственным нашим самолетом, который в 1941 году в условиях пол-

Сильно поврежденный штурмовик Ил-2, сумевший дотянуть до своего аэродрома и севший «на брюхо».

ного превосходства в воздухе немецкой авиации продолжал громить наступавшего противника. Располагая небольшим количеством штурмовиков Ил-2, командование использовало их для нанесения ударов по скоплениям бронетанковой техники противника, маршевым колоннам, на заправке, в предбоевых порядках. Именно в этот период и прозвучали известные слова И. В. Сталина: "...Ил-2 нужны фронту как воздух".

Тем не менее, немецкие истребители довольно быстро нашли "ахиллесову пятю" Ил-2. Несмотря на хорошую бронезащиту и маневренность, одноместные Ил-2 были уязвимы. Истребитель противника в основном подходил сзади - сбоку и

почти в упор - с расстояния 10-15 м - расстреливал кабину летчика Ил-2 из пушек и пулеметов.

В октябре 1942 г. на Центральном фронте начались войсковые испытания первых серийных двухместных штурмовиков Ил-2 с пулеметом БТ. Было отмечено снижение потерь от атак истребителей противника, а также повышение эффективности боевого вылета, в котором летчик мог сосредоточиться на прицельном бомбометании и стрельбе. Двухместные штурмовики немедленно пошли в войска.

Однако теперь на одного погибшего летчика приходилось примерно 7 убитых стрелков... Не потому ли тогда начали создавать штрафные эскадрильи для провинившихся летчиков, пересаживая их с пилотского кресла на подвесной ремень стрелка-радиста...

Ил-2 был самым массово выпускаемым, но и самым массово гибнувшим советским самолетом Великой Отечественной войны. Достаточно просто упомянуть о том, что из произведенных 36163 машин было потеряно 11566, то есть погиб каждый третий Ил.

В среднем каждые 7-8 месяцев войны парк самолетов Ил-2 в воздушных армиях полностью обновлялся. Для сравнения, самолетный парк бомбардировочной авиации за год войны обновлялся в среднем на 40-70% от своего среднего состава.

По свидетельству дважды Героя Советского Союза маршала авиации А. Н. Ефимова, "средняя выживаемость летчиков-штурмовиков ВВС Красной армии в первый год войны не превышала 9-11 боевых вылетов, а в середине войны - около 26. Летчик-истребитель жил на фронте примерно в 2-2,5 раза дольше..."

Как следует из документов, боевые безвозвратные потери летного состава штурмовой авиации ВВС КА за период 1943-1945 гг. в 1,8 раз превысили боевые санитарные потери. В истребительной авиации за этот же период времени соотношение боевых безвозвратных и санитарных потерь составило 1:2,0, а в бомбардировочной авиации - 1:2,1.

Боевые безвозвратные потери летного состава штурмовой авиации за все время войны составили 7837 человек (28,4% общих боевых потерь ВВС КА), истребительной авиации - 11874 (43%), бомбардировочной авиации - 6613 (24%), разведывательной авиации - 587 (2,1%), и вспомогательной авиации - 689 (2,5%) человек.

Штурмовикам приходилось работать в самых сложных условиях - над полем боя, на небольшой высоте, где самолет был чрезвычайно уязвим. Именно на борьбу с советскими штурмовиками в первую очередь были направлены многочисленные орудия малокалиберной зенитной артиллерии, для немецких истребителей "Илы" так же являлись приоритетными целями.

О том, насколько опасной была эта профессия, можно судить хотя бы следующему факту - в начале войны звание Героя Советского Союза присваивали всего за 25- 30 боевых вылетов на штурмовку. Потом, после 1943 года количество боевых вылетов увеличили до 80 полетов. Как правило, в штурмовых авиационных полках, которые начали воевать в 1941 году, к концу войны не оставалось ни одного ветерана - их состав полностью менялся.

Неприятельские истребители, однако, были для штурмовика далеко не самой страшной угрозой - в схватке с ними двухместный "Горбач" при умелом пилоте мог достаточно хорошо постоять за себя, благодаря борт-стрелку и относительно высокой маневренности - радиус разворота у него был практически таким же, как и у Мессершмита Bf-109.

Самые тяжелые потери Илы несли от зенитной артиллерии. И об этом отдельный разговор. Для начала взглянем на эту таблицу. Все сразу же становится понятным.

**Динамика боевых потерь штурмовиков
ВВС Красной Армии в 1941-1945 гг.
(без учета потерь авиации ВМФ)**

Года	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Виды потерь						
Сбито в воздушных боях	47	169	1090	882	369	2557
Сбито огнем зенитной артиллерии	101	203	1468	1859	1048	4679
Уничтожено на аэродромах	13	14	40	34	8	109
Не вернулось с боевого задания	372	290	917	569	266	3414
ИТОГО	533	676	3515	3344	1691	10759

Надо отдать должное, противовоздушная оборона гитлеровцев была организована весьма умело и плотно на всю глубину боевого порядка. Причем в ней участие принимали не только зенитчики, но и пехота, и танкисты. Прославленный

штурмовик Георгий Береговой (впоследствии летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза) вспоминал, что неоднократно видел, как при атаке Илов "тигры" съезжали на скаты кюветов, придавая, таким образом, максимальный угол возвышения своим орудиям, и открывали по штурмовикам беглый огонь. Попадание болванки, выпущенной из 88-мм танковой пушки, превращало "Горбача" в прах.

И таких случаев было немало.

Наибольшую опасность для Ил-2 представляли малокалиберная зенитная артиллерия (37-мм зенитная пушка Flak36 и 20-мм Flak38) и крупнокалиберные зенитные пулеметы, поскольку их огонь был наиболее губительным на тех высотах, с которых обычно действовали Ил-2.

На наиболее опасных участках немцы сосредоточивали до 3-4 батарей малокалиберной зенитной артиллерии (МЗА), до 20-24 установок крупнокалиберных зенитных пулеметов на 1 км фронта.

Среднекалиберная зенитная артиллерия располагалась из расчета, в среднем, одна батарея на 2 км фронта. Кроме этого, немцы довольно широко использовали и так называемые "кочующие" зенитные батареи, засады и т.п., которые внезапно обстреливали штурмовики и наносили серьезные потери. Если штурмовики подходили к цели на высоте порядка 800-1000 м, то они уже за 3-4 км от линии фронта могли быть обстреляны огнем среднекалиберной зенитной артиллерии и за 1-1,5 км - огнем МЗА.

Таким образом, Илам уже при подходе к целям на поле боя приходилось преодолевать сплошную стену зенитного огня. Плотность огня на высотах боевого применения Ил-2, не считая орудий среднего калибра, доходила до трех-пятислойного огня. Как следует из документов, "МЗА обычно бьет по высотам 200 - 300- 400- 600- 800-1000 м и далее..." По данным Управления воздушно-стрелковой службы ВВС КА, во время атаки Ил-2 наземных целей в полосе немецкой обороны по штурмовику в секунду могло быть выпущено свыше 8000-9000 пуль крупного калибра и 200-300 малокалиберных зенитных снарядов со всеми вытекающими для Ил-2 последствиями.

Если учесть, что группы Ил-2 находились над полем боя в среднем по 10-15-20 минут на высотах 200-1000 м, то боль-

Немецкая 37-мм зенитная пушка
Flakvierling 36

Расчет немецкой 20-мм зенитной пушки
Flakvierling 38

куя бомбардировщики и военно-транспортные самолеты "Люфтваффе".

Именно такую атаку предпринял молодой пилот-штурмовик Костя Аверьянов. За что, правда, чуть было не получил серьезную взбучку.

Но обо этом чуть позже...

шие потери от зенитного огня были вполне закономерны. Летчики и воздушные стрелки получали ранения или погибали, деревянные плоскости и фюзеляж Ила превращались в щепу, перебивались тросы и тяги системы управления и т.д. - штурмовик падал, шел на вынужденную посадку или выходил из боя в результате повреждений.

Но даже в таких условиях, завершив штурмовку и освободившись от бомбовой нагрузки, наши летчики умудрялись превращать свои Илы в заправские истребители, ата-

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Апрель 1943 года. Над Кубанью и Таманским полуостровом - в самом разгаре воздушное сражение между 4-й воздушной армией (командующий - генерал К.А. Вершинин) и 4-м воздушным флотом фельдмаршала В. Рихтгофена, которое позже историки назовут "Битва за небо Кубани". В ходе этого сражения ценой небывалого мужества и героизма нашим летчикам удалось наконец-то вырвать инициативу из рук "Люфтваффе", лишив ее бывшего господства в воздухе.

На земле же продолжалась битва за Кавказ.

29 апреля - 15 мая 1943 г. войска Северо-Кавказского фронта осуществили наступательную операцию с целью прорвать "Голубую линию" и овладеть Таманским полуостровом.

"Голубая линия" - система немецких укреплений на Таманском полуострове. Их обороняли части 17-й армии генерала Э. Енеке.

Общая численность Таманской группировки немцев достигала 400 тыс. чел. Отойдя с Кавказа на Тамань, 17-я и часть сил 1-й танковой армии существенно сократили линию фронта, что позволило им создать на полуострове плотные боевые порядки. Сохраняя присутствие на Таманском полуострове, германское командование, с одной стороны, прикрывало Крым, а с другой - имело плацдарм для возобновления наступательных операций на Кавказе. Таманской группировке немцев удалось оттянуть на себя значительные силы Красной Армии, которые не смогли принять участие в весенних боях на Украине.

После шести дней ожесточенных боев наступавшей на центральном направлении 56-й армии удалось 4 мая овладеть

лишь одним узловым пунктом немецкой обороны - станицей Крымская. Бои становились все ожесточеннее. Противник, вынужденный оставить станицу Крымскую, упорно оборонялся на промежуточных рубежах, на подступах к станицам Киевской и Молдавской. Враг на этом направлении сосредоточил основные силы 4-го воздушного флота. Темп наступления наших войск неумолимо спадал. Вскоре дальнейшее наступление Красной Армии в районе станиц Киевская и Молдавская было остановлено, в том числе, мощными ударами с воздуха. Их осуществили 1400 немецких самолетов, действовавших с баз на Керченском полуострове. Советские войска вновь не смогли прорвать глубокоэшелонированную "Голубую линию" и 15 мая прекратили активное наступление.

В эти дни Константин Аверьянов пока в боях участия не принимал - лишь изредка вылетал с аэродрома под Тихорецком в учебные полеты, упорно оттачивая свои летные навыки, осваивая тактику штурмового боя. Командир полка гвардии майор (впоследствии подполковник) Хаим Янкелевич Хашпер спустя четверть века вспоминал:

*Летчики и авиатехники 7-го гвардейского штурмового авиаполка.
Константин Аверьянов - второй справа во втором ряду.
Кубань, лето 1943 г.*

- ... Костя, как летчик, уже овладевший самолетом в воздухе, мало летал в это время, но всегда находился на аэродроме с молодыми летчиками, стараясь не выделяться среди них, не кичась своими знаниями и умением летать. Скромный, тихий, без претензий к пище, жилью, одежде, он был всегда очень аккуратным ... Очень аккуратно все носил, "случайно" ни к чему грязному не прислонялся. Даже на земле он был всегда подтянут... И в то же время внешне держался свободно и легко. Никогда не повышал голоса, разговаривал спокойно, криком никогда не убеждал.

...За все время я не помню, чтобы Костя с кем-либо ссорился, чтобы кто-нибудь был им недоволен. Я ему часто завидовал, как он умеет беседовать, полемизировать без злобы и горячности, даже, когда его оппонент бывал явно неправ. Терпение и уважение к людям, окружавшим его, было поразительным. Вначале мне казалось, что Костя, не успевший еще сделать ни одного боевого вылета, чувствует себя неполноценным гвардейцем, а поэтому ведет себя тихо. Но впоследствии я убедился, что Костя, став образцовым гвардейцем, Героем Советского Союза, оставался таким же простым, душевным со всеми, что ему вообще чужды заносчивость, зазнайство, кичливость...

Час Аверьянова, наконец-то, пробил 22 июля 1943 года.

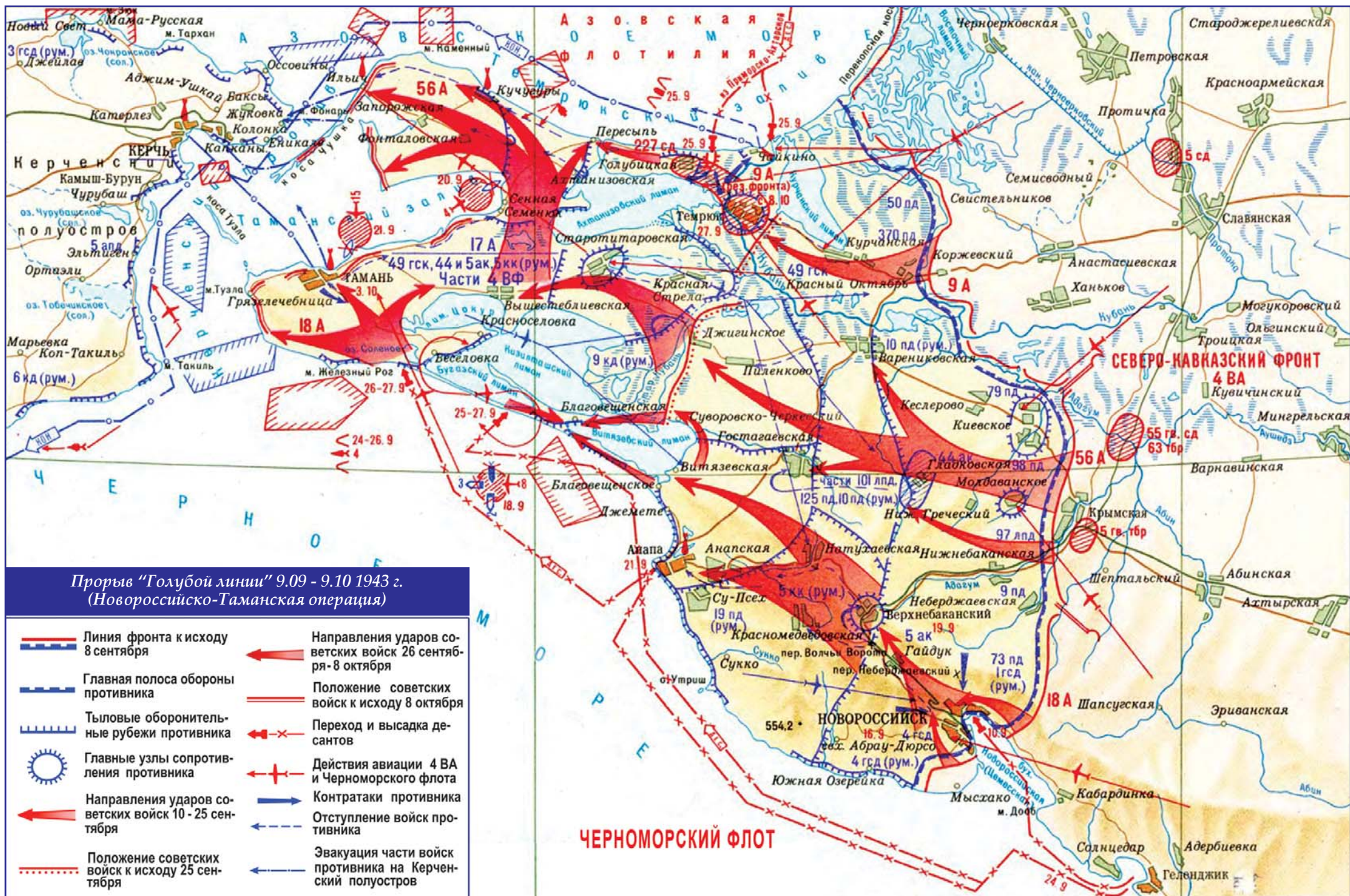
В этот день Костя в паре с Николаем Седненковым совершил свой первый боевой вылет.

Вспоминает Василий Емельяненко:

- По приказу командования был организован массированный налет штурмовиков на "Голубую линию". Группу около ста самолетов возглавил один из лучших летчиков воздушной армии, командир 210-го штурмового полка подполковник Николай Антонович Зуб.

*Командир 210-го
штурмового авиаполка
Герой Советского Союза
подполковник Николай
Антонович Зуб,
фото 1942 г.*

Точно в назначенное время, перед атакой пехоты и танков, колонна самолетов подходила к опорному пункту противника в районе Киевской. Штурмовики летели под нижней кромкой сплошных облаков на высоте 600 метров. Завидев в воздухе огромную колонну самолетов, пехотинцы начали бросать вверх пилотки.

Цель была близко, но противник почему-то зенитного огня не открывал. Зуб прекрасно понимал, что немецкие зенитчики заранее сделали пристрелку по нижней кромке облаков. Он начал делать плавные отвороты в стороны, меняя курс. Но противозенитный маневр на этот раз был явно не размашистый, а какой-то осторожный. Наверное, потому, что ведущий в этот полет взял под свое крыло малообстрелянных летчиков, которых всегда берег и опекал. Он опасался резким маневром расстроить боевой порядок перед атакой.

Зенитки противника молчали. Нет ничего хуже этого неведения: поскорее бы увидеть первые разрывы, чтобы знать, куда отвернуть самолет...

Головная пятерка уже начала входить в пикирование, и тогда несколько зенитных батарей одновременно дали первый залп: черные разрывы мгновенно усеяли небо. Самый передний самолет и летевший с ним справа вздрогнули, их носы опускались все круче и круче, с дымным следом машины пошли вниз. И так - до самой земли...

Это был черный день для нашей 230-й Кубанской штурмовой дивизии: погиб командир 210-го штурмового полка подполковник Николай Антонович Зуб, из боя не вернулись многие летчики.

Но первый бой оказался для молодого пилота Аверьянова более чем удачным. В несколько заходов он сумел уничтожить одну зенитную батарею и подавить еще три. На выходе из атаки Костю атаквали сразу два "мессера". Однако, умело маневрируя, сумел невредимым выйти из-под огня фашистских истребителей, ухитрившись при этом сбить одного из них. Почин, что ни говори, был сделан солидный.

За последующие две недели он совершил еще девять боевых вылетов, причем в некоторые дни приходилось их совершать до трех к ряду. Но Константин будто не знал усталости, порываясь идти в бой еще и еще. Сразу же пришло

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество - Аверьянов Константин Антонович.
Военное звание - Гвардии младший лейтенант
Должность, часть - Летчик старший 7 Гвардейского ордена Ленина
Штурмового авиационного полка.

Представляется к ордену "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

1. Год рождения - 1922 г. 2. Национальность - русский.
3. С какого времени состоит в Красной Армии - с 1940 года.
4. Партийность - кандидат ВКП/с/ с 1942 года.
5. Участие в боях /глав. котна/ - В Отечественной войне участвует
с 25 марта 1942 года.
6. Имеет ли ранения и контузии - не имеет.
7. Чем ранее награжден /за какие заслуги/ - наград не имеет.
8. Каким Р.А. призван - кадр.
9. Постоянный домашний адрес:

=====

1. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО Боевого ПОДЕЛА ИЛИ ЗАСЛУГ.

Делу партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА и Социалистической Родине предан. В Отечественной войне принимает участие с марта 1942 года по настоящее время.

Тов. Аверьянов с первых боевых вылетов показал свое мастерство летчика-штурмовика, смелость и мужество.

Тов. Аверьянов начал боевую работу с 22.7.42 года. За это время совершил 10 успешных боевых вылетов, за которые по утверждению летчиков и воздушных стрелков - уничтожил до 50 солдат и офицеров противника, 1 СА, 1 полевое орудие.

Тов. Аверьянов сделал по 8 боевых вылета 22.7.42 и 9 августа 1942 года на бомбометание и штурмовку артиллерий и живой силы по переплыву края обороны противника, в р-нах Киевская, Русский, Горно-Веселый и высота 195,5 не зная усталости. С большим желанием и рвением идет в бой и не смотря на сильный заградительный огонь искусно маневрируя - блестяще выполняет боевые задания.

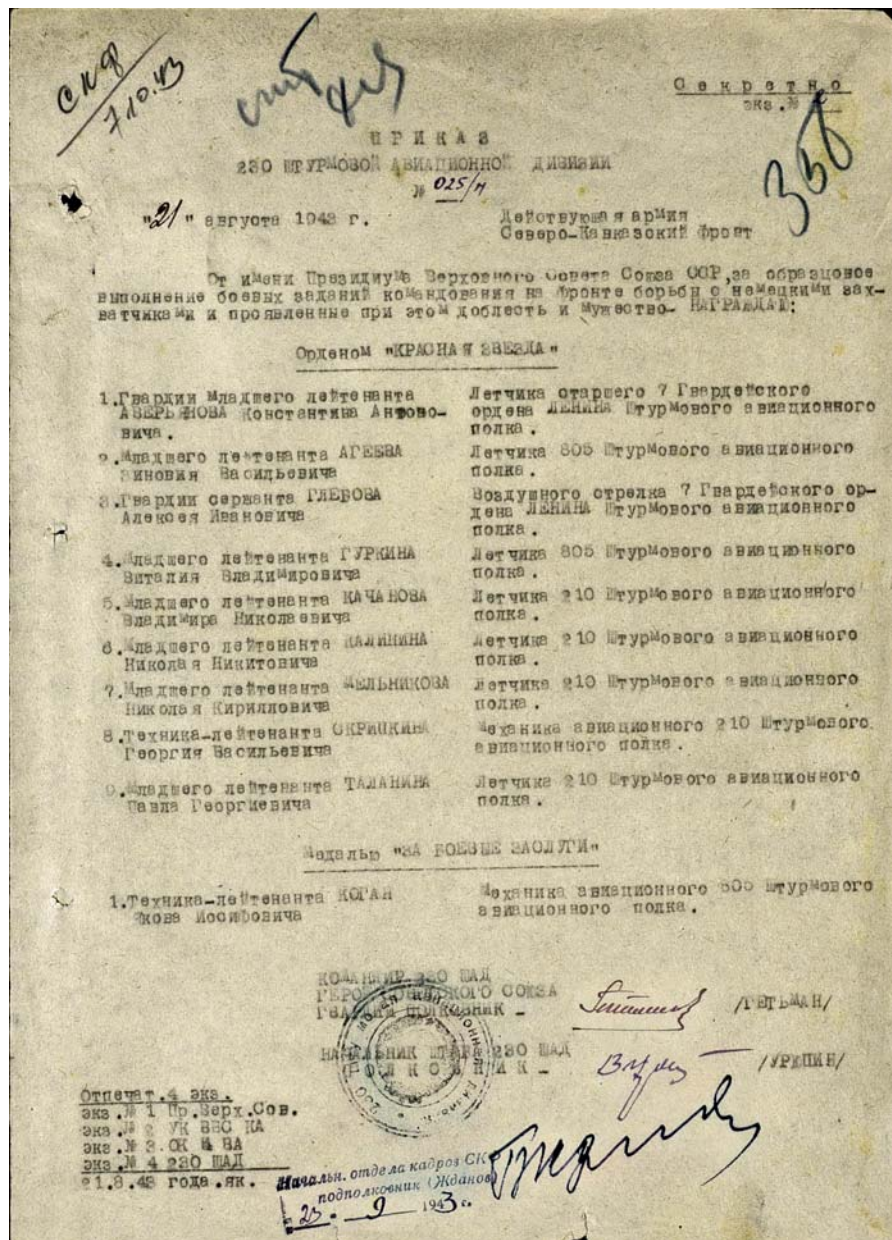
22.7.42 года, тов. Аверьянов в паре ходил на подавление 3А противника, где своим огнем уничтожил 1 зенитную батарею и заставил замолчать 3 других батареи. В это время его атаквали 2 Ме-109. Тов. Аверьянов благодаря своему искусству маневрировать вступил в бой и вылет невредимым. Один Ме-109 был сбит.

За совершенные 10 боевых вылетов, за мужество, смелость и отвагу проявленные при этом, тов. Аверьянов заслуживает награждения орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

КОМАНДИР 7 ГВАРДЕЙСКОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА ПОЛКА
ГВАРДИИ
МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ /ХАШЕВ/

" 13. " августа 1942 года.

Наградной лист с представлением к награждению старшего летчика 7-го гвардейского ордена Ленина штурмового авиационного полка гвардии младшего лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича орденом "Красная Звезда"

Приказ по 230-й штурмовой авиационной дивизии
о награждении старшего летчика 7-го гвардейского ордена Ленина
штурмового авиационного полка гвардии младшего лейтенанта
Аверьянова Константина Антоновича орденом "Красная Звезда"

Гвардии капитан В. Емельяненко ведет группу Ил-2 из состава 7 гв. ШАП на боевое задание. Слева, ниже - самолет младшего лейтенанта Константина Аверьянова, Таманский полуостров, август 1943 г.

признание и уважение однополчан. Вскоре не заставила себя ждать и первая награда - 21 августа приказом командира 230-й штурмовой авиадивизии от имени Президиума Верховного Совета СССР гвардии младший лейтенант Аверьянов был награжден орденом "Красная Звезда".

О ВОЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ, ПСИХОЛОГИИ И РАСЧЕТЕ

Правда, радоваться награде пришлось недолго. В сентябре 43-го бои на "Голубой линии" разгорелись с новой силой. К этому времени Костю назначили командиром авиационного звена. А в армии командир - не только начальник, но и воспитатель подчиненных. Вскоре выяснилось, что Константин вдобавок ко всем своим качествам не обделен и педагогическим талантом. А получилось это так.

Шестерка Илов под командованием замкомэска Ивана Чернеца, в составе которой действовал Аверьянов, получила задачу на штурмовку наземных войск противника в районе реки Буганак под Керчью.

На цель вышли быстро и, снизившись до 500 метров, ринулись в атаку.

Первый заход. Отработали эрэсами (*реактивными снарядами*). Развернулись. Еще заход.

На земле засверкали вспышки выстрелов фашистских зениток. К "горбачам" снопами потянулись огненные трассы. Со всех сторон начали раздуваться облака разрывов. Машину затрясло, стало швырять из стороны в сторону, по фюзеляжу, по плоскостям горохом забарабанили осколки. Ничего, отработали...

Еще один заход, теперь - пушками. В небе - сплошное месиво из разрывов.

Еще заход, четвертый, пятый...

- Делаем последний и уходим! - раздался в наушниках голос Чернеца.

Уже на выходе из атаки Костя краем глаза заметил, как замыкавший шестерку Ил Сашки Плешакова вдруг отвернул

с боевого курса и, развернувшись в тыл, ушел в сторону аэродрома.

Когда вернулись домой, на стоянке Константин подошел к Плешакову.

- Саня, в чем дело, почему отвалил? - со стальными нотками в голосе спросил Аверьянов.

- Да понимаешь... - замямлил Плешаков.

- Хочешь сказать, патроны кончились? Так что ли? Или у оружейников спросить? - едко поинтересовался Костя. - Ты хоть понимаешь, что за такое бывает?

Что бывает за невыполнение боевой задачи Плешаков прекрасно знал. В самом лучшем случае - суровый разнос от начальства, а не повезет - то и трибунал со всеми связанными с ним последствиями - приказ 227 еще не отменили.

- Понимаешь, как только зенитки начинают работать, особенно, когда трассы навстречу, ничего не могу с собой поделаться. Страшно становится...

- А другим что, не страшно? Но не отворачивают же! - наседавал Константин.

В ответ Плешаков только понуро кивал своей вихрастой головой.

- Все, хватит мычать! Идем к командиру эскадрильи. - Костя развернулся и зашагал в сторону машины капитана Остапенко.

У Плешакова внутри все оборвалось: сейчас доложит комэска, а там... Еле передвигая ставшие вдруг ватными ноги, он обреченно заковылял следом за Аверьяновым.

Командир эскадрильи стоял возле своего Ила и что-то сосредоточенно рассматривал на карте, расстеленной на крыле штурмовика.

- Товарищ капитан, разрешите обратиться? - подошел Костя. Плешаков, взмокший и посеревший, стоял сзади.

- Обращайся, что у тебя? - обернулся Остапенко.

Герой Советского Союза
Александр Яковлевич
Плешаков

- Товарищ капитан, разрешите летать в паре с Плешковым.

- С чего бы это вдруг? - удивленно вскинул брови комэска.

- Мне кажется, у нас хорошо получится, да и сам Плешаков тоже хочет ко мне в пару, - убеждал командира Константин. Остапенко на несколько секунд задумался, видимо что-то прикидывая в уме.

- Валяйте, раз так охота, летайте, - наконец, разрешил он.

Обратно возвращались молча. Костя молчал, потому, что он уже все высказал своему сослуживцу, а у Александра, наверное, просто не находилось слов после такой моральной встряски.

Со следующего вылета они уже работали вместе. Плешаков с тех пор ни разу не позволил себе хоть на градус отклониться от боевого курса. Наоборот, в атаку входил с какой-то остервенелой, ожесточенной решительностью. Вскоре его назначили командиром звена.

А уже в феврале 45-го за мужество и героизм, проявленные при выполнении боевых задач, Александр Плешаков был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Такая вот "педагогическая поэма"...

Костя, не доложив о случившемся (хотя по уставу был даже обязан), не только не сломал судьбу человеку, но и вытащил его из непростой жизненной ситуации, дал ему возможность поверить в себя, по сути, подтолкнул к будущей золотой звезде Героя.

10 сентября Северо-Кавказский фронт перешел в новое наступление с целью освобождения Новороссийска и Таманского полуострова (*Новороссийско-Таманская операция, см. Приложение 3*). Штурмовикам прибавилось боевой работы.

Вспоминает Борис Левин:

- Мы по-прежнему по несколько раз в день вылетали на штурмовку. И всегда возвращались почти с пустыми баками. Переправа через Кубань у Темрюка была единственной ниточкой, по которой противник питал свои войска боеприпасами, продовольствием и резервами. Ее только что разрушили советские бомбардировщики. Вскоре в наш полк поступил приказ разведать район переправы, выяснить, восстанавливает ли ее противник.

В разведку пошел Аверьянов, теперь уже командир звена.

- Будь осторожен. Дело сложное и опасное, - предупреждал его командир полка Хашпер.

На задание пара штурмовиков вылетела на рассвете. Сразу с аэродрома Костя и его ведомый Петр Руденко взяли курс на Темрюк. Решили выйти на переправу "кинжально", с прямой.

Под крыльями самолетов мелькали разбросанные по степи хутора. В легкой туманной дымке заблестел плес полноводной Кубани, отчетливо обозначились берега Азовского моря.

А вот и то место, где еще вчера была переправа. Аверьянов и Руденко сделали круг, пристально осмотрели подходы к реке - копошатся внизу фрицы, бревна подвозят, по дороге несколько тягачей буксируют крупные понтоны.

Штурмовики развернулись на обратный курс. И в этот момент Константин увидел стаю вражеских транспортных самолетов Ю-52. Прикрытые истребителями, они шли вдоль морского берега.

- Куда бы это? В своем тылу и под таким прикрытием? - подумал Аверьянов. - Знать, что-то очень важное задумали.

Решение созрело молниеносно - атаковать!

- Видишь, Петро? - спросил командир у Руденко.

- Вижу.

- Атакуем! Я - по ведущему, твой - второй.

Костя дал полный газ. Задиристо взревел мотор. Штурмовики, не замеченные фашистами, на бреющем полете быстро сблизилась с врагом и прямо снизу ударили из пушек. Истребители противника, совершенно не ожидавшие нападения, заметались по небу. Но растерянность врага была лишь минутной. Немцы сразу увидели, что атакуют всего два самолета, и, изрыгая огонь и сталь, накинулись на штурмовиков. Костя посмотрел на землю - там горели два фашистских трехмотор-

Герой Советского Союза
Иван Петрович Остапенко

Немецкий военно-транспортный самолет Юнкерс Ю-52

ных Ю-52. Однако на стороне врага большое численное превосходство. "Мессеры" уже готовят сосредоточенную атаку. У них преимущество и в высоте, и в скорости. И снова решение пришло молниеносно. Аверьянов, дав Руденко сигнал следовать за ним, направил штурмовик в открытое море...

В полку Костю ждал нешуточный разнос. Капитан Юрков, командир эскадрильи, в которой теперь служил Костя, прямо-таки вскипел:

- Ухарь-купец! Кто дал тебе право безрассудно кидаться в драку? На что рассчитывал?

- На море. Немцы ведь не решаются залетать далеко от берега.

- В драку, а зачем? - не удержался от вопроса и я.

- Ясно было, что они летели на важное дело. Могли бы...

- Тебе что, из штаба Геринга об этом доложили? - иронизировал Юрков.

- По всему было видно. И грузы тяжелы, и прикрытие такое...

- Прикрытие... - комэска горячился все больше. - И подкинул же мне господь подчиненного! Нет, этот лихач, ей-ей, под трибунал подведет.

Аверьяновское безрассудство (а его поступок так расценивал не один капитан Юрков) вызвало много споров: одни считали Аверьянова героем, другие - бесшабашным сорви-головой.

- Страсти вокруг Аверьянова разгораются все пуще, - сказал командиру полка его заместитель по политической части

гвардии майор Борис Николаевич Рябов, - Комсомольский бог мне прямо покоя не дает, специальное собрание, говорит, проводить надо.

- На чем же вы с ним порешили?

- Проведем собрание. Пусть комсомольцы сама во всем разберется. Не дойдут своим умом - поможем.

Этот разговор командира и замполита в тот же вечер передал мне, как другу Аверьянова, Жора Лев - секретарь, комсомольского бюро полка.

- Поговори с Костей, - порекомендовал он. - Его выступление должно быть спокойным,

Жора хорошо знал комсомольцев. Аверьяновскую вспыльчивость - особенно. Потому и просил меня подготовить Костю к выступлению, посоветовать не горячиться, взвешивать каждое свое слово.

На это собрание пришли и комсомольцы, и коммунисты. Равнодушных не было. Каждый имел определенное мнение и хотел обязательно высказать его перед сослуживцами.

Разговор начал комиссар. Так у нас с большой любовью называли майора Рябова:

- Партия, комсомол воспитали у вас святую любовь к Родине. Вы должны быть беспощадны к врагу. Ищите его, находите, истребляйте. Аверьянов в том полете не искал неприятеля. Он вел разведку. Задание выполнил. И неожиданно встретил фашистов. Атаковал их. Прав ли он?

- Прав, - безапелляционно заявил сидевший рядом со мной Иван Чернец, тот самый летчик, что вначале так старательно передавал свой боевой опыт Аверьянову.

- Разве тут удержишься? - воскликнул Петро Руденко.

- Летчику-штурмовику без выдержки - грош цена, - произнес Василий Борисович Емельяненко, штурман полка.

- Так что, и рисковать нельзя? - сразу раздалось несколько голосов.

- Рисковать? - переспросил майор Рябов. - Это уже другой разговор. Но рисковать надо умело, с расчетом.

- Какой же это тогда риск? - пробасил Иван Остапенко.

Риск летчика... Что это такое? В чем его суть? Что дает на него право? Храбрость, выучка, мужество, отвага? Или риск воплощает в себе все высокие морально-боевые качества совет-

Подготовка Ил-2 к боевому вылету.
Таманский полуостров, 1943 г.

ского воина? А может быть, это все-таки рисовка перед товарищами? Правомочен ли риск в бою? Почему об этом прямо не сказано ни в одном уставе? Чем больше ребят выступало, тем больше возникало вопросов и разных точек зрения.

- Ну, а как думает Аверьянов? - спросил Рябов.

Костя встал. Привычным движением расправил под ремнем складки гимнастерки. И заговорил твердо, убежденно:

- Без риска воевать нельзя. Я не имел права не напасть на "юнкерсы". Задание выполняю, а боеприпасов полный комплект. Фашисты неспроста

летели. Что же, поприветствовать их следовало - и домой? Так, что ли? Нет, не так. Тысячу раз не так! Если это не мешает выполнению боевой задачи, советский летчик обязан нападать на врага, пусть и численно превосходящего. И бить его! Конечно, бросаться на противника сломя голову, на авось - не дело. Сбил одного, а сам погиб или машину угробил - значит, не пользу принес, а вред. Я же давно заметил: фашистские истребители в море никогда не залетают далеко. Вот и решил напасть, а потом уйти в море. Короче, риск, по-моему, это четко рассчитанные действия с учетом обстановки в воздухе. Цель известная: нанести противнику возможно больший урон.

Удивительные слова из уст двадцатилетнего мальчишки! Но на войне взрослеют и матереют очень быстро - ведь не прошло и пары месяцев, как Аверьянов открыл счет своим боевым вылетам. А природная наблюдательность, отличные летные навыки, помноженные на безудержную смелость, быстро превратили его в опытного, расчетливого и отважного воздушного бойца. Не менее показательный эпи-

зод случился буквально за неделю до выше описанных событий.

В районе станицы Варенниковской - она находилась в десяти-двенадцати километрах от переднего края - немцы установили и надежно окопали батарею тяжелых орудий. За короткое время она доставила много неприятностей нашим войскам.

Гвардии майор Хашпер поставил перед младшим лейтенантом Аверьяновым боевую задачу: подавить неприятельскую батарею. В состав его группы вошли экипажи Александра Пleshакова и Михаила Шатова. Их действия прикрывались истребителями.

Когда до цели оставалось километров пять, на наших летчиков напали "мессеры". Сосредоточенные, яростные атаки следовали непрерывно. Закипела, закрутилась неистовая круговерть ожесточенного воздушного боя. Наши истребители сумели связать боем основные силы "мессеров".

- Иду на цель. Следовать за мной! - приказал Аверьянов Плешакову и Шатову.

Он перевел самолет в резкое снижение, Группа тут же перешла на бреющий полет. Увязавшиеся следом "мессеры" вынуждены были отвалить: атаковать советские самолеты, летящие на высоте десяти - пятнадцати метров, гитлеровцы не рискнули. Зато сразу заговорили немецкие зенитки. Маневрируя, группа Аверьянова прорвалась к цели. На батарею тяжелых пушек летчики сбросили все бомбы, выпустили все реактивные снаряды и для верности еще прошли по ней своим пушечным огнем.

Осмотрев сверху поврежденные орудия, Костя повел группу на аэродром. С пункта наведения сообщили в полк: "Аверьянов задание выполнил, возвращается".

Но время шло, а он не возвращался.

Из воспоминаний Бориса Левина:

- Я, признаться, крепко забеспокоился о побратиме (нас прозвали побратимами после того, как я водил Костю к майору Хашперу). Зашел в штаб, интересуюсь:

- В чем дело?

- А черт поймет твоего Аверьянова, - ответил начальник связи старший лейтенант Нужденко. - Наведенцы (корректировщики, находившиеся на переднем крае) говорят, что носится он

Гвардии младший лейтенант
К.А. Аверьянов награжден орденом
Красное Знамя.
Ноябрь 1943 г.

на бреющем всей тройкой над немецкими окопами, а к чему - никто в толк не возьмет: ни единого выстрела не сделал.

Объяснил это нам сам Константин потом, когда вернулся на аэродром:

- А чем было мне стрелять? Ни снарядов, ни патронов не осталось.

- Так чего же ты, как дьявол, вертелся там? Иль жить надоело? - набросился я в сердцах на Костю.

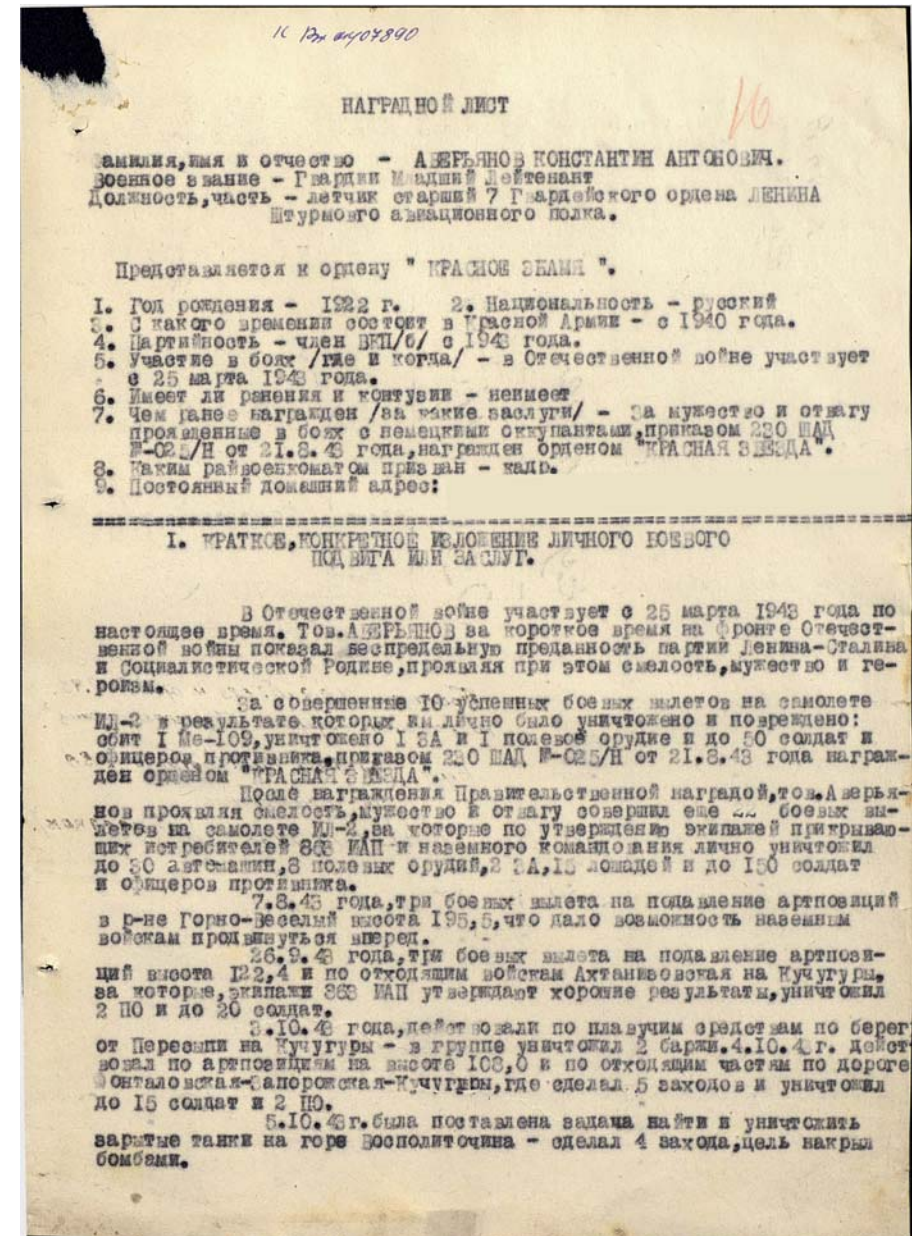
- Почему надоело? Мы просто атаки имитировали. Как пройдемся над фрицами - они в окопы да в щели, а наши - вперед. Горючки - то у нас еще полно было.

- А ведь прав он, чертяка, - вмешался Остапенко. - Доброе пехоте дело сробил.

И ведь действительно, так рискуя в воздухе, Костя не только помог пехотинцам на земле выполнить свою боевую задачу, но еще и спас несколько десятков, если не сотен, солдатских жизней.

Прошло несколько дней, и во фронтовой газете появилась заметка: пехотинцы горячо благодарили мужественного летчика-штурмовика за находчивость.

А 25 октября 1943 года Константин Аверьянов был награжден вторым орденом, теперь - орденом Боевого Красного Знамени (так его еще иногда называли), одной из самых почетных и уважаемых среди фронтовиков боевых наград.

Наградной лист с представлением старшего летчика 7-го гвардейского ордена Ленина штурмового авиационного полка гвардии младшего лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича к награждению орденом "Красное Знамя"

6.10.43 года, сделал 2 боевых вылета по баржам северо-западнее р-на Кочугуры, где по утверждению экипажей положил бомбы в баржу и 2-й по артиллерийским и минным полям горы Цимбалы, где сделал 4 захода - цель полностью перекрыта, за что от наземного командования получила благодарность.

За совершенные еще ... боевых вылетов, за мужество и отвагу, смелость и героизм проявленные при этом, за боевые действия, которые содействовали успешному продвижению наших войск, за уничтожение 30 автоматов, 8 полевых орудий, 2 БА, 16 лошадей и до 100 солдат и офицеров противника, тов. Аверьянов заслуживает награждения Правительственной наградой - орденом "КРАСНОЕ ЗНАМЯ".

КОМАНДИР 7 ГВАРДЕЙСКОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА ШТУРМОВОГО
АВИАЦИОННОГО ПОЛКА

"7" октября 1943г. *Михайлов* /ТАШНЕР/

2. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВЫШЕСТОЯЩИХ НАЧАЛЬНИКОВ.

Достоин награждения Орденом "Красное Знамя"

КОМАНДИР 230 АВИАЦИОННОГО
НОЧНОГО ЛЕГКО-БОМБАРДИРОВОЧНОГО
ПОЛКА

"12" - "10" 1943г. *Семин* /ТЕТЬМАН/

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА АРМИИ.

Приказом Ч.В.Р. № 083/н от 25.10.43.
награжден орденом "Красное Знамя".

Верно: *Сд. Нач. Кас. 2 отп. ОК Ч.В.Р.*
Сд. Лейтенант
С.И.Семин /И.И.Семин/

" " 1943 года.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ФРОНТА.

" " 1943г.

6. ОТМЕТКА О НАГРАЖДЕНИИ.

Наградной лист (оборот) с представлением старшего летчика 7-го гвардейского ордена Ленина штурмового авиационного полка гвардии младшего лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича к награждению орденом "Красное Знамя"

Сд. Нач. Кас. 2 отп. ОК Ч.В.Р.
16 240

№ 033057

С.И.Семин

Секретно. -
экз. № 2.

П Р И К А З

ПО 4-й ВОЗДУШНОЙ А Р М И И

№ 083/н

"25" октября 1943г. Действующая Армия
Северо-Кавказский фронт

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество - НАГР А Ж Д А И:

О Р Д Е Н О М " К Р А С Н О Е З Н А М Я "

1. Гвардии мл.лейтенанта АВЕРЬЯНОВА Константина Антоновича	Летчика старшего 7 Гвардейского ордена ЛЕНИНА Штурмового авиа- ционного полка.
2. Младшего лейтенанта АРТАМОНОВА Владимира Петровича	Летчика 889 Новороссийского Ночного легко-бомбардировочного авиационного полка.
3. Младшего лейтенанта ГРИЗОВА Александра Семеновича	Штурмана экипажа 889 Новорос- сийского Ночного легко-бомбарди- ровочного авиационного полка.
4. Гвардии лейтенанта ЕЖОВА Евгения Михайловича	Летчика старшего 7 Гвардейско- го ордена ЛЕНИНА Штурмового авиационного полка.
5. Младшего лейтенанта ЗОС Анатолия Викторовича	Летчика старшего 190 Штурмово- го авиационного полка.
6. Лейтенанта КИШЕВЦА Ивана Ивановича	Заместителя командира эскад- рильи 63 Краснознаменного бом- бардировочного авиационного полка.
7. Младшего лейтенанта ЛЪВОВА Бориса Леонидовича	Штурмана экипажа 889 Новоро- ссийского Ночного легко-бомбар- дировочного авиационного полка.

Фрагмент приказа по 4-ой Воздушной Армии о награждении старшего летчика 7-го гвардейского ордена Ленина штурмового авиационного полка гвардии младшего лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича орденом "Красное Знамя"

АД ПОД ЭЛЬТИГЕНОМ

9 октября 1943 г. гитлеровцы были окончательно выбиты с Таманского полуострова.

На некоторое время наступило относительное затишье. Хотя Илы, как и прежде, ежедневно вылетали на разведку противника, иногда проходились свинцово-бомбовым ливнем по его позициям. В общем-то, ничего сверхзначительного. Разве только лишь то, что полк покинул "крестный отец" Кости Аверьянова - Василий Емельяненко: ушел на повышение - инспектором по технике пилотирования дивизии.

Однако затишье было совсем недолгим.

Уже 1 ноября советские войска приступили к проведению Керченско - Эльтигенской десантной операции. На восточном берегу Керченского пролива сосредоточивались части 18-й армии, готовившейся к высадке на крымский берег южнее Керчи - у рыбацкого поселка Эльтиген. Двадцатикилометровый пролив был плотно заминирован немцами. На том берегу противник оседлал прибрежные высоты, с которых хорошо просматривался и простреливался весь пролив.

Теперь штурмовики летали через Керченский пролив в Крым штурмовать противника у горы Митридат в районе Керчи. Там располагались артиллерийские наблюдательные пункты противника, с которых Керченский пролив просматривался на десятки километров. Из-за плохой погоды большими группами летать было нельзя - ходили четверками. Плюс ко всему, гора была буквально утыкана немецкими зенитными орудиями, повсюду рыскали "мессеры", так что в этом районе "горбачам" был не просто неудобно, - они ежедневно несли тяжелые потери.

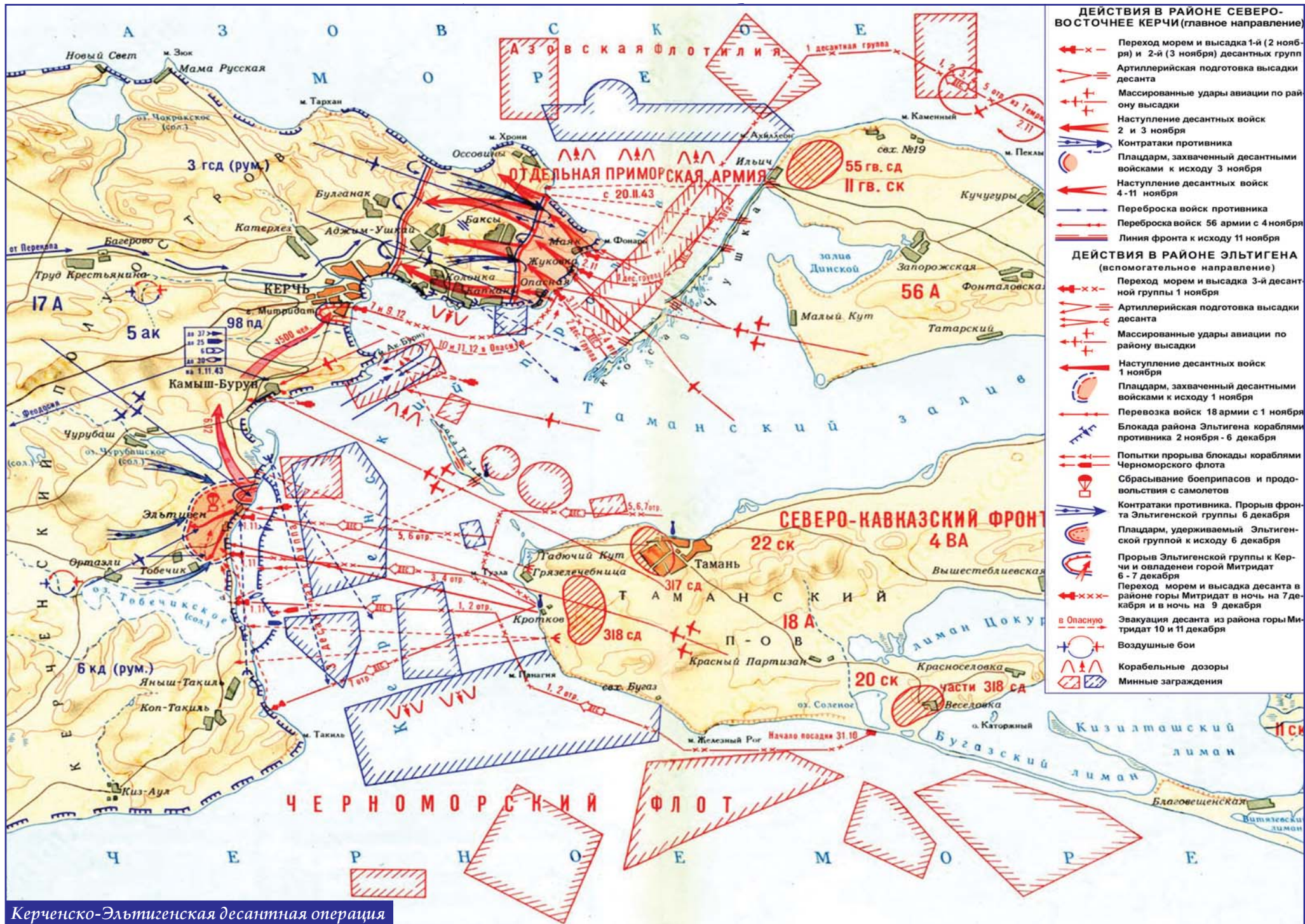
Погода тоже не способствовала действиям авиации - штормовой ветер, постоянные дожди со снегом. Взлетно-посадочные полосы к морским десантникам. В результате не хватало снаряжения и боеприпасов, среди десантников начался голод.

Основные боевые вылеты советской авиации во время Керченско-Эльтигенской десантной операции приходились на огневую поддержку десантников и сброс грузов. Штурмовикам часто приходилось летать без бомб. Вместо них подвешивали контейнеры с грузовыми парашютами: сбрасывали боеприпасы, продовольствие, медикаменты. В то же время выполнялись боевые задания по уничтожению кораблей и плавсредств противника.

Ожесточение боев в районе Эльтигена нарастало с каждым днем. Настоящей "головной болью" для летчиков-штурмовиков в этот период была чрезвычайно сильная ПВО противника как в районе боев десантников на Эльтигене, куда немцы к концу ноября дополнительно стянули до 70 батарей зенитной артиллерии и большое количество крупнокалиберных зенитных пулеметов, так и портов Камыш-Бурун, Феодосия и Киик-Атлама. Огонь велся и с катеров, блокировавших десант с моря, и из всех видов пехотного оружия. Например, порт Камыш-Бурун был "защищен" трехкилометровой косой, на которой немцы сосредоточили две крупнокалиберные зенитные батареи четырехорудийного состава, до десятка батарей "Эрликонов" (*скорострельных зенитных пушек*). Портовую ПВО усиливали зенитные средства боевых кораблей, находящихся в порту - воздушная разведка Черноморского флота ежедневно фиксировала на рейде и у причалов порта от 10 до 15 БДБ (*быстроходных десантных барж*).

Как следствие, удельный вес безвозвратных боевых потерь штурмовиков от огня немецкой зенитной артиллерии достиг огромных величин - 80-90% всех потерь.

Полки 230-й ШАД 4-й ВА, в состав которой входил и 7 ГШАП Аверьянова, действовавшие по портам Керчь, Камыш-Бурун, Темрюк и на поле боя, потеряли 82 Ил-2, из них 62 машины - от зенитного огня, остальные - от истребителей люфтваффе. Только в сентябре месяце, когда дивизия работала по порту Темрюк, потери от огня зенитной артиллерии составили 30 Ил-2, еще 10 штурмовиков были сбиты немецкими истребителями.

Керченско-Эльтигенская десантная операция

Нашим штурмовикам противодействовали и истребители противника, постоянно патрулировавшие над районом Эльтиген на разных высотах.

1 декабря 1943 года 3-я эскадрилья 42-го штурмового авиаполка ВВС Черноморского флота в составе восьми экипажей под командованием комэска майора Каверзина во время боевого вылета на штурмовку района сосредоточения плавсредств противника была в полном составе уничтожена огнем ПВО.

В такую же мясорубку попала четверка Илов во главе с командиром 7 гвардейского ШАП майором Х.Я. Хашпером, в составе которой действовал и Константин Аверьянов.

Штурмовикам была поставлена задача атаковать колонну "тигров" в районе горы Митридат.

При первом же заходе на цель четверка попала в огненный мешок, созданный несколькими зенитными батареями. Только успели вырваться из этой ловушки, как сверху навалились "мессершмиты".

Отчаянно маневрируя, штурмовики попытались повторить штурмовку, но, расстреливаемые истребителями, опять напоролась на плотный огонь "эрликонов". В течение нескольких минут из всей четверки в воздухе остался только самолет Аверьянова. Машины Хашпера и Чернеца были сбиты и упали в море. При этом Чернец был еще и тяжело ранен. Плешаков еле-еле дотянул до своего берега и посадил подбитый Ил "на брюхо".

А Костя долго еще накручивал круги на своем изрешеченном, похожем на дуршлаг, штурмовике над местом падения своих товарищей, то отгоняя, то отвлекая на себя настырных "мессеров", пытавшихся расстрелять беспомощно барахтающиеся в воде экипажи Хашпера и Чернеца. Лишь когда убедился, что их подобрала наша катера, развернулся и ушел на свой аэродром. Там сразу же доложил, где находится командир полка и остальные.

Через два дня комполка Хашпер опять повел две шестерки "горбачей". На сей раз отработали без потерь. Но на обратном пути командирский Ил неожиданно вывалился из строя. В возникшей сумятице боевой порядок начал рассыпаться.

- Тринадцатый, сориентируй меня по курсу, - услышал в наушниках Костя голос Хашпера. Оказывается, в воздухе у командира начался приступ малярии, и он на время "выключился" и потерял ориентацию в пространстве. "Маляркой" он, как и комэска Иван Мальцев, заразился в кубанских плавнях еще в 42-ом.

- Я - тринадцатый. Вас понял, выполняю, - Костин Ил, набрав скорость, прошел снизу и вынырнул впереди командирской машины. - Я - тринадцатый, видите меня?

- Вижу тебя, - откликнулся Хашпер. - Давай, Костя, веди домой.

Наконец, впереди на земле появилась знакомая полоса аэродрома с выложенной буквой Т в самом начале.

- Я - тринадцатый, полосу наблюдаете?

- Вижу, сажусь, - послышалось в наушниках. - Спасибо, тринадцатый.

Десант 18-й армии, подвергаясь непрерывным атакам противника с суши и с воздуха, был отеснен к морю и удерживал территорию в 4 кв. км.

6 декабря 1943 года противнику удалось вклиниться в его оборону. В этой обстановке после внезапной атаки советским подразделениям удалось прорваться к южной окраине Керчи и занять гору Митридат, а также пристань Угольную.

9 декабря десантники под давлением превосходящих сил противника оставили вершину горы и заняли предместье г. Керчи. Не имея возможности оказать помощь десанту, советское командование на судах Азовской военной флотилии эвакуировало его.

В ночь на 10 декабря отряд из 22 катеров и мотоботов под огнем принял на борт 1080 человек. При этом два катера были потоплены и восемь получили повреждения. Сутки спустя было снято с берега и подобрано из воды еще 360 человек.

В эти дни Костя совершил 27 вылетов в Эльтигенский ад - топил немецкие баржи, утожил зенитные и артиллерийские батареи противника, расстреливал вражеские танки и пехоту. Иногда приходилось совершать по три - четыре вылета за день. Из каждого вылета "привозил" по несколько десятков пробоин в фюзеляже, рваных дыр в крыльях и хвосте. Техни-

Авиатехники "штопают" штурмовик, вернувшийся с боевого задания

ки едва успевали залатать его Ил, как надо было опять вылетать на задание.

Но судьба пока хранила его. Побывав в такой преисподней, он не получил ни единой царапины.

А в конце декабря 1943 года приказом по 4-ой Воздушной армии младший лейтенант Аверьянов был награжден орденом "Отечественная Война" I степени.

43

НАГРАДНОЙ ЛИСТ.

Фамилия, имя и отчество - АВЕРЬЯНОВ Константин Антонович.
Военное звание - гвардии младший лейтенант.
Должность, часть - Летчик старший 7 Гвардейского ордена ЛЕНИНА
Кубанского штурмового авиационного полка.

Представляется к ордену "ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА I СТЕПЕНИ".

1. Год рождения - 1922 г. 2. Национальность - русский.
3. Партийность - член ВКП/б/ с 1943 года.
4. Участие в боях: В Отечественной войне участвует с 25 марта 43г.
5. Имеет ли ранения и контузии - не имеет.
6. В какое время в Красной Армии - с 1940 года.
7. Таким РВМ призван - кадр.
8. Чем ранее награжден - орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА" 21.8.43г., орденом
"КРАСНОЕ ЗНАМЯ" 25.10.43 г.
9. Постоянный домашний адрес:

=====

I. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО Боевого
ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ.

В Отечественной войне принимает участие с марта месяца 1943 года. Всего за этот период совершил 59 успешных боевых вылетов в которых уничтожил - 8 танка, 56 автомашин, 3 ЗА, 7 ПО, 9 ЗПТ, 23 лошади и 400 солдат и офицеров противника.

За совершенные 10 боевых вылетов, в которых уничтожил 5 автомашин, 1 ЗА, 1 ПО и до 50 солдат и офицеров 21.8.43г. награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

За совершенные последующие 22 боевых вылета, в результате которых уничтожил до 30 автомашин, 8 ПО, 2 батареи ЗА, 15 лошадей и до 150 солдат и офицеров 25.10.43 г. награжден орденом "КРАСНОЕ ЗНАМЯ".

После награждения двумя Правительственными наградами, тов. АВЕРЬЯНОВ совершил еще 27 успешных боевых вылетов на самолете ИЛ-2 в р-не Черноморского полуострова. В результате уничтожил - 21 автомашину, 3 танка, 6 ПО, 9 ЗПТ, 3 баржи, 8 лошадей и до 200 солдат и офицеров противника.

В каждом боевом вылете тов. Аверьянов проявляет мужество, отвагу, смелость и находчивость. За отличные действия над полем боя имеет ряд благодарностей.

8.10.43 г. в р-не Мокон, выполняя боевое задание по уничтожению барж, уничтожил 1 баржу, что подтверждают экипажи действующие в одной группе.

11.11.43г. в р-не Моконка по баржам - в группе уничтожил 2 баржи. От наземного командования получил благодарность.

4.12.43г. совершил 3 боевых вылета в р-н заброшенного немецкого рудника, Булганак, Коммуны Инициатива - уничтожил в группе 2 танка, 1 полевую артбатарею.

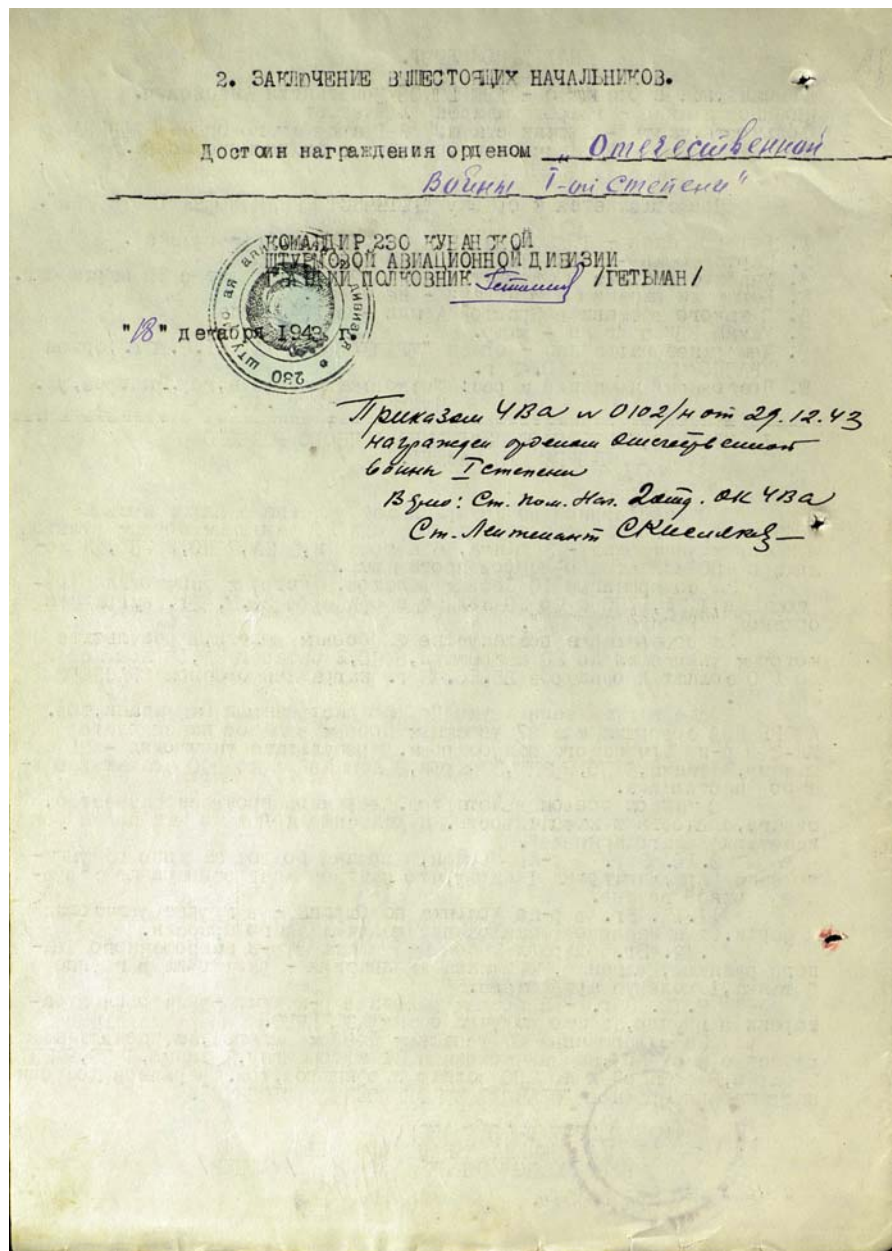
8.12.43 г. - 2 боевых вылета в р-н Черчи - уничтожил 2 батареи в группе, за что получил оценку ОТЛИЧНО.

За совершенные 27 успешных боевых вылетов, за проявленное мужество и отвагу, за уничтоженные 21 автомашину, 3 танка, 6 ПО, 9 ЗПТ, 3 баржи, 8 лошадей и до 200 солдат и офицеров, тов. Аверьянов достоин награждения орденом "ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I СТЕПЕНИ".

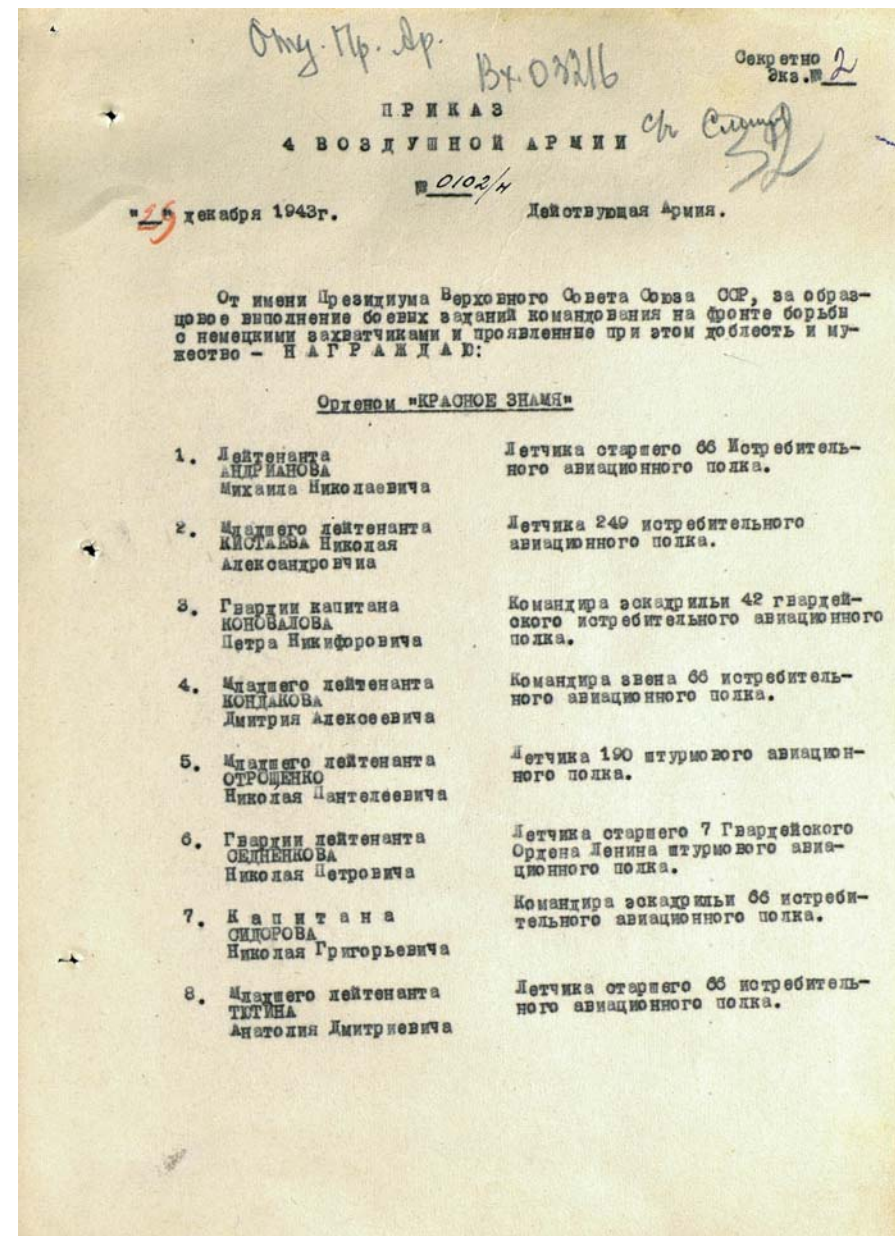
КОМАНДИР 7 ГВАРДЕЙСКОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА КУБАНСКОГО ШАП
ГВАРДИИ ЛЮДПОЛКОВНИК /КАШПЕР/

" 16 декабря 1943 г.

Наградной лист с представлением
гвардии младшего лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича
к награждению орденом "Отечественная война" I степени

Наградной лист (оборот) с представлением гвардии младшего лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича к награждению орденом "Отечественная война" I степени

Приказ по 4-ой Воздушной Армии о награждении старшего летчика гвардии младшего лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича орденом "Отечественная война" I степени

- 2 -

Орденом «ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1 СТЕПЕНИ»

1. Гвардии младшего лейтенанта АВЕРЬЯНОВА Константина Антоновича	Летчика старшего 7 гвардейского Ордена Ленина штурмового авиационного полка.
2. Капитана АЛЕКСАНДРОВИЧА Якова Александровича	Помощника командира по воздушно-стрелковой службе 229 Таманской истребительной авиационной дивизии.
3. Младшего лейтенанта АНИКЕЕВА Дмитрия Алексеевича	Летчика 863 истребительного авиационного полка.
4. Лейтенанта ВЕОБДИНА Сергея Евгеньевича	Заместителя командира эскадрильи 790 истребительного авиационного полка.
5. Майора БОРОНИНА Ивана Константиновича	Командира эскадрильи 366 отдельного разведывательного авиационного полка.
6. Младшего лейтенанта ГЛОВА Алексея Семеновича	Летчика старшего 66 истребительного авиационного полка.
7. Младшего лейтенанта ГРИШИНА Аркадия Ивановича	Летчика 622 штурмового авиационного полка.
8. Лейтенанта ДЖАМБАЗИШВИЛИ Семона Семеновича	Заместителя командира эскадрильи 805 истребительного авиационного полка.
9. Старшего лейтенанта ДОВРИНИНА Александра Максимовича	Командира эскадрильи 66 истребительного авиационного полка.
10. Лейтенанта ЗОЗ Анатолия Викторовича	Летчика старшего 190 штурмового авиационного полка.
11. Младшего лейтенанта ЗОТОВА Сергея Павловича	Летчика старшего 663 истребительного авиационного полка.
12. Гвардии лейтенанта ИСАЕВА Василия Васильевича	Заместителя командира эскадрильи 42 гвардейского истребительного авиационного полка.
13. Младшего лейтенанта КАСАВУКО Владимира Ивановича	Летчика 863 истребительного авиационного полка.

Приказ по 4-ой Воздушной Армии (стр.2)
о награждении старшего летчика гвардии младшего лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича орденом "Отечественная война" I степени

- 4 -

Орденом «ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2 СТЕПЕНИ»

5. Капитана КУЦЕНКО Абрама Ивановича	Командира эскадрильи 622 штурмового авиационного полка.
6. Капитана ЛЕУЧЕНКО Алексея Степановича	Командира эскадрильи 765 штурмового авиационного полка.
7. Сержанта ЛЕВОМИРСКОГО Евгения Васильевича	Летчика 863 истребительного авиационного полка.
8. Младшего лейтенанта ПАВЛОВА Анатолия Борисовича	Летчика старшего 863 истребительного авиационного полка.
9. Младшего лейтенанта ПИМЕНОВА Льва Николаевича	Летчика 190 штурмового авиационного полка.
10. Гвардии младшего лейтенанта ПЛЕШАКОВА Александра Яковлевича	Летчика 7 гвардейского Ордена Ленина штурмового авиационного полка.
11. Старшего лейтенанта САВЧЕНКО Михаила Степановича	Штурмана эскадрильи 8 отдельной авиационной эскадрильи связи.
12. Младшего лейтенанта ОКОЛОВА Ивана Николаевича	Летчика старшего 765 штурмового авиационного полка.
13. Гвардии старшину ФЕДОРОВА Михаила Игнатьевича	Воздушного стрелка 7 гвардейского Ордена Ленина штурмового авиационного полка.
14. Младшего лейтенанта ШЕВЧЕНКО Константина Ефимовича	Пилота 8 отдельной авиационной эскадрильи связи.

Орденом «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

1. Младшего лейтенанта ВОЙНАРЯ Владимира Федосеевича	Штурмана звена 889 Новороссийского ночного легко-бомбардировочного авиационного полка.
2. Лейтенанта ВУЛИНСКОГО Адама Игнатьевича	Летчика старшего 765 штурмового авиационного полка.
3. Старшего техника лейтенанта ГОЛОВИНА Ивана Уваровича	Командира 6 отдельной роты земного обеспечения самолетовождения.

КОМАНДУЮЩИЙ 4 ВОЗДУШНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК АВИАЦИИ
(ВЕРШИНИН)

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 4 ВОЗДУШНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ АВИАЦИИ
(КОТИНОВ)

За Начальника ОК 4 ВА
НАЧАЛЬНИК

Отп. 3 экз.
Экз. № 1-ГЛУ НКО
Экз. № 2-ОК ОПА
Экз. № 3-ОК 4 ВА

Копировано
К-н аф. 20.1.44

КБ т.р.с.к.ч.

Приказ по 4-ой Воздушной Армии (стр. 4)
о награждении старшего летчика гвардии младшего лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича орденом "Отечественная война" I степени

О БОЛТИКЕ, ОБ ЭКЛЕКТИКЕ И О НЕВЕРОЯТНЫХ СОВПАДЕНИЯХ

7 гвардейский ШАП действовал в это время с полевого аэродрома у хутора Трактового. От Трактового до крымского берега - рукой подать: 40 километров по прямой. Именно с этого аэродрома младший лейтенант Аверьянов совершил первый боевой вылет с новым членом экипажа.

О нем (об этом члене экипажа) стоит рассказать отдельно, потому, что вскоре он стал легендой, а впоследствии - героем не одной книги и даже киносценария.

История эта началась в мае 1943-го, когда полк стоял еще под Тихорецкой. В один из дней после сильного налета немецкой авиации на эту кубанскую станицу Костя со своим приятелем авиационным техником Андреем Лиманским пробирались к своему полемому аэродрому. До этого несколько дней шли проливные дожди, земля раскисла так, что ноги намертво завязали в тяжелой черной жиже. Порой жирная, чавкающая масса просто срывала сапоги с ног. Поэтому часто останавливались, чтобы, вырвав из этой трясины сапоги, вытряхнуть из них намокшую грязь, перемотать портянки и просто перевести дух.

На одном из таких привалов сошли на обочину, чтобы Лиманский, в очередной раз потерявший сапог, смог водрузить его на законное место. Да и просто хотелось для отдыха подыскать место посуше.

Андрей скакал на одной ноге, пытаясь, сначала, вытряхнуть из своей обуви все лишнее, а затем, также, стоя на одной ноге, намотать портянку. Костя, чтобы не мешать приятелю, отошел на пару шагов в сторону, как вдруг, словно наткнувшись на что-то, резко встал и замер.

Под ногами, свернувшись в мокрый клубок, лежал серенький щенок и спал. Спал, дрожа от холода и время от времени скуля во сне. На вид ему было, от силы, полтора - два месяца.

- Господи, да откуда же ты взялся, бедолага! - присев на корточки, изумленно выдохнул Костя, - Как же нам быть-то, ведь пропадешь.

- Ах ты, цуцик! - склонился рядом Лиманский, - Да как же ты жив-то еще?

Услышав человеческий голос, щенок слегка встрепенулся, изможденно поднял голову и... даже не двинулся с места. Взгляд темных щенячьих глаз излучал такую пронзительную тоску, такую стылую безысходность, что у не знавшего никогда проблем с сердцем Кости Аверьянова вдруг так защемило в груди, что он невольно отвел глаза. Потом сдернул с головы пилотку и переложил в нее дрожащую псину. Щенок даже не пытался сопротивляться. Прижав его к груди, Костя поднялся и решительно направился в сторону аэродрома.

Спотыкаясь в грязи, Лиманский с трудом нагнал его.

- Костя, а что мы с ним делать будем? - через раз дыша и разглядывая через Костино плечо пригревшегося щенка, поинтересовался Андрей.

- Что делать, что делать... Жить будем! - неожиданно резко отчеканил Константин. Потом, обернувшись, уже дружеско-любно, - Будем жить, Андрюха!

Кое-как добравшись до аэродрома, Костя, первым делом, отправился на кухню, разжился нехитрыми харчами и до отвала накормил своего питомца. После этого в позаимствованном у поваров алюминиевом тазу согрел воды и выкупал его.

Нежась в теплой воде, пес (выяснилось, что это кобелек) просто стонал, пребывая на вершине блаженства. Никакая самая сахарная кость не могла бы сравниться с тем счастьем, которое он испытывал от этой водно-мыльной процедуры. А вечером щенок уже блаженно спал, лежа на подстилке возле Костиной кровати.

На следующий день стали думать, как назвать собачку. Первый, пришедший на ум, вариант клички - ШКАС (Шпитального - Комарицкого авиационный синхронный, - крыльевой пулемет Ил-2) - был немедленно отвергнут. После недолгих раздумий решено было назвать щенка Болтиком.

Вот так и началась легендарная эпопея Болтика, одной из самых знаменитых собак в советской авиации времен Великой Отечественной войны.

Василий Емельяненко в своей книге "В воздухе суровом" построил на истории этой псинки целую сюжетную линию. Пользуясь писательским правом на литературный вымысел, Василий Борисович представил Болтика читателю сыном собаки Рыжухи, любимицы погибшего воздушного стрелка сержанта Николая Наумова, которая не смогла пережить смерть своего хозяина и умерла на его могиле. Кроме того, по версии Емельяненко, у Болтика был брат - Дутик, которого потом забрали к себе летчики из соседнего истребительного полка.

Но вернемся к майским событиям 43-го года.

С того самого дня Костя и Болтик стали неразлучными. Аверьянов часто уходил с щенком на стоянку, забирался с ним в самолет, закрывал фонарь и подолгу сидел в кабине своего штурмовика. Все полагали, что летчик увлекся слепым тренажером - приучается с закрытыми глазами, на ощупь отыскивать нужные краны, переключатели, рычаги. Занятие очень полезное. Но мало кто догадывался, летчик приучал щенка лежать на определенном месте, строго на левом бортовом пульте управления мотором. Вот и привыкал Болтик к кабине штурмовика, к незнакомым запахам лака, бензина, а позже - и к оглушительному гулу мотора во время пробы на земле, а потом - и в полете.

Щенок действительно оказался на редкость смышленным. Быстро усвоил, где находится его место в кубрике, куда можно ходить, а куда лучше не соваться. Одним из таких мест была столовая, точнее, кухня. Несмотря на то, что Константин никогда не забывал вовремя накормить своего питомца, с кухни иногда доносились такие соблазнительные запахи, что лапы сами собой несли в сторону столовой. Там же Болтик познакомился с обитавшей у техников черной кошкой, такой же любительницей вкусенького. Причем конфликтов, свойственных взаимоотношениям кошки и собаки, у них не возникало. Видимо, объединяла одна общая беда - старшина, начальник столовой. Здоровенный, с волосатыми руками, угрюмый дядька совершенно не терпел никакой живности в своих общепитовских владениях. И если, не дай Бог, зазеваться и попасться ему на глаза, то запросто можно было схлопотать приличный пинок под хвост.

Чтобы как-то задобрить сурового старшину Костя научил Болтика почти цирковому трюку: по команде "Старшина!" пес поднимался на задние лапы и, комично поджав передние лапы, замирал по стойке "смирно". Надо сказать, трюк потом действовал безотказно - старшина, видя, с каким почтением Болтик относится к его персоне, сразу же менял гнев на милость и с присутствием в столовой у Болтика проблем не возникало.

На аэродроме у хутора Трактового Болтик и получил боевое крещение. Тогда он слетал с Аверьяновым через Керченский пролив в Крым штурмовать противника у горы Митридат. И потом не раз еще летал.

Сколько всего боевых вылетов было на счету у Болтика, никто, кроме Аверьянова, не знал. Но часто приходилось видеть, как после приземления из кабины штурмовика №13 первым прыгал из кабины на крыло, а с крыла на землю серый песик с белыми лапками. Он мчался к ближайшему пеньку или кусту.

Самодельная открытка, подаренная Косте однополчанами в октябре 1945 г.
Дата 26.X.1945 проставлена самим Константином Аверьяновым.

ку и, постояв там бочком, стремглав возвращался к своему командиру экипажа. По утверждению самого Константина, к концу войны у Болтика было 72 часа налета. Если принять во внимание, что средняя продолжительность боевого вылета ИЛ-2 составляла полтора - два часа, то после несложного арифметического подсчета получается, что в активе Болтика - около 45 боевых вылетов. Показатель весьма достойный даже для бывалого летчика - штурмовика. За 10 выполненных боевых вылетов пилотов уже награждали орденом Красной Звезды, за 30 - орденом Боевого Красного Знамени. И если бы награждали собак, Болтик наверняка был бы кавалером вышеперечисленных орденов. Как минимум.

Многие считали, что полеты с собакой - это блажь летчика, но Аверьянов убеждал всех, что Болтик практически всегда сигнализирует об опасности, которую летчик сам еще не замечает.

- Если тычется мордой в ногу - значит надо маневрировать: где-то есть разрывы зениток, которых я не вижу, а может быть, и "мессер" подкрадывается сзади.

Вездесущие корреспонденты осаждали Аверьянова:

- А нет ли в этом суеверия, что с собакой летаешь?

- Разное болтают, а я на все это плевал с бреющего полета! Не пишите только об этом, а то такой шурум-бурум поднимется...

Корреспонденты обещание тогда сдержали. Но молва о псе, летающем на штурмовике, быстро разлетелась по всей 4-ой Воздушной армии.

Кстати, о суевериях.

Действительно, летчики - народ мнительный, склонный верить во всякого рода приметы. Во всяком случае, на машине с бортовым номером 13 мало кто из них отважился бы летать. Если посмотреть с этой стороны, получается, Костя был человеком абсолютно несуетерным. С другой стороны, он так доверял Болтику, считая его своим талисманом, самым верным оберегом, что хоть 666 нарисуй на фюзеляже, - все равно с ним ничего не случится.

Эклектика какая-то!

А может быть, Аверьянов был настолько уверен в своих силах, своем мастерстве и везении, что рисковал брать с собой на боевое задание своего маленького друга? Так нет, никто не считал Костю человеком самоуверенным, склонным к авантюре.

Опять - эклектика и дуализм.

Много лет спустя после войны один из тех фронтовых корреспондентов, доктор филологических наук, горьковед Борис Бялик в своей книге "Наедине с прошлым" подробно и тепло описывает свою встречу с летчиком Аверьяновым и его верным другом Болтиком.

Не обошел вниманием Костю и Болтика в своем творчестве другой писатель-фронтовик Иван Арсентьев (литературный псевдоним Костиного однополчанина Ивана Чернеца), посвятивший им не одну страницу в своей книге "Суровые будни".

Уверен, многие хорошо помнят прекрасный кинофильм Леонида Быкова "В бой идут одни старики". Наверняка помнят, что главный герой фильма, командир эскадрильи капитан Титаренко по прозвищу "Маэстро" в исполнении самого Леонида Быкова летал на самолете с нотным станом на фюзеляже.

Леонид Быков в роли капитана Титаренко
в к/ф "В бой идут одни "старики"

Штурмовик Ил-2 из состава 7-го гвардейского ШАП,
на котором летал Василий Емельяненко

Сергей Иванов в роли лейтенанта Александрова - Кузнечика

Константин Аверьянов и Болтик.
Белоруссия, 1944 г.

эпизод, когда на аэродром "поющей эскадрильи" внезапно налетела фашистская авиация, и лейтенант Кузнечик ухитрился взлететь на командирской машине и сбил вражеский истребитель. В конце эпизода, когда приземлившийся Кузнечик откидывает фонарь, из кабины первой выскакивает его неразлучная собачонка и бросается по нужде к кустам.

Именно по рассказам Емельяненко сюжет этого эпизода был просто "списан" авторами фильма с Кости Аверьянова и Болтика.

Бывают и такие невероятные совпадения.

Так вот, хотя бы внешний антураж комэска Титаренко был позаимствован Леонидом Быковым и его соавторами сценария фильма Евгением Оноприенко и Александром Сацким у Василия Емельяненко, с которым они активно общались во время написания сценария. Именно Василий Борисович, выпускник консерватории, имел позывной "Маэстро". И именно он летал на машине расписанной нотами. С той лишь разницей, что летал на штурмовике, а капитан Титаренко был летчиком - истребителем.

Наверняка зрителям запомнился и другой герой фильма - лейтенант Кузнечик и его собачка. Особенно

В КРЫМСКОМ НЕБЕ

Минул 1943 год. Новый 1944 год Константин Аверьянов встречал на том же аэродроме у хутора Трактового.

Масштабных боевых действий вплоть до апреля не велось, лишь на самом Крымском полуострове велись бои местного значения у плацдармов, захваченных нашими войсками в декабре 43-го.

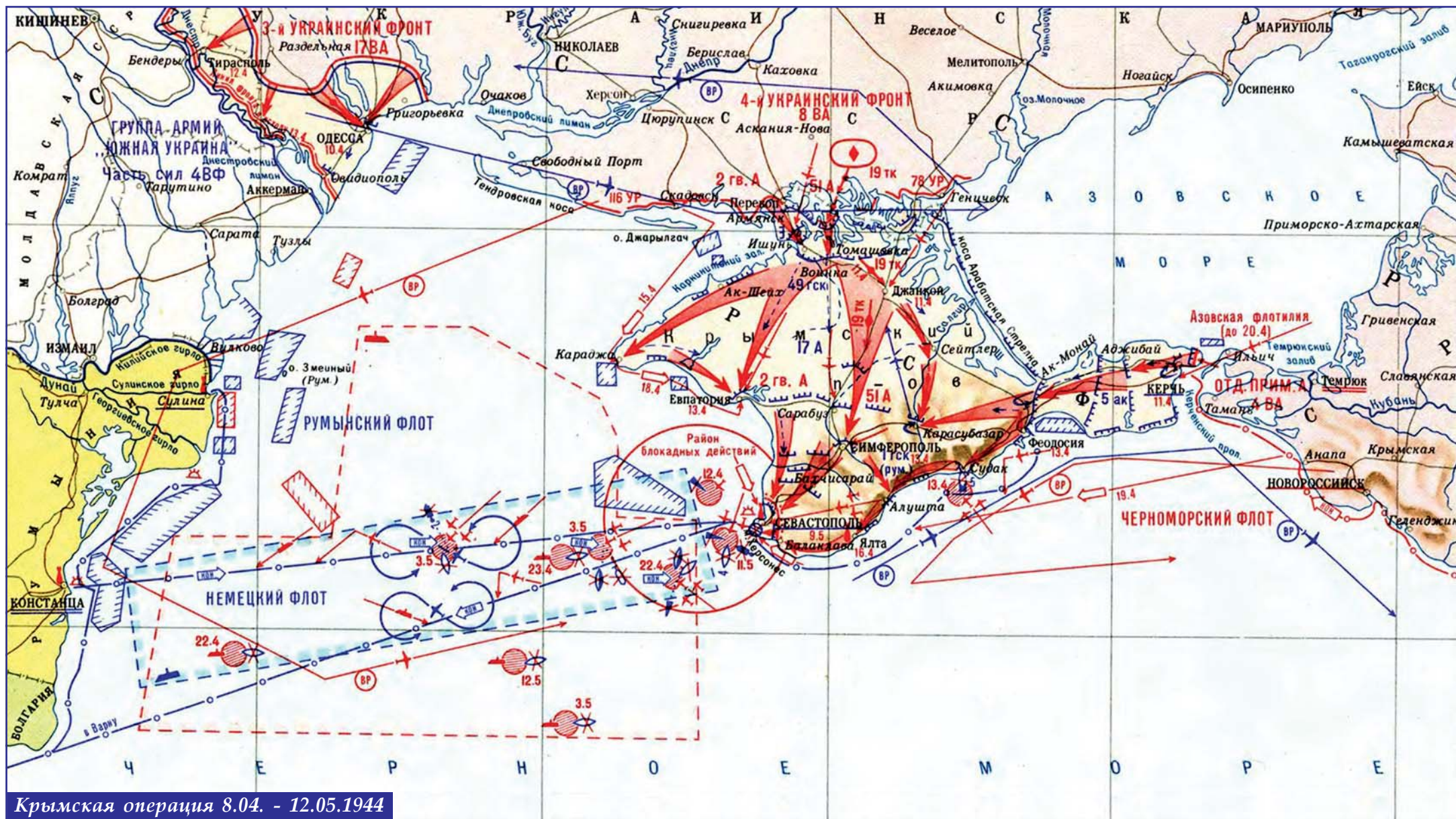
Но, несмотря на это, работы у штурмовиков по-прежнему было предостаточно - ежедневно летали через Керченский пролив поддерживать нашу пехоту, обороняющуюся на плацдармах, подавлять вражеские артиллерию и зенитные батареи, бомбить объекты противника в его тылах.

Главный маршал авиации Константин Вершинин, в ту пору генерал-полковник, командующий 4-ой Воздушной армии, в частности, вспоминал:

- Для более тесного взаимодействия штурмовиков с наземными войсками командиры авиационных дивизий

Командующий 4-ой Воздушной армии
генерал-полковник
К.А. Вершинин. Фото 1945 г.

- Линия фронта к исходу 7 апреля
- Оборонительные рубежи противника
- Направления ударов 4 Украинского фронта с 8 апреля и Отдельной Приморской армии с 11 апреля
- Удары авиации
- Отступление противника

- Линия фронта к исходу 4 мая
- Уничтожение окруженной группировки противника в районе м. Херсонес 11-12 мая
- Даты освобождения городов
- Перевозки Азовской флотилии войск, боеприпасов и продовольствия на Керченский полуостров
- Перебазирование торпедных катеров

- Морские пути (конвоев, одиночных судов и кораблей)
- Авиационное прикрытие конвоев, судов и кораблей на переходе
- Воздушная разведка
- Удары авиации по портам и базам
- Действия авиации, подводных лодок и торпедных катеров на морских коммуникациях

- Удары авиации и подводных лодок по судам и кораблям противника
- Районы действия подводных лодок
- Минные заграждения
- Постановка мин авиацией

с радиостанциями наведения находились в расположении боевых порядков пехоты, что давало возможность быстро шли в наступление, а войска Отдельной Приморской армии, начав наступление в ночь на 11 апреля, утром овладели городом-крепостью Керчь - укрепленным узлом сопротивления врага на восточном побережье Крыма. На всех направлениях развернулось преследование вражеских войск, отходивших к Севастополю.

В эти дни штурмовикам 7-го гвардейского приходилась вылетать на поддержку войск по несколько раз и днем и ночью. Помимо штурмовки переднего края наносили удары и по объектом в глубине обороны гитлеровцев.

По воспоминаниям К.А. Вершинина, кроме действий по железнодорожным эшелонам, находившимся в пути, авиаторы совершали успешные штурмовые удары и по скоплению составов на станциях. 11 апреля в 8 часов 30 минут двенадцать Ил-2 7-го гвардейского штурмового полка под командованием гвардии капитана Юркова, прикрываемые группой истребителей в составе двенадцати ЛаГГ-3 863-го полка, с высоты 160 - 200 метров и снижением до бреющего полета нанесли бомбово-штурмовой удар по двум железнодорожным эшелонам на станции Тапшыяр.

Зайдя на цель с северо-запада под углом 30 градусов к железнодорожным путям, первая четверка атаковала паровоз и головные вагоны, вторая центральную часть состава, третья - второй эшелон. Развернувшись для повторного удара, летчики увидели шесть горящих вагонов, которые закрыли выход со станции.

И в этом бою Константин Аверьянов продолжил пополнять свой боевой счет.

Отход немецко-фашистских войск был поспешным. Керчь была очищена 11 апреля, на следующий день - Феодосия, 14-го - Судак, 15-го - Гурзуф. А вскоре у Севастополя сошлись два наших фронта и две воздушные армии: 8-я - генерала Хрюкина и 4-я - Вершинина.

Потеряв почти весь Крым, противник упорно удерживал Севастополь. Для обороны была использована мощная система укреплений на подступах к городу, состоявшая из трех полос. Наиболее сильными узлами сопротивления являлись Мекензиевы Горы, Сахарная Головка и особенно Сапун-гора, запиравшие все подступы к Севастополю и господствовавшие над окружающей местностью. В частности, на Сапун-горе имелось

шесть линий траншей, прикрытых противопехотными и противотанковыми заграждениями в несколько рядов.

17-я армия имела в своем составе остатки пяти немецких и трех румынских дивизий. По данным штаба 4-го Украинского фронта, она насчитывала 72 000 солдат и офицеров, около 1830 орудий и минометов, 50 танков и штурмовых орудий и до 100 боевых самолетов. Тяжелую артиллерию сохранил только 49-й корпус.

Первая попытка советских войск взять с ходу Севастополь 23 апреля не увенчалась успехом. Тогда началась перегруппировка и подготовка советских войск, которая продолжалась до 5 мая. В период подготовки велась разведка боем - вычислялись огневые точки противника, которые немедленно подавлялись авиацией и артиллерией.

27 апреля 4-я воздушная армия была передана во временное подчинение генералу Хрюкину. В дальнейшем она участвовала в освобождении Севастополя и успешном завершении Крымской операции вплоть до 12 мая 1944 года.

Вспоминает фронтовой друг Константина Аверьянова Борис Левин:

- Наш полк действовал в составе 8-й воздушной армии. Ежедневно совершали по четыре-пять боевых вылетов. Штурмовали неприятельские окопы и батареи на знаменитой Сапун-горе, мощные узлы сопротивления противника на Мекензиевых Горах, Сахарной Головке, в Инкермане. В эту горячую боевую пору в полк прилетел командующий армией генерал-полковник авиации Тимофей Тимофеевич Хрюкин.

- Нашим наземным войскам, товарищи, очень трудно. Каждый метр дается дорогой ценой, - объяснял генерал обстановку на фронте.

- Враг решил во что бы то ни стало удержать за собой севастопольский плацдарм. Наша задача - сбросить гитлеровцев в море, скорее освободить весь Крым.

Тимофей Тимофеевич рассказал, что продвижению наших частей очень мешают "мессершмитты", базирующиеся под самым Севастополем.

- Приказываю этот аэродром обезвредить, товарищи гвардейцы. Вражеский аэродром - крепкий орешек. Сразу не раскусишь.

Борис Левин и Константин Аверьянов. Крым, май 1944 г.

Вместе с командующим мы детально обсудили план предстоящего вылета.

- Только внезапно, - склонившись над картой, в глубоком раздумье произнес Константин Аверьянов, - Отвлечь сначала...

- А яснее? - насторожился командующий.

Костя стал развивать свой план:

- Удар с бреющего. Восьмеркой. Впереди нее - пара. Она идет с превышением. Принимает на себя огонь зениток.

- Дело говорите, дело, - генерал Хрюкин что-то прикинул в уме и коротко спросил: - Кто пойдет в паре?

- Разрешите мне со своим ведомым? - Аверьянов вытянулся по стойке "смирно".

...Вылетели еще до восхода солнца. Капитан Аверьянов и его ведомый старший лейтенант Вахтанг Чхеидзе - впереди. Следом я и Ваня Мальцев. Оба ведем четверки. Идем без прикрытия истребителей. Весь расчет - на полную внезапность удара.

К цели летим со стороны моря, в километре позади Аверьянова и Чхеидзе.

Вот Костя и Вахтанг набрали метров триста-четыре сотни. А мы еще ниже прижались к волнам, вот-вот буруны окатят крылья. С тревогой следим за летящей впереди парой. Враг ее уже обнаружил. Весь берег запылал вспышками выстрелов. Небо закружилось разрывами. Но Аверьянов и Чхеидзе летят по курсу. Знаю, сейчас Костя весь сосредоточен на поиске аэродрома. Он где-то на самом берегу. Но где точно - на это должны ответить он и Чхеидзе.

Вдруг штурмовик Аверьянова резко накренился, скользнул на крыло. Подбит? Неужели подбит? Эх, Костя! Чего же ты медлишь? Да уходи же скорее, уходи, чертов сын, из этого пекла. Ведь весь огонь направлен на тебя! Или решил - все равно погибать...

- Цель вижу, - неожиданно слышу его голос. - Стервятников полно. Стоят плотно, по обе стороны поля. Пара перешла в пикирование - точно обозначила цель.

Еще пуще зачастили зенитные пушки врага. По штурмовикам открыли сосредоточенный огонь зенитки с Сапун-горы, со стороны Севастополя. А они перешли в горизонтальный полет, по-прежнему ни на йоту не отклоняются от избранного курса.

- Прохожу через середину аэродрома, - снова зазвучал в наушниках голос Кости, - Борис, работай по левой, Ваня - по правой.

Какое надо иметь самообладание, чтобы в таком крошечном аду, на подбитой машине, когда пушки расстреливают тебя в упор, так спокойно руководить быстротечным боем штурмовиков! Железный ты человек, Костя, дорогой мой побратим!

Эти мысли промелькнули в сознании в какие-то доли секунды. И вот прямо передо мной вздыбился берег. Крутой горкой набираю метров двести. Знаю: то же делает вся группа. В горку перешел и Мальцев. Огляделся: вышел точно на левую, северную сторону летного поля. Перевожу машину в пологое планирование и открываю огонь из пушек, пулеметов, очередь сбрасываю все бомбы и реактивные снаряды.

Серой полоской, как лента конвейера, пронесся под плоскостями самолета аэродром. Цель осталась позади. Оглядываюсь. На аэродроме - море огня, огромные клубы дыма.

Командующий 8-ой Воздушной армии генерал-полковник Т.Т. Хрюкин. Фото 1945 г.

Слева - в пожарницах Севастополя. Впереди - знаменитая Сапун-гора. Она встретила нас частым и каким-то беспорядочным зенитным огнем.

Знать, совсем не ожидали нас гитлеровцы. Костя и Вахтанг приковали к себе все их внимание: на том и строился наш расчет.

За Сапун-горой опять полетел на бреющем. И тут немцы немало понаставили зениток. Оглядываюсь еще раз - вся группа, как привязанная, идет следом. У Мальцева тоже без потерь.

А Костя в полк не вернулся.

Неужели нет больше Аверьянова? На фронте мы призывали к утрате боевых дру-

зей. Но Костя Аверьянов, Костя! Когда же это случилось? Где?

Прибежал на командный пункт полка, спрашиваю, жив ли, нет ли? Никто ничего не знает. И Вахтанг разводит руками - Аверьянов приказал ему идти домой, а сам почему-то влево отвернул.

- Я подумал, что вас собрать хочет...

- А не горел он? - словно угадав мой вопрос, спросил Жора Лев.

- Вроде нет, - ответил Вахтанг, - Я оглянулся, но его уже нигде не было. Хотел искать, да чертова горючка кончалась...

- Эх, ведомый! - не удержался я от упрека, - Пропал, значит, Костя.

- Пропал, - повторил за мной совсем упавшим голосом Чхедидзе.

Но Аверьянов не пропал. Все разъяснилось под вечер. Костя явился в полк на попутной полуторке, живой и невредимый.

- Радиатор разнесли, сволочи, понимаешь, - говорил он мне, размашисто шагая на доклад к командиру, - Еле через пере-

дний край перебрался. До дома не смог дотянуть. Пришлось у соседей сесть.

В штабе нам показали только что полученную от командующего армией радиограмму: аэродром противника полностью выведен из строя, уничтожено большинство находившихся на нем самолетов. Командующий воздушной армией генерал Т. Хрюкин приказал ведущих групп лейтенантов Аверьянова и Левина представить к званию Героя Советского Союза.

5 мая после усиленной авиационной и артиллерийской подготовки 2-я гвардейская армия начала наступление на Мекензиевы горы.

7 мая начался генеральный штурм укрепленного района противника по всему фронту. Главный удар наносился на участке Сапун-гора - высота Горная. Непосредственно массив Сапун-горы штурмовали части Приморской армии. После усиленной бомбардировки авиацией и артподготовки в атаку пошли штурмовые группы. Штурмовые группы шли парами - одна с боем шла впереди, а другая не ввязываясь в бой, шла позади. Когда первая группа выдыхалась, вперед шла вторая. Бой за Сапун-гору был особой ожесточенности. К вечеру Сапун-гора была взята. Но совершив перегруппировку войск, немцы на рассвете 8 мая предприняли контратаку в надежде выбить измотанные штурмом советские войска с Сапун-горы. Однако советским командованием уже была проведена замена ударных групп на вновь подошедшие подразделения, и контратака была отбита.

С упорными боями части 2-ой гвардейской армии 8 мая, выбив врага с Мекензиевых гор, вышли к Северной бухте.

9 мая в 8 часов утра начался общий штурм Севастополя. Части 13-го гвардейского стрелкового корпуса начали форсирование Северной бухты. Наступательный порыв был настолько высок, что при нехватке плавательных средств бойцы начали переправу через бухту на подручных средствах. В ход пошли даже гробы, щедро запасенные немецкими интендантами. 55-й и 51-й корпуса, обогнув бухту с северо-востока, за несколько часов очистили Корабельную сторону. 63-й, 10-й и 11-й стрелковые корпуса ворвались в город с юго-запада. К вечеру 9 мая Севастополь был полностью освобожден.

Справа налево: сидят - Константин Аверьянов, Иван Мальцев, Вахтанг Чхеидзе, стоят - Александр Парумбеков, Георгий Кеатишвили.
Весна 1945 г.

Только на штурмовку укреплений противника в районе Севастополя гвардии лейтенант Аверьянов совершил 16 успешных боевых вылетов.

К этому времени Константин был назначен штурманом эскадрильи. Видимо, командир полка Х.Хашпер не забыл декабрьскую историю 43-го, когда Аверьянов безукоризненно вывел его и всю шестерку штурмовиков к своему аэродрому. И надо сказать, в выборе своем не ошибся. Костя был штурманом от Бога. Обладая великолепной зрительной памятью, внимательный к любым мелочам, Аверьянов всегда безошибочно выводил своих "горбачей" к цели. А это было весьма непросто. Тогда ведь не было ни GPS, ни ГЛОНАСа, а из всех средств навигации у пилота были только карта, компас и часы. При этом еще надо было пилотировать машину: штурман, в отличие от бомбардировщика, штурмовику не полагался. Очень часто, особенно на незнакомой местности, летчики, перепутав ориентиры, сбивались с курса - "впадали в

блуждению". И хорошо, если удавалось как-то определиться с направлением и все-таки выйти в заданный район. А бывало и так, что после долгих рысканий, израсходовав топли-

Летчики и технический состав 7 гв.ШАП, принимавшие участие в боях за освобождение Крыма и Севастополя. 11.05.1944 г.

Летчики и технический состав 7 гв.ШАП, принимавшие участие в боях за освобождение Крыма и Севастополя. 11.05.1944 г. (К. Аверьянов второй справа)

во, приходилось возвращаться назад, что называется, с пустыми руками. Да еще и избавляться от бомб, сбрасывая их, где придется. Потому, что сесть с подвешенными бомбами было невозможно - взведенные бомбовзрыватели от толчка при посадке запросто могли сработать. И тогда - взрыв. Да и за невыполнение боевого задания по головке, естественно, не гладили.

Но Аверьянов таких проблем никогда не испытывал. При прокладке маршрута по карте он запоминал мельчайшие детали рельефа местности, самые незначительные ориентиры, четко рассчитывал время и скорость полета. А затем, строго соблюдая составленный график, четко выводил группу к заданной цели на заданной высоте. Стоило ему хотя бы раз пролететь по маршруту, и карта уже была не нужна: память Константина намертво схватывала все ориентиры, время и высоту их прохождения.

9 мая 1944 г. Аверьянов повел семерку Илов на уничтожение транспорта противника на мысе Херсонес.

Чтобы не попасть под огонь зениток и не встретиться с "мессерами" на подходе к цели, Аверьянов разработал специальный план. Штурмовики вышли на объект с моря, со стороны солнца на высоте 1200 метров, и со снижением, чтобы

создать запас скорости, обманули зенитные расчеты врага. Обстреляв по пути пулеметно-пушечным огнем аэродром противника и разогнав прислугу, основной удар "горбачи" обрушили на транспорты, стоявшие на погрузке. Сделав несколько заходов, потопили крупный транспорт, на котором находились вражеские войска и техника, и без потерь вернулись домой.

12 мая остатки немецко-фашистских войск зажатые в районе Камышовой и Казачьей бухт и на мысе Херсонес, были прижаты к морю. После ряда неудачных попыток эвакуации противник был сброшен в море.

За успешные действия в боях при освобождении Крыма и Севастополя Константин был представлен ко второму ордену Красного Знамени.

В апреле 1945 года, когда бои за

Штурман эскадрильи 7 гв. ШАП гвардии лейтенант К.А. Аверьянов. Снимок из газеты, июль 1944 г.

Лейтенант Аверьянов и замполит полка майор Рябов, Крым, май 1945 г.

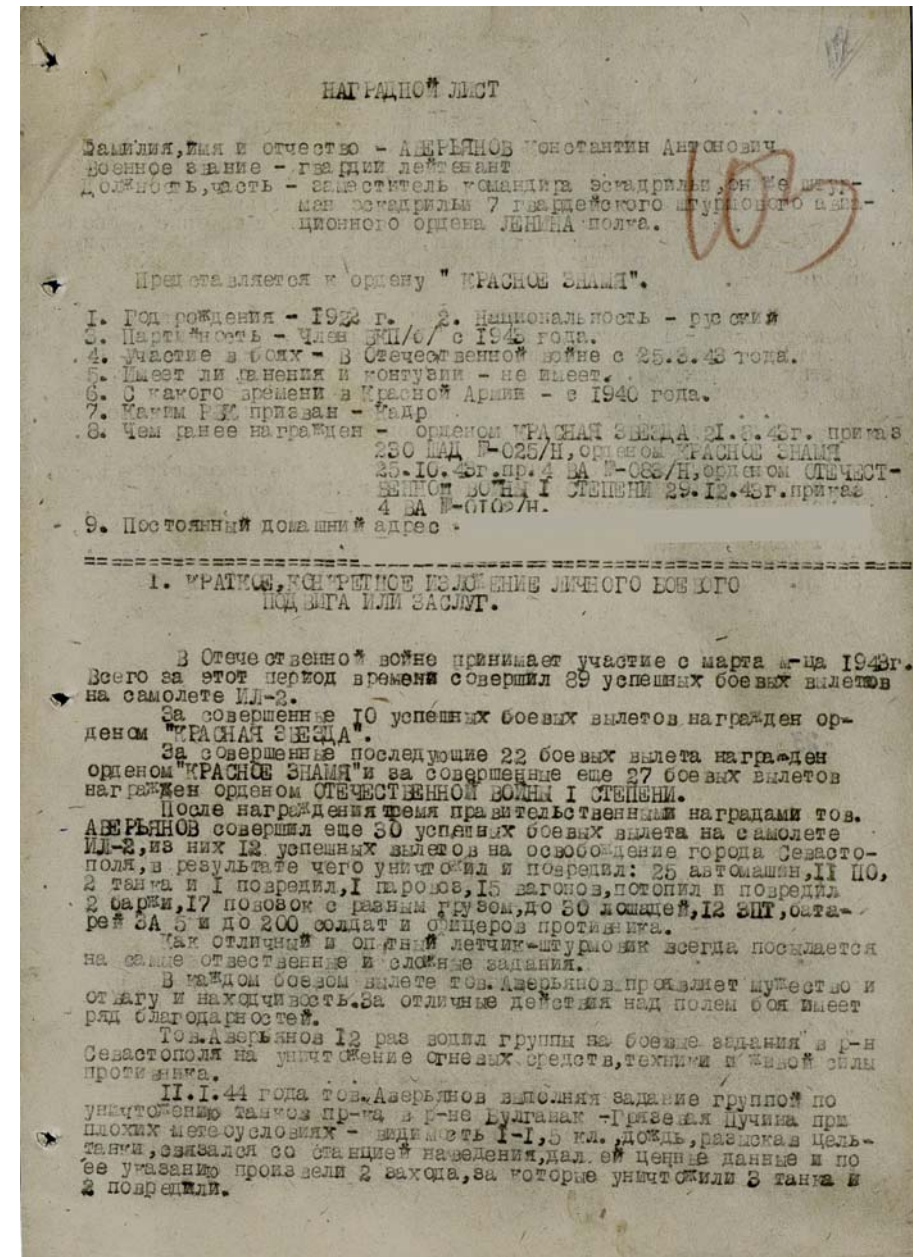

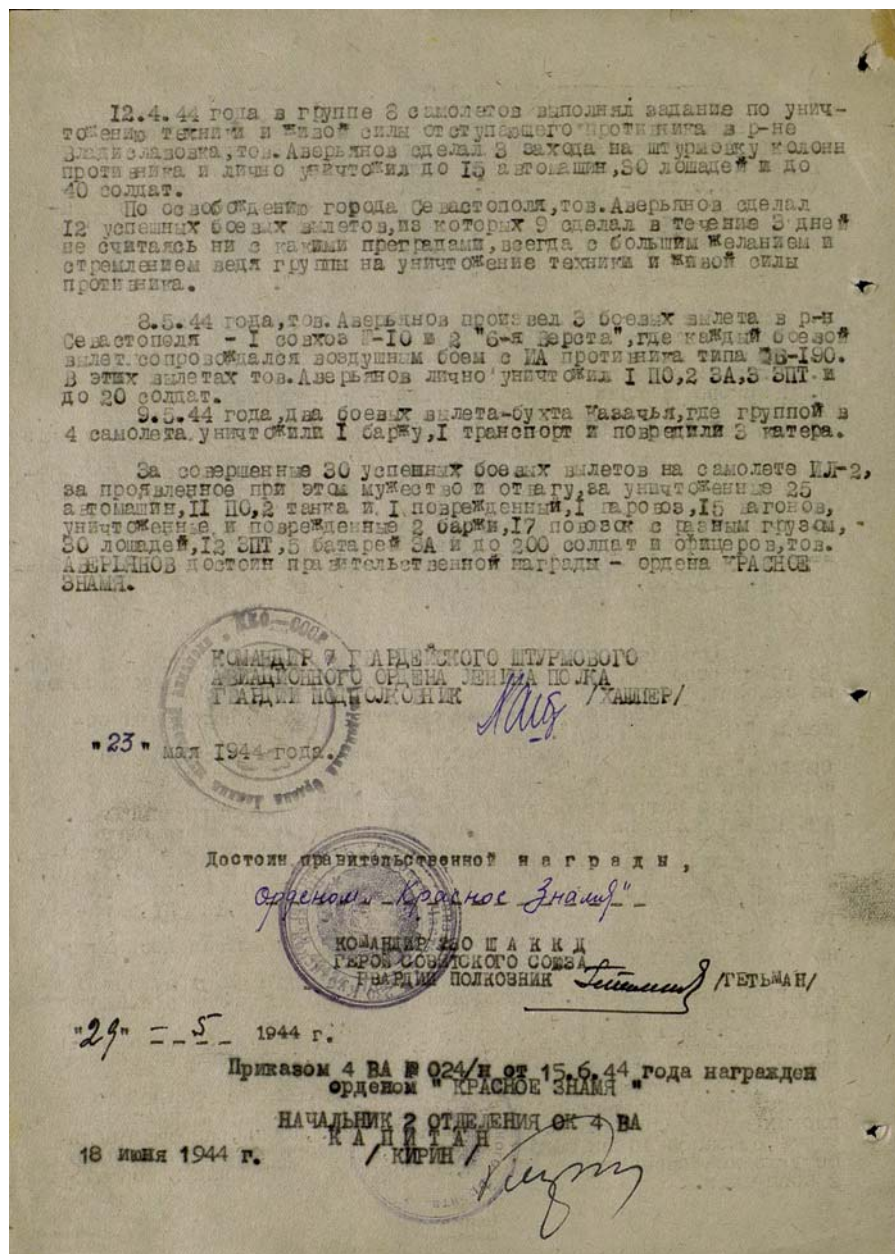
Константин Аверьянов после награждения вторым орденом Красного Знамени. Июнь 1944 г.

освобождение Крыма только набирали силу, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение передать 4-ю Воздушную армию в состав 2-го Белорусского фронта.

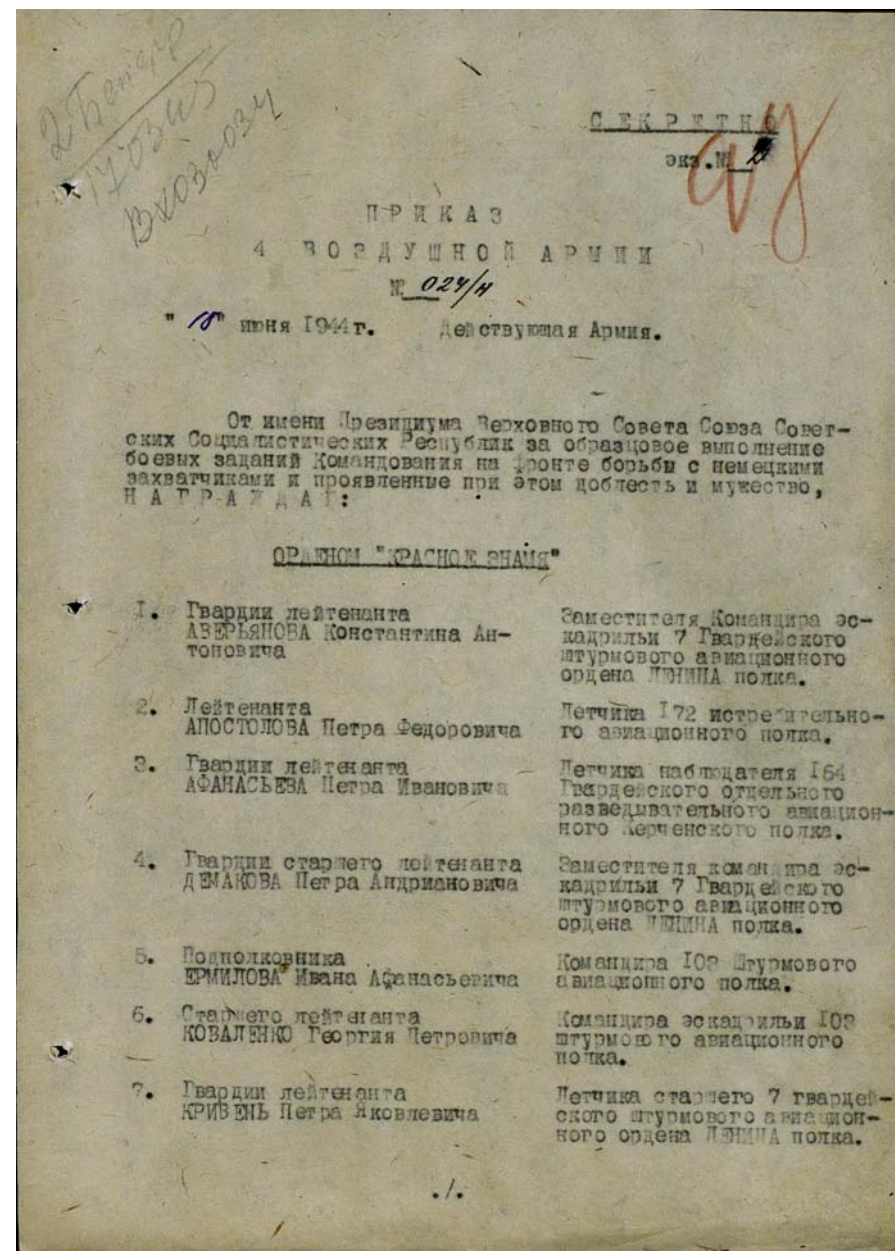
А когда отгремели праздничные салюты Москвы, посвященные ратным успехам доблестных освободителей Крыма, 7 гвардейский ордена Ленина Севастопольский (это почетное наименование полк получил сразу же после освобождения Севастополя) начал готовиться к перелету из Крыма в Белоруссию.

Наградной лист с представлением гвардии лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича к награждению вторым орденом "Красное Знамя"

Наградной лист (оборот) с представлением гвардии лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича к награждению вторым орденом "Красное Знамя"

Фрагмент приказа по 4 Воздушной армии о награждении гвардии лейтенанта Аверьянова вторым орденом "Красное Знамя"

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕБРОСКИ

Об это необычной и по скорости, и по способу выполнения переброске полка долгое время ходили легенды.

По воспоминаниям Василия Емельяненко, лететь предстояло около 1500 километров на север с посадками в районе Запорожья, Харькова, Курска, Орла и Брянска. Конечный пункт - полевой аэродром неподалеку от Рославля на Смоленщине.

Штаб готовился к погрузке в вагоны. Транспортных самолетов на этот раз не выделили, а на новое место надо было успеть раньше, чтобы встретить полк.

Командир полка был обеспокоен. И штаб на новом месте нужен, и как там обойдешься без технического состава? Сколько потом придется сидеть и ждать, пока они доберутся поездом?

Штурман полка капитан Александр Юрков тоже присутствовал при этом разговоре и думал, как выйти из положения.

- Штурмовик поднимает шестьсот килограммов бомб. Так вместо них можно же поместить в бомболюки хотя бы двоих техников, да со стрелком еще и третьего? Тогда двухместный Ил, кроме экипажа, может забрать еще троих, - вдруг осенило его.

Поделится мыслями с командиром полка. Хашперу идея определенно понравилась.

Правда, идея лететь в бомбоотсеке у тех, кому предстояло это сделать, энтузиазма не вызвала.

- Это ж мыслимо такое - людей в бомболюках возить! Фашист до такого не додумался бы. А как, если пилот случайно "сидора" (рычаг аварийного сброса бомб) дернет, бомболюк раскроется - и

лети вместо бомбы? - строили самые страшные предположения техники.

- А если на вынужденную пойдет и на брюхо сядет, какие отбивные из "пассажиров" получатся! - вторили им оружейники. - Да разве в этот бомболюк втиснешься?

Начали прикидывать, как и что сделать, чтобы избежать любых случайностей.

Понятно, рычаг аварийного сброса можно законтрить проволокой. Чтобы избежать вынужденной посадки, надо хорошенько подготовить самолеты. А под размеры бомбоотсеков подбирать людей негабаритных, помельче.

Начали отрабатывать загрузку "пассажиров" в бомболюк. Выяснилось, что лежать, оказывается, можно было только на боку, в позе эмбриона, поджав колени к самому подбородку. Конечно же, без парашюта.

Наверное, отсюда и пошла гулять известная армейская байка о корове в бомболюке, которую так комично обыграл режиссер Александр Рогожкин в своем культовом фильме "Особенности национальной охоты"...

Как вспоминал Василий Борисович Емельяненко, охотников на первый пробный полет не было. Тогда оружейники Маша Одинцова и Оля Чернова сами вызвались слетать. Что оставалось делать техникам? Первым полетел с двумя пассажирами в бомболюках Юрков. Вслед за ним выполнил два полета Иван Остапенко. Тот поместил со своим стрелком Володи Пименовым самую маленькую в полку оружейницу Тосю Табачную, а двоих техников "прокатил" в бомболюках.

Боевые друзья (слева направо): Виктор Горячев, Владимир Буханов, Алексей Смурнов, Иван Мальцев. Крым, май 1944 г.

Нина Алексеева, оружейник самолета
Константина Аверьянова,
Померания, 14 мая 1945 г.

В конце концов, проект необычного перелета был утвержден.

Пришел день, когда полковые Илы с необычной "бомбовой нагрузкой" взлетели с крымской земли и направились в сторону Запорожья. Перед этим, разумеется, дали телеграмму, в которой сообщалось расчетное время прибытия, чтобы не задерживать заправку самолетов горючим и обед.

В Аверьяновский экипаж, помимо Болтика, входили Костины бессменные борт-стрелок Женя Рысев и оружейница Нина Алексеева, летевшие кабине воздушного стрелка. А в бомбоотсеки пришлось загрузить Андрея Лиманского и еще одного сержанта-техника.

До Запорожья долетели без приключений.

"Горбачи" один за другим садились на полосу и, вырулив на стоянку, выстроились на ней ровными рядами. Заглушили моторы и первым делом открыли створки бомболюков. Оттуда, охая и кряхтя, матерясь и, на чем свет стоит, проклиная всех и вся, выбирались вынужденные пассажиры. Их можно было только пожалеть, представляя, какие ощущения они испытали в "плацкарте" на высоте полтора километра. И какую встряску получили еще и при посадке.

Отправились на обед.

Но с обедом вышла неувязка.

- Мы готовили на шестьдесят человек, откуда же взялось людей в два с лишним раза больше? - сокрушались интенданты.

Пришлось объяснить.

- Если хотите знать, на моем тринадцатом номере летело даже шестеро, - вступил в спор с заведующим столовой Аверьянов. В ответ на недоуменный взгляд он указал на своего Болтика и скомандовал, - Болтик, старшина!

Пес мгновенно поднялся на задние лапы и застыл по стойке "смирно". Стоявшие вокруг дружно разразились хохотом. Безнадежно махнув рукой, завстоловой бросился на кухню, решать внезапно возникшую проблему с обедом для неожиданных гостей.

После обеда, пока заправляли горючим самолеты, Константин по привычке устроился в сторонке прямо на траве и уснул. Рядом, пристроившись под боком, сыто и блаженно задремал Болтик. Никто не знает, что тогда снилось этому псу. Наверное, что-то очень хорошее...

- По машинам! - как-то внезапно разнеслась над летным полем команда.

Мгновенно проснувшись, Аверьянов встал, отряхнулся и направился к своему Илу. Следом рысцой трусил Болтик.

У машины возились Рысев и Алексеева, пытаясь по мере возможности нежно утрамбовать в бомболюки "живой груз".

Еще несколько минут и, оглашая окрестности ревом моторов, полк поднялся в небо и взял курс на Харьков.

Такая же посадка в Харькове.

Загрузка авиабомб в бомбоотсек
штурмовика. Можно представить, как
выглядела погрузка "пассажиров" для
перелета 7 гвардейского полка из Крыма.

Город лежал в руинах, дважды побывав в руках противника. Восемь месяцев назад - в августе сорок третьего - он был вторично и окончательно освобожден.

На аэродроме под Харьковом не оказалось горячего. Пришлось около полусуток ждать, пока его подвезут.

Выпавшее свободное время Аверьянов использовал как всегда: куртку - на траву, руку - под голову, Болтика - под бок и спать...

До Рославля долетели уже без происшествий.

ОСВОБОЖДАЯ БЕЛОРУССИЮ

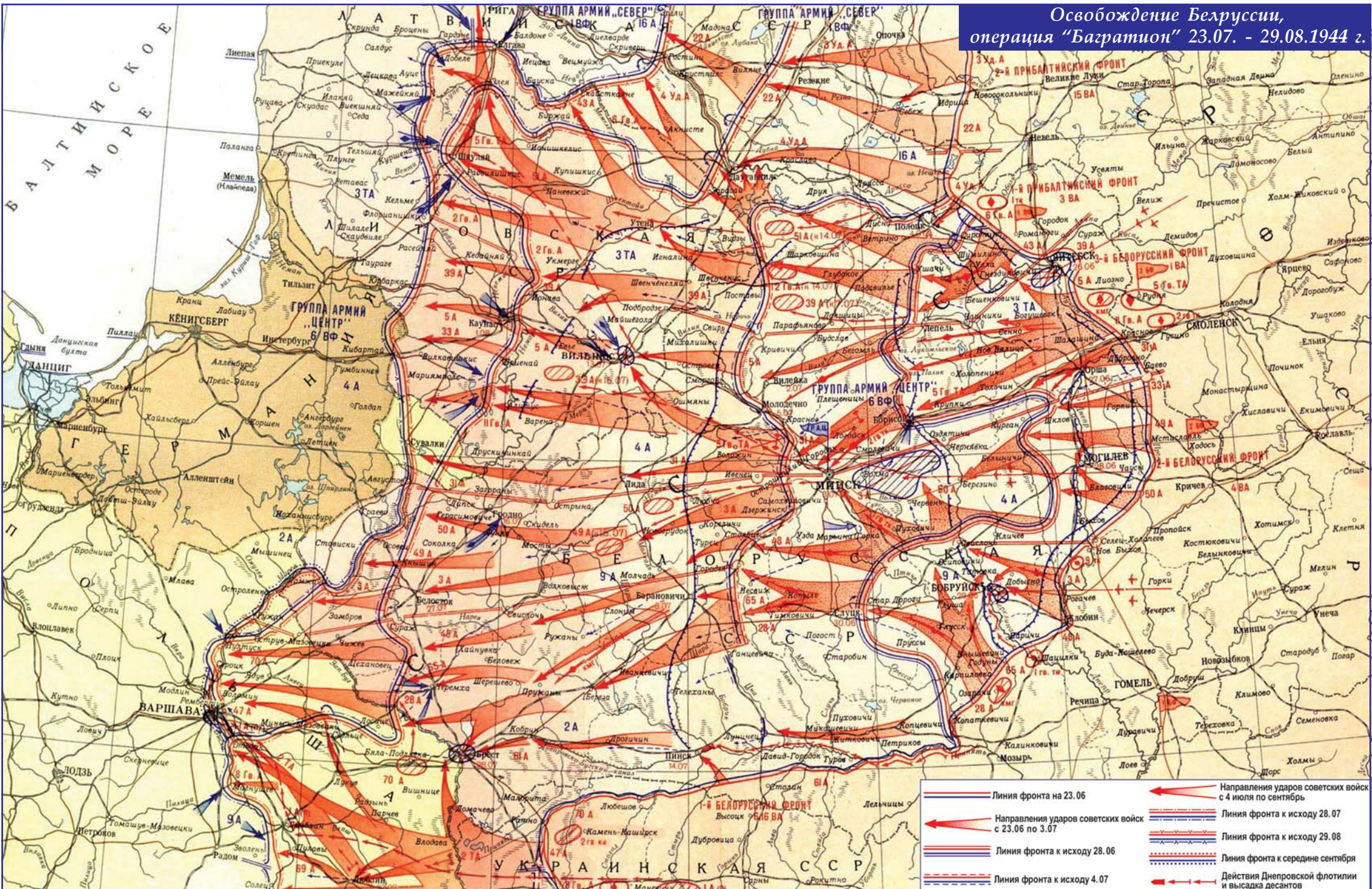
К июню сорок четвертого большая часть Белоруссии все еще была оккупирована. Лишь один из десяти областных центров - Гомель - находился в наших руках.

Если на Украине зимой и весной этого года Красной Армии удалось добиться серии впечатляющих успехов (была освобождена почти вся территория республики, вермахт понес тяжелые потери в цепочке "котлов"), то при попытке прорваться в направлении Минска зимой 1943-1944 годов успехи, напротив, были достаточно скромными.

К июню 1944 года линия фронта на востоке подошла к рубежу Витебск - Орша - Могилев - Жлобин, образовав огромный выступ - клин площадью около 250 тыс. кв. км, обращенный вглубь СССР. Здесь, на территории Белоруссии, располагалась глубокоэшелонированная оборона немецкой группы армий "Центр" или так называемый "Белорусский балкон", удержанию которого гитлеровцы уделяли большое значение. В пределах этого выступа гитлеровцы сконцентрировали наиболее сильную группировку своих войск численностью 1,3 млн. человек, 9500 орудий и минометов, 900 танков и артиллерийских установок, 1350 самолетов. Созданную в Беларуси глубокоэшелонированную систему обороны, которая прикрывала главные стратегические направления, гитлеровцы называли "Фатерлянд" или "отечество". Тем самым враг показывал, что здесь немецкая армия отстаивает рубежи самой Германии.

После обсуждения, состоявшегося в конце апреля 1944 года в Ставке Верховного Главнокомандования, именно на "Белорусский балкон" было решено обрушиться всей мощью

Освобождение Белоруссии, операция "Багратион" 23.07. - 29.08.1944 г.

- Линия фронта на 23.06
- Направления ударов советских войск с 23.06 по 3.07
- Линия фронта к исходу 28.06
- Линия фронта к исходу 4.07
- Направления ударов советских войск с 4 июля по сентябрь
- Линия фронта к исходу 28.07
- Линия фронта к исходу 29.08
- Линия фронта к середине сентября
- Действия Днепровской флотилии и высадка десантов

войск РККА. Операция по освобождению Белоруссии, одна из крупнейших военных операций за всю историю человечества, получила кодовое название "Багратион".

Прибывший в начале июня в Рославль 7-й гвардейский штурмовой авиаполк немедленно начал подготовку к предстоящим боям.

Техники с утра до ночи возились на машинах, колдовали над моторами, латали плоскости, перетягивали перкаль на хвостах.

Летчики в импровизированных классах занимались штурманской подготовкой, совершенствовали свои знания по тактике, изучали по картам район предстоящих боевых действий. Вводили в строй прибывших молодых летчиков.

Бывший командующий 4-й воздушной армией маршал Вершинин вспоминал о подготовке к Белорусской операции: "Из 1-й воздушной армии к нам прибыли три авиационные дивизии... Нам стало известно, что 309-я иад на 60% была укомплектована молодыми летчиками, прибывшими из школ. 22 человека из них закончили летную программу только на самолете По-2 и на боевом самолете не летали вовсе. Не лучше обстояло дело и в 233-й ШАД. В ее составе насчитывалось 32 молодых летчика. В обеих дивизиях личный состав имел длительный перерыв в боевых действиях".

Поэтому постоянно летали на слаживание звеньев и эскадрилий. Наиболее опытные пилоты вылетали на разведку противника. В общем, обычные фронтовые будни в период затишья между боями.

В ночь на 23 июня 1944 года полку объявили боевую готовность. В темном небе стоял непрерывный гул: это пошли "на работу" ночные бомбардировщики По-2. Вскоре на западе замерцали далекие отблески осветительных бомб, оттуда доносилось глухое громохание.

2-й Белорусский фронт перешел в наступление.

Летчики 230-й Кубанской дивизии до самого вечера непрерывно кружили и пикировали за передним краем вражеской обороны. Группа за группой шли на запад к Могилеву, подавляли огонь артиллерийских батарей противника, штурмовали выдвигавшиеся из глубины колонны войск, задерживали их на дорогах, жгли машины и танки, рассеивали пехоту.

В этот день Константин Аверьянов повел шестерку Илов на штурмовку танковой колонны под Сусловкой.

Поднялись, построились пеленгом двух троек и повернули на запад.

Внизу блеснула изгибом речка Проня. А вот и Сусловка.

Снизились, прошлись над передним краем. Внизу все сверкало и полыхало, густые клубы дыма и пыли застилали землю и все, что на ней творилось.

- Ага, вот они! - разглядел Константин двигавшуюся вдоль проселка стаю из десятка "тигров".

- Атакуем! - понеслась в эфир команда и "горбачи", как один, легли на боевой курс.

Проутюжили разок, ударив по танкам эрэсами и засыпав их ПТАБами (противотанковыми авиабомбами). К небу сразу потянулись черные дымные шлейфы от горящих вражеских машин.

Аверьянов уже собирался второй раз пройти по "тиграм", когда увидел, как внизу из перелеска выползла четверка самоходных артустановок "фердинанд" и ударила по нашим Т-34, выходящим на юго-восточную окраину Сусловки.

Атака штурмовиков Ил-2. Художник А. Жирнов.

Выстрел, второй, третий... И вот уже задымила одна подбитая "тридцатьчетверка", следом загорелась вторая.

Решение созрело мгновенно. Энергично повернув машину в сторону "фердинандов", Константин со снижением ринулся в атаку.

- Все за мной! - последовала команда остальным штурмовикам.

Словно смерч Илы пронесли над фашистскими самоходками.

- Фр-р-р-х, фр-р-р-х - сорвались с подвески эрэсы и, оставляя сизый след, понеслись к цели.

Разворот... И еще раз.

- Т-р-р-р-х, т-р-р-р-х, - нутужно задрожал Ил: на консолях, полыхнув пламенем, дробно загрохотали пушки. Из под крыльев фонтаном брызнули стреляные гильзы и пушечные очереди плотным пучком огненных пунктиров потянулись к дымящимся на земле "фердинандам".

- Нормально накрыли! - прокомментировал из своей кабины Женька Рысев, наблюдавший, что делают идущие следом штурмовики, - Горят, как миленькие!

Аверьянов собрался было вернуться к "тиграм", но на развороте успел заметить, как вокруг уцелевших после первой штурмовки вражеских танков начали густо пучиться черно-пыльные протуберанцы взрывов - это наши артиллеристы перенесли сюда огонь своих орудий.

- Отлично, пушки их точно вконец раздолбят, - успокоился Константин.

Теперь все. Можно ложиться на обратный курс. Да и стрелять-то уже было нечем: все, что оставалось на подвесках и в боеукладках, досталось "фердинандам".

Кстати, об этом эпизоде упомянул в своих мемуарах маршал Вершинин, отметив: "В условиях быстро меняющейся обстановки важное значение приобретала тактическая грамотность и инициатива ведущих групп. Иногда ведущему группы приходилось выбирать самому цели для удара. Ведущий определял, какие цели представляют наибольшую опасность для наших войск в данное время. ... Аверьянов правильно решил, что в данный момент "фердинанды" и противотанковые средства врага представляют для наших войск большую опасность. Ата-

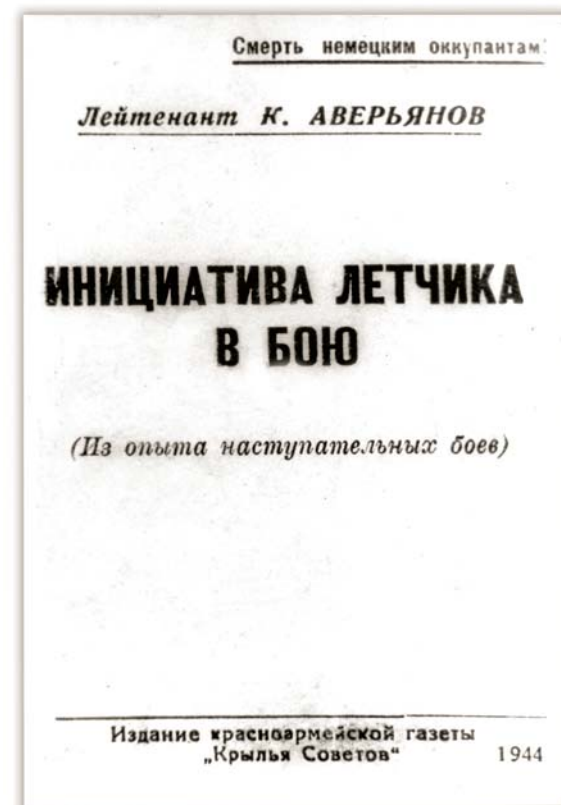
ка группы Аверьянова сорвала намерение противника - наши танки и пехота овладели важным опорным пунктом".

Своим боевым опытом Константин поделился со всеми летчиками 4-ой Воздушной армии в брошюре "Инициатива летчика в бою" (Из опыта наступательных боев)", изданной в типографии армейской газеты. К этому времени счет боевых вылетов у Аверьянова перевалил за сотню. И выход в свет такой брошюры свидетельствовал о признании летного мастерства и авторитета Аверьянова, а также и об уважении к двадцатидвухлетнему ветерану. К сожалению, кроме снимка обложки этой книжки ни в каких архивах больше ничего нет. Поэтому остается лишь догадываться, о чем таком особенном писал Костя. Но надо полагать, его соображения и выводы наверняка сослужили добрую службу не одному летчику - штурмовику.

Части 2-го Белорусского фронта в результате ожесточенных кровопролитных боев прорвали оборону противника в широкой полосе. Вал советского наступления покати на запад, сметая на своем пути оборонительные порядки гитлеровцев.

26-27 июня войска 2-го Белорусского вышли на восточный берег Днепра, форсировали его и к 28 июня освободили города Могилев, Шклов и Быхов.

Брошюра К. Аверьянова "Инициатива летчика в бою" (Из опыта наступательных боев)", август 1944 г.

Летчики 7-го гвардейского ордена Ленина Севастопольского штурмового авиаполка. Второй слева во втором ряду - штурман полка гвардии старший лейтенант Аверьянов, в первом ряду в центре - командир 230 шад генерал-майор С. Гетьман. Белоруссия, август 1944 г.

3 июля Советские войска освободили от немцев Минск. Окруженная крупная немецкая группировка была уничтожена 11 июля. Бои вошли в историю Второй Мировой войны как "Минский котел".

Главные силы 2-го Белорусского фронта, наступавшие на Волковыск и Белосток 14 июля заняли Волковыск. Тесня противника на запад, они после двухдневных ожесточенных боев 27 июля штурмом овладели городом Белосток - крупным промышленным центром, важным железнодорожным узлом и мощным укрепленным районом, прикрывавшим пути к Варшаве.

В своей сводке Совинформбюро сообщало: "Советские штурмовики, оказывая поддержку с воздуха наземным частям Красной Армии, наносят непрерывные удары по врагу. На железнодорожной станции Н. наша воздушная разведка выявила колонну отступающих войск противника. Тотчас же к цели были направлены штурмовики офицера Хашпера. "Ильюшины" направились к станции тремя группами пос-

Штурмовики летят строем "пеленг пар" на выполнение боевого задания. Фото Вдовенко Б.Е., 1944 г.

ледовательно. Их повели летчики Остапенко, Юрков и Демаков. Внезапно появившись над путями, советские летчики с хода произвели бомбовый удар, затем открыли сильный пулеметно-пушечный огонь.

В результате меткого удара летчики уничтожили до 700 вражеских солдат и офицеров. Однако к вечеру этого же дня противник снова попытался оттянуть со станции технику и остатки своих частей.

На бомбежку вторично вылетел со своей группой гвардии капитан Юрков. Несмотря на интенсивный огонь зенитной артиллерии, штурмовики снова нанесли мощный удар по станции. Они повредили выходные стрелки пути и разбили 13 вагонов из готовившегося к отправке эшелона. Работа станции была дезорганизована. Немцы были вынуждены оставить здесь много боевого имущества и боеприпасов".

За это время кроме ожесточенных воздушных сражений в жизни Константина Аверьянова произошло, наверное, самое главное событие: 24 июля командир полка подписал представление на присвоение гвардии лейтенанту Аверьянову звания Герой Советского Союза.

Вх. 03396
29.11.44
825
АВС КРАСНОЙ АРМИИ 76
Одобрено
Вх. № 1884
1944

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
ГЕРОЯ
Союза

Фамилия, имя и отчество - АВЕРЬЯНОВ Константин Антонович.
Военное звание - гвардии лейтенант.
Должность, часть - Заместитель командира, он же штурман авиационной эскадрильи 7 гвардейского штурмового авиационного Севастопольского ордена Ленина полка.

Представляется к присвоению звания "ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА".

1. Год рождения - 1922 г.
2. Национальность - Русский.
3. Партийность - член ВКП/б/ с 1943г.
4. Участие в боях - В Отечественной войне участвует с марта-43г.
5. Имеет ли ранения и контузии - не имеет.
6. С какого времени в Красной Армии - с 1940 года.
7. Каким РК призван - Кадр.
8. Чем ранее награжден: орден КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ - пр. 230 ШАД 025/Н 21.8.43г., орден КРАСНОГО ЗНАМЕНИ - пр. 4 ВА 083/Н 25.10.43г., орден ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I СТЕПЕНИ - пр. 4 ВА 0102/Н 29.12.43г., орден КРАСНОГО ЗНАМЕНИ - пр. 4 ВА 024/Н 15.6.44 года.

9. Постоянный домашний

=====

1. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО Боевого ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ.

Гвардии лейтенант АВЕРЬЯНОВ один из самых смелых и отважных летчиков полка, мастер метких ударов по точечным целям, передовых позиций врага.

Придя в полк младшим командиром, рядовым летчиком, тов. Аверьянов благодаря своим замечательным боевым качествам вырос до лейтенанта - штурмана эскадрильи. За это время совершил 117 успешных боевых вылетов на самолете ИЛ-2, из них на разгром "глубокой линии" /Таманский полуостров/ 20, на штурмовку врага в течение года в гор. Севастополе 16 и 29 вылетов на разгром бегущего врага из Советской Белоруссии.

За все свои вылеты тов. Аверьянов уничтожил и повредил: танков - 19, самолетов на земле 5, автомашин свыше 60, участвовал в разгроме 7 п. д. эшелонов, потопил в группе 5 барж, 2 катера, подавил лично огонь не менее 25 артиллерийских орудий, подорвал 11 разных складов и много другой техники, истребил до 600 вражеских солдат и офицеров.

Работая командиром звена тов. Аверьянов у летчиков постоянно воспитывал стойкость, мужество, упорство в бою. Он всегда добивался в каждом вылете нанести максимальный урон врагу не считаясь ни с какой опасностью.

6.11.43г. в группе 6 самолетов ИЛ-2, тов. Аверьянов летал на подавление артиллерийских и минометных батарей противника в р-не Ахтанизовская на горе Цимбал. Будучи замыкающим в группе он один принял перенацеливание и острым взлом разведчика обнаружил тщательно замаскированные артиллерийские и минометные батареи врага одерживавшие продвижение наших войск.

Наградной лист с представлением
гвардии лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича к присвоению
звания Герой Советского Союза

83
77

Тов. Аверьянов снизился до брешоты и самостоятельно метким огнем и бомбами подавил огонь батарей, чем содействовал нашим войскам овладеть станицей Ахтанизовская. Представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковник АНТОНОВ наблюдавший боевую работу товарища Аверьянова с земли, прислал в полк телеграмму: "Наиболее смело и героически действовал замыкающий группы гвардии младший лейтенант Аверьянов и воздушный стрелок, гвардии младший сержант Дрыжов. За смелость и отвагу проявленные экипажем при выполнении боевого задания - объявляю БЛАГОДАРНОСТЬ, а на гвардии младшего лейтенанта Аверьянова представить наградной материал".

Много раз тов. Аверьянов летал на разведку переднего края противника, отлично выполнял боевое задание передавая ценные разведданные.

12.12.43г. в паре тов. Аверьянов летал на разведку скопления противника в р-не Керчь. Появление разведчиков враг встретил сильным зенитным огнем и скоро напарник был подбит, вынужденно сел на нашей территории. Одиночно тов. Аверьянов продолжал выполнять задание, умело маневрируя в зоне зенитного огня. Только благодаря упорству и отваге, тов. Аверьянов добыл ценные данные о сосредоточении танков, замаскированных артиллерийских позициях и ДОТ'ах в р-не Керчи.

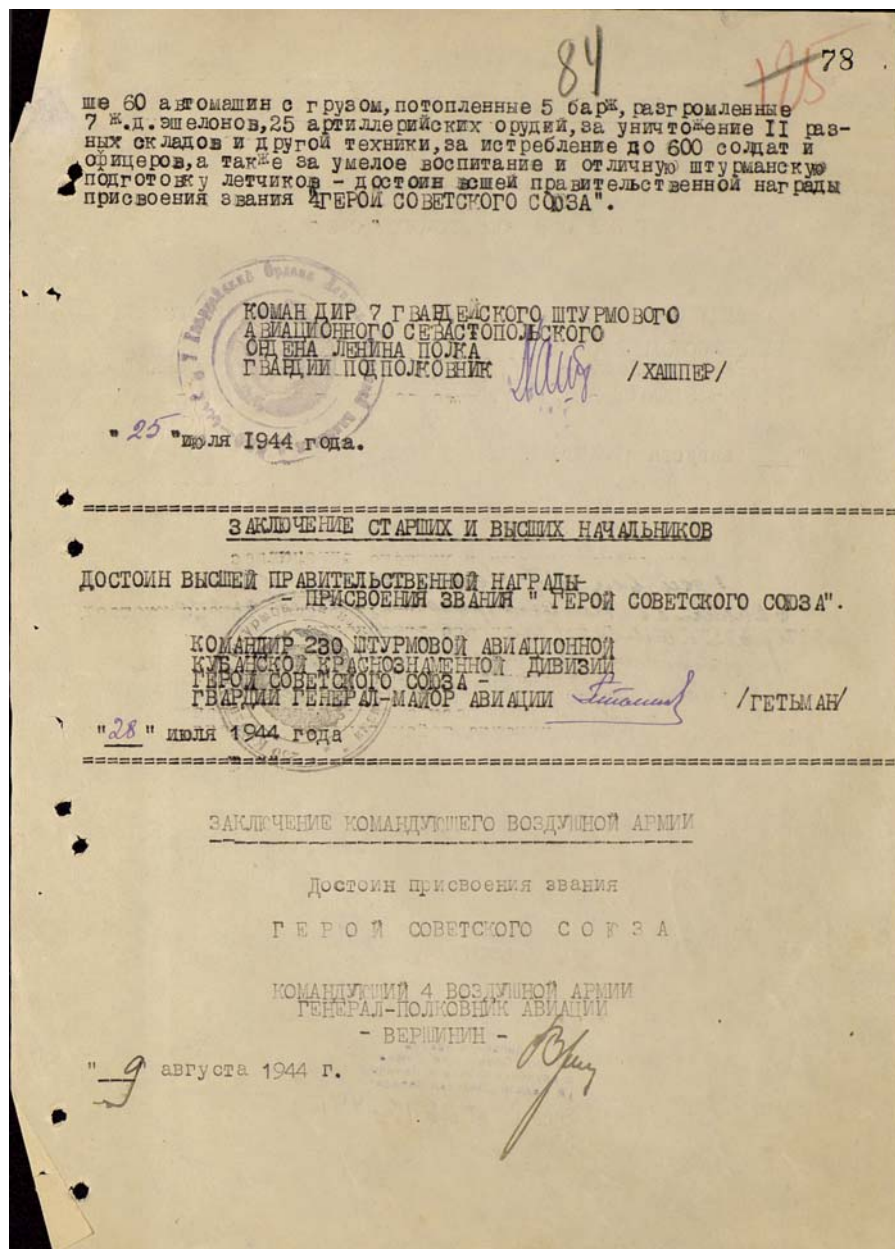
9.5.44г. тов. Аверьянов в группе 7 самолетов водил звено на уничтожение транспортов противника на мысе Херсонес /р-н Севастополя/. В эту группу немцы встретили сильным зенитным огнем, была опасность, что вражеские истребители поднимутся с Херсонесской косы. Аверьянов принимает дерзкое решение - зайти с моря со стороны солнца, подойти на высоте 1200 метров и со снижением, чтобы создать запас скорости обмануть зенитные расчеты врага, по пути обстрелять пулеметно-пушечным огнем аэродром врага разогнав прислугу, а основной бомбовый удар обрушить на транспорты, стоявшие на погрузке. Расчет полностью удался. Без потерь группа потопила крупный транспорт груженный техникой и солдатами врага.

26.6.44г. водил группу 4 самолета на штурмовку автоколонн немцев отступающих по дороге на Сухари. На первом заходе группа удачно бомбовым ударом поразила танки и автомашины, подожгла 3 автомашины и повредила 2 танка. Затем товарищ Аверьянов заметил, что нашим танкам преграждает путь противотанковая артиллерия немцев, замаскированная на опушке леса у деревни Ходнев. Тов. Аверьянов смело атакует противотанковую батарею, с первого захода метким пушечно-пулеметным огнем разогнал расчеты, а делая повторные заходы не дал возможности продолжать огонь немецким артиллеристам и наши танки без потерь ворвались в деревню, разгромив вражескую арт. батарею.

Как штурман эскадрильи, гвардии лейтенант Аверьянов систематически работает над штурманской подготовкой летчиков, обеспечивая точные выходы на цель, исключая потерю ориентировки, учит метким ударам по врагу.

За совершенные 117 успешных боевых вылетов на самолете ИЛ-2, за уничтоженные и поврежденные 19 танков, 5 самолетов, счи-

Наградной лист (стр. 2) с представлением
гвардии лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича к присвоению
звания Герой Советского Союза

Наградной лист (стр. 3) с представлением
гвардии лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича к присвоению
звания Герой Советского Союза

К сожалению, это представление на Костю было последним, которое подписал первый Костин комполка Х.Я. Хашпер: участвовавшие приступы малярии привели к тому, что в начале августа 44-го Хаима Янкелевича списали с летной работы и перевели в тыл. В сентябре того же года кавалер двух орденов Красного Знамени подполковник Хашпер был назначен начальником военной кафедры Уфимского авиационного институт имени Серго Орджоникидзе, которую он возглавлял вплоть до увольнения в запас.

Новым же командиром полка стал подполковник И. Баутин. Придет время, и он вместе с командиром 230-й штурмовой авиадивизии генерал-майором С. Гетьманом сыграет роковую роль в судьбе Константина Аверьянова.

За два месяца непрерывных боев в Белоруссии наши войска продвинулись на запад почти на 600 километров. 2-й Белорусский фронт перешел границу Польши, захватил севернее Варшавы плацдарм на реке Нарев и вплотную подошел к Восточной Пруссии.

Стремительное наступление наших соединений заставляло авиацию также стремительно менять аэродромы. 7 гвардейский штурмовой авиаполк всего лишь неделю отлетав с Дорогой, перебазировался в Тумановку. Не успели толком обжиться, как опять перелет - теперь на Днепр, севернее Старого Быхова. Прошло несколько дней - перелетели через Березину и расположились у Гангуты. Потом - Мир, Скидель.

А 18 августа, в День ВВС погиб капитан Александр Юрков. Погиб совершенно нелепо.

Вот что рассказал об этом Василий Емельяненко.

- Юрков летел во главе первого звена, за которым сзади пристроилась вторая четверка.

Погода в этот день была как для воздушного парада: безоблачно, видимость отличная. ... В небе ни единого разрыва зениток, ни одного "мессера". Несколько наших истребителей сопровождения уже выскочили вперед для "расчистки воздуха". Там нечего было и расчищать, но так уж задумано - истребители действовали по заранее разработанному плану.

Юрков повел свою четверку в атаку. Штурмовики одновременно нацелились в землю. Из люков ведущего отделились "сотки" (стокилограммовые авиабомбы), и тут же самолет разнесло в куски.

Летчики 7-го гвардейского ордена Ленина Севастопольского штурмового авиаполка. Третий справа во первом ряду - штурман полка Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Аверьянов. Белоруссия, декабрь 1944 г.

Причина взрыва самолета Юркова оставалась загадкой. Подобные случаи бывали и в других полках нашей дивизии, применявших "сотки". Тогда многие летчики отказывались брать стокилограммовые бомбы, предпочитали им любые другие калибры.

Приезжало дивизионное начальство. На первых порах устроили разнос тем, кто "распускал слухи", будто самолет подорвался на своих бомбах. Больше всех досталось Ивану Чернецу, который хорошо видел произошедшую над целью катастрофу и первым высказал свое предположение. Кончилась вся эта история тем, что разбиравшаяся в причинах катастрофы специальная комиссия забраковала партию бомбовзрывателей.

После гибели Юркова на должность штурмана полка назначили Костю Аверьянова.

КУРОРТНЫЕ МУКИ И БОЛЬШИЕ РАДОСТИ

Пусть и связанное с трагическими обстоятельствами, новое назначение окрылило Аверьянова: иной масштаб, совершенно другие возможности, но и особая ответственность. Что ни говори, а пройти за год с небольшим путь от рядового летчика до заместителя командира авиаполка, от сержанта до подполковничьей должности - карьера молниеносная. Плюс ко всему совсем незадолго до этого Константинову присвоили очередное воинское звание старший лейтенант.

Однако сразу окунуться в штурманские хлопоты не удалось. В 20-х числах августа Аверьянова отправили на... курорт.

Дело в том, что в августе 1944 года приказом командующего 4-й Воздушной армии генерал-полковника К. Вершинина в Кисловодске и Нальчике были организованы санатории для летно-технического состава армии. Командарму Вершини-

Константин Аверьянов со своими друзьями, летчиками 7-го ГШАП.

ну было не понаслышке известно, насколько измотаны люди, и физически, и морально, после череды нескончаемых боев сорок третьего и сорок четвертого. Потому и было принято решение предоставлять летчикам и авиатехникам отпуска и направлять их для лечения и реабилитации в организованные санатории.

Медкомиссии, постоянно работавшие в частях армии, выявляли нуждающихся в санаторном лечении, или, как их называли, "доходных", а затем отправляли их в тыл. В число таких "доходных" и попал Константин Аверьянов вместе со своим другом Андреем Лиманским. Поручив Болтика заботам капитана Ивана Мальцева, Аверьянов отправился лечиться и отдыхать.

Вот что рассказал об этом Андрей Лиманский.

- Нас на самолете отправили в город Кисловодск.

В первые дни пребывания в санатории мы чувствовали себя не в своих санях. Непривычную тишину и спокойствие, всестороннюю заботу врачей и обслуживающего персонала мы воспринимали с какими-то странными, отрицательными эмоциями. Мы настолько втянулись и привыкли у фронтовой жизни, что все наше лечение и отдых не шли впровод. Мы не могли смириться с тем, что мы здесь блаженствуем, а там, где-то вдалеке полыхает пожар войны, льется кровь наших боевых соратников.

Несколько дней нас мучили эти мысли. А на шестые сутки мы с Костей пошли к начальнику санатория и попросили отпустить нас на три недели раньше.

Полковник медицинской службы, выслушав нашу просьбу, молча, стал осматривать нас с ног до головы. Потом вышел из-за стола, подошел к нам и громко скомандовал: "Кру - гом!" Мы повернулись к нему спиной. Ну, думаю, все - завтра будем на фронте. Но команды "Марш!" почему-то не последовало. Полковник легонько оттянул воротник моей гимнастерки и свободно просунул туда свою могучую ладонь. Такую же мерку он снял и с Константина. Потом повернул нас лицом к себе и сказал: "Отправляю вас на фронт только тогда, когда ваши тощие шеи заполнят пустоту в воротниках. А сейчас приказываю - побольше нажимайте на харчи, лечение и хороший отдых!" Положив нам на плечи свои руки, полковник добро-

душно, ласково по-отечески проводил нас к выходу и пожелал приятного отдыха.

Время в санатории тянулось мучительно долго. До обеда мы были заняты всякого рода процедурами. А после обеда отправлялись в горы, устраивали для себя тир и отрабатывали меткость стрельбы из личного оружия - пистолетов ТТ.

В меткости стрельбы Константин всегда выходил победителем. На дистанции 25 метров он свободно попадал в вертикально воткнутый в землю карандаш.

Возвращались с прогулки, принимались за чистку оружия. После ужина уходили в кино, а после отбоя подолгу читали художественную литературу.

Однажды я увидел на тумбочке Константина черный пакет. Кости в комнате не было, он раньше вернулся из нарзанной галереи и, не дождавшись меня, ушел в бильярдную. Когда

К. Аверьянов (второй слева во втором ряду) среди делегатов Всеармейского совещания от 2-го Белорусского фронта в Ворошиловограде, октябрь 1944 г. Справа от него - однокашница Константина по Энгельскому летному училищу командир звена 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка, будущий Герой Советского Союза Ирина Себрова.

я развернул пакет, то в нем оказалось несколько переснятых и увеличенных фотоснимков Болтика.

Один из лучших снимков Болтика стоял на Костиной тумбочке до самого нашего отъезда на фронт. Находясь в санатории, он очень скучал по своему четвероногому другу.

И трудно было описать словами радость Константина и ликование Болтика при их встрече после долгой разлуки.

В часть вернулись в конце сентября. Полк базировался на аэродроме недалеко от белорусского поселка Высокий Мазовец, в пятидесяти километрах от польской границы.

Уже начались затяжные осенние дожди. А войска все еще вели бои по расширению и закреплению плацдарма на Нареве, отражая контратаки противника.

24 октября штурмовикам надо было подавить артиллерию в районе Черноств.

Первую группу повел Аверьянов, а следом за ней пошла четверка Виктора Горячева.

*Костя Аверьянов и Болтик,
24 октября 1944 г. Снимок
фронтового фоторепортера
Вячеслава Шаровского.*

Вспоминает Василий Емельяненко:

- Только взлетели последние штурмовики, на аэродроме появились корреспонденты "Фронтальной правды" Борис Бялик и Слава Шаровский.

- Опять кого-нибудь "допрашивать"? - спросили их. - Нет, нет! Только поздравить и сфотографировать.

- С чем же поздравлять?

- С новыми Героями!

Вездесущие газетчики узнали об Указе, который еще не был даже подписан (Указ Президиума Верховного Совета СССР был подписан 26 октября 1944 г.), но которого давно все ждали. Героями Советского Союза стали сразу семь летчиков: Константин

Аверьянов, Владимир Демидов, Петр Кривень, Борис Левин, Иван Мальцев. Виктор Горячев и Николай Седненков.

Крепкожимали руки тем, кто еще не успел улететь на боевое задание. Шаровский без конца щелкал "лейкой" и готовился запечатлеть необычные кадры на самолетной стоянке. Он, конечно же, сфотографировал и Аверьянова вместе с Болтиком.

Но это было потом. А пока один за другим шли на посадку штурмовики, но Виктора Горячева среди них не было...

Выяснилось, что при выходе из второй атаки самолет ведущего второй группы был внезапно атакован снизу двумя "мессершмиттами". Его штурмовик резко взмыл, потом перешел в крутое пикирование и взорвался при ударе о землю. Но кто-то из летчиков заметил раскрывшийся на малой высоте купол парашюта. Кто же успел покинуть самолет: Горячев или его воздушный стрелок Малышев? Через несколько дней стало ясно, что погиб именно Горячев - в полк каким-то чудом после долгих скитаний во вражеском тылу вернулся Малышев.

В тот же день, 24 октября, командующий 4-й Воздушной армией подписал приказ о награждении гвардии старшего лейтенанта Аверьянова орденом Красное Знамя. Правда, награждение это было связано с небольшим казусом.

Дело в том, что Константина Аверьянова представляли к ордену Александра Невского. Подписанное командиром полка И. Баутиным представление завизировал командир 230 ШАД генерал Гетьман. Однако в штабе армии решили, что подвиги Аверьянова достойны более высокой по статуту награды. В итоге, Константин получил третий орден Красного Знамени. Естественно, это его совсем не огорчило. Костя давно мечтал стать полным кавалером этого ордена. Так что для осуществления мечты остался лишь один шаг - заслужить четвертый орден.

Через неделю Константин вместе со своими друзьями, новоиспеченными Героями Советского Союза, вылетел в Москву. Там в Большом кремлевском дворце "всесоюзный староста" председатель Президиума Верховного Совета Михаил Иванович Калинин вручил ему золотую звезду Героя за номером № 4528 и орден Ленина. Вечером после банкета все отправились в Большой театр, смотрели и слушали "Пиковую даму" П.И. Чайковского.

НАГРАДНОЕ ЛИСТ.

Семья, имя и отчество - Аверьянов Константин Антонович
 Военное звание - гвардии старший лейтенант
 Должность, часть - заместитель командира, он же штурман авиа-
 эскадрильи 7 гвардейского штурмового авиационного Севастопольского ордена Ленина полка.

Представляется к ордену АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО.

1. Год рождения - 1923г.
2. Национальность - русский.
3. Партийность - член ВКП/б/ с 1943г.
4. Участие в боях - в Отечественной войне участвует с марта 1943г.
5. Имеет ли ранения и контузии - не имеет.
6. С какого времени в Красной Армии - с 1940г.
7. Каким Р.К. призван - Кав.
8. Чем ранее награжден: орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ - пр. 30.11.43 г. № 025/Н 21.3.43г., орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ - пр. 4.04.44 г. № 25.10.43г., орденом ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I СТЕПЕНИ - пр. 4.04.02/Н 33.12.43г. и орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ - пр. 4.04.02/Н 15.6.44г.
9. Постоянный домашний адрес:

КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ Личного боевого подвига или заслуг.

За время участия в Отечественной войне произвел 147 успешных боевых вылетов на самолете ИЛ-2, из них выполнил 97 вылетов, вошел группы от 4 до 20 самолетов.

За совершенные 117 боевых вылетов на ИЛ-2 награжден орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ, ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I СТЕПЕНИ, двумя орденами КРАСНОГО ЗНАМЕНИ и представлен к званию "Герой Советского Союза". После этого тов. Аверьянов совершил еще 30 успешных боевых вылетов.

Тов. Аверьянов один из самых смелых, отважных не только летчиков, но и ведущих в полку, мастер летных боевых и штурмовых ударов по точечным целям передовых позиций врага.

Придя в полк младшим командиром, районным летчиком, благодаря своим замечательным боевым качествам, вырос до старшего лейтенанта, заместителя командира и штурмана авиаэскадрильи и завоевал славу отличного ведущего групп штурмовиков. Неоднократно, еще находясь над целью, за свое мастерство, смелость и отвагу от командования дивизии, армии и сухопутных войск получал благодарности и красноречиво спасибо за уничтожение техники и живой силы противника. За эту свою боевую работу, за 147 боевых вылетов, тов. Аверьянов уничтожил: 23 танка, 6 самолетов на земле, 85 автомашин, 7 м.д. эшелонов, потопил в составе группы 5 барж, 2 катера, до 40 орудий полевой и зенитной артиллерии, подорвал 11 разных складов и много другой техники, истребил свыше 300 немецких солдат и офицеров. Очень редкие случаи, когда тов. Аверьянов прицелился на свою точку без благодарности от высшего командования за отличную работу, а это значит, что ни один удар по врагу не пропал даром, что своими точным полетом он наносил ошутимые удары немецким захватчикам.

Как штурман АД отлично подготовил свой летный состав в области навигации, в результате чего ни одного случая блуждания или потери ориентировки не было.

Наградной лист с представлением
 гвардии лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича
 к награждению орденом Александра Невского

4.9.44г. в составе 6 самолетов тов. Аверьянов получил задание нанести удар по отходящим частям противника, в районе станции Отраднен.

При подходе к станции с выжиданием со стороны наведения "ШАР-7". Получив утвердительный ответбить заданную цель, несмотря на плохую видимость, точно вывел группу на цель, обнаружил м.д. эшелон до 40 крытых вагонов и 10 платформ на станции.

Не выжидая на сильный заградительный огонь, маневрируя, перестроил группу в замкнутый круг с разворота под углом 300° к эшелону по-самолетно с 500-метровой высоты нанес удар в 19 час. 32 мин. бомбовым ударом по эшелону. Гудучи на Н=300 метров, по дороге у пункта Заросле, обнаружил до 12 автомашин, атаковал и их обстрелял снарядами, РСХБ, РС и пушечно-пулеметным огнем, произведя еще 2 захвата, протурмовал автомашину и м.д. эшелон. Это же звено его группы обнаружило батарею ЗА в роще сав. зап. Заросле. С высоты 300 метров бомбовым ударом заставило ее замолчать.

В результате удара группой уничтожено: 2 автомашины, 4 вагоны, остальной состав подожжен, м.д. полотно взорвано, 1 батарея ЗА и до 20 солдат и офицеров.

12.9.44г. группа в составе 4 самолетов ИЛ-2 получила задачу от станции наведения "ШАР-7" в районе Новотруд уничтожить танки и автомашины отходящего противника. Хорошо прозотрез цель, делая один холостой захват, тов. Аверьянов заметил 2 танка, 6 автомашин, более 15 п.д. и до роты солдат. Произведя захват со стороны солнца с высоты 600 метров нанес удар. Произведя еще 2 захвата, протурмовал надленную цель, полностью израсходовав боеприпасы группа организованно ушла от цели.

В результате удара уничтожен 1 танк, 3 автомашины, разбито 4 подвода с грузом, убито 6 лошадей и до 40 солдат и офицеров противника.

За совершенные 30 боевых вылетов на самолете ИЛ-2, проявленное при этом мужество, героизм и смелость, за образцовую работу по вождению групп, чем достигалось выполнение боевых заданий командования, тов. Аверьянов достоин правительственной награды - ордена АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО.

КОМАНДР 7 ГВАРДЕЙСКОГО ШТУРМОВОГО
 АВИАЦИОННОГО СЕВАСТОПОЛЬСКОГО
 ОРДЕНА ЛЕНИНА ПОЛКА
 ГАВРИЛ ИО. ПОЛОЖИЛ ИБЕИДИН/АУТИН/

3 октября 1944г.

Достоин правительственной награды

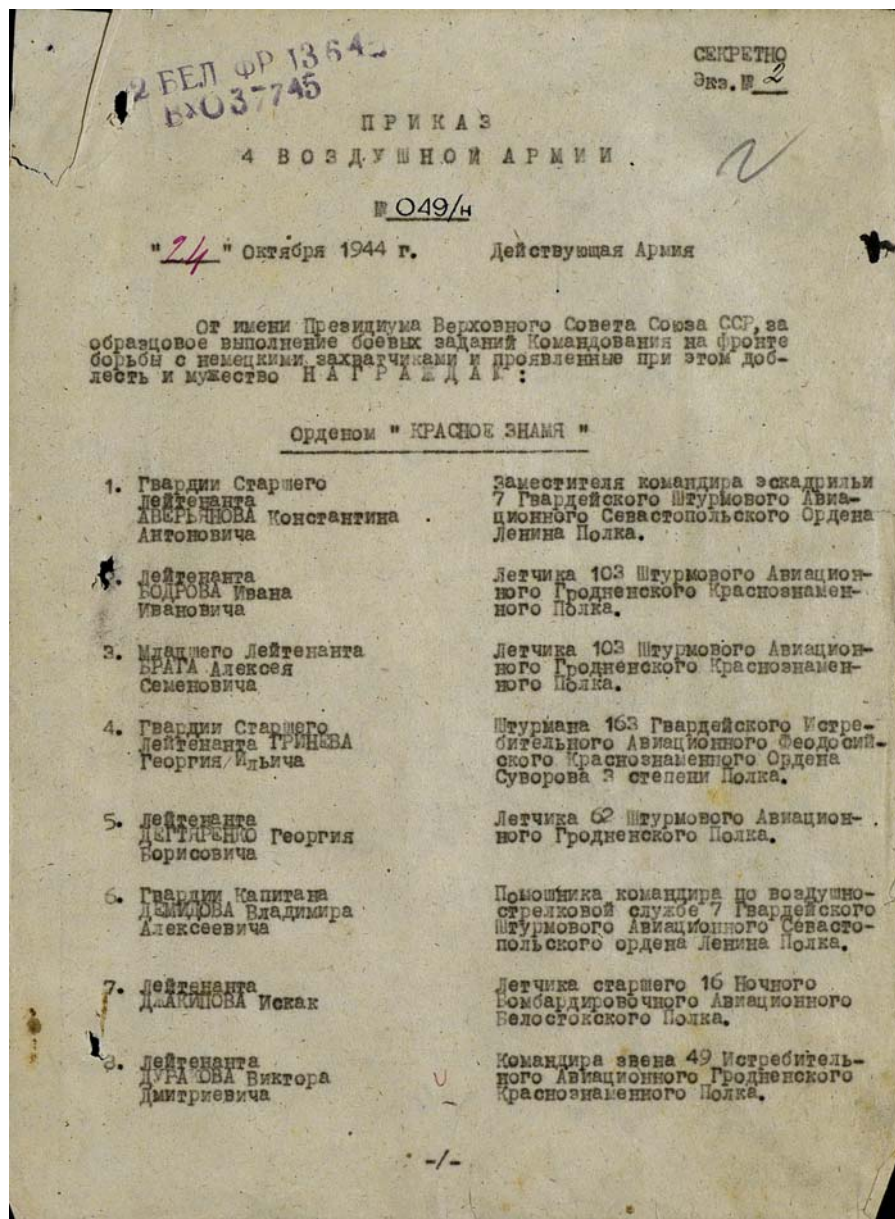
Обществен. Александров Невский

КОМАНДИР 230 ШАККОР СД
 ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
 ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-МАJOR АВИАЦИИ
 ГЕТЬМАН/И

9 октября 1944г.

ПРИКАЗОМ
 № 045/н от 24.10
 1944 года награжден орденом
 "ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
 ВОЙНЫ I СТЕПЕНИ"
 СТ. ПОМ. НАЧ. 2 СД ОК 4 БА
 КАПИТАН А.С. ПРИКОПОВ

Наградной лист (оборот) с представлением
 гвардии лейтенанта Аверьянова Константина Антоновича
 к награждению орденом Александра Невского

Фрагмент приказа по 4 Воздушной армии о награждении гвардии лейтенанта Аверьянова третьим орденом "Красное Знамя"

Награды
Героя Советского Союза
гвардии капитана
Константина Аверьянова

Медаль
"Золотая звезда"

Орден Ленина

Три ордена "Красное Знамя"

Орден
"Отечественная война"
I-й степени

Орден
"Красная Звезда"

Медаль
"За оборону
Кавказа"

Медаль
"За взятие
Кенигсберга"

С О Ю З
С О В Е Т С К И Х
С О Ц И А Л И -
С Т И Ч Е С К И Х
Р Е С П У Б Л И К

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

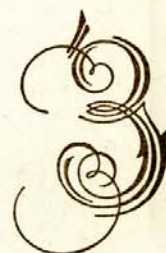
Москва—Кремль, 24 ноября 1944 г.

№ 6218

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ПРЕЗИДІЯ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
ПРЕЗІДІУМ ВЯРХОВНАГО СОВЕТА ССРС
ССРИ ВАШ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМУ
სსსრ ჯანაყიბის უმაღლესი საბჭოს პრეზიდიუმი
SSSR JOKAR' SOVETININ' PREZIDIUM'Y
СССР ОЛИЙ СОВЕТИНИНГ ПРЕЗИДИУМИ
ПРЕЗИДИУМИ СОВЕТИ ОЛИИ СССР
SSSR UL' SOVETJNJN' PREZIDIUM'Y
SSSR ČOČORQU SOVETININ' PREZIDIUMU
SNTLN' KORKEIMMAN NEUVOSTON PUHEMIEHISTO
ПРЕЗИДИУМУ СОВЕТУЛУЙ СУПРЕМ А УНИУНИЙ РСС
TSRS AUKSCIAUSIOSIOS TARVOS PREZIDIUMAS
PSRS AUGSTAKAS PADOMES PREZIDIJS
NSVL ŪLEMNOUKOCU PRESIDIUM

ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ГОВ. *Аверьянову*
Константину Антоновичу

В АШ ГЕРОЙСКИЙ ПОДВИГ, проявленный при выполнении
боевых заданий Командования на фронте борьбы с немец-
кими захватчиками,

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
СВОИМ УКАЗОМ от 26 октября 1944 г. ПРИСВОИЛ ВАМ
ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Большая Грамота Герою Советского Союза,
врученная Константину Аверьянову вместе
с медалью "Золотая звезда" и орденом Ленина

Герой Советского Союза гвардий старший лейтенант К.А. Аверьянов после вручения ему медали Золотая звезда и ордена Ленина, Москва, ноябрь 1944 г.

В театре, а тем более, в Большом, Константин оказался впервые. Богатое убранство зала, огромная сцена, постоянная смена света, живое, захватывающее дух, звучание оркестра и, конечно же, чарующие голоса Надежды Обуховой, Валерии Барсовой и Никандра Ханаева просто потрясли молодого летчика. Ничего такого в своей жизни он не видел, даже не мог себе представить.

На следующий день рано утром Аверьянов отправился в Дмитров.

Последний раз Константин приезжал в родной город почти два года назад. Подъезжая к Дмитрову, отметил про себя, что в Яхроме поубавилось развалин домов, разбитых в ноябрьских боях сорок первого года. Городок потихоньку подни-

мался из руин. В самом Дмитрове почти ничего не изменилось.

Путь со станции по осенним дмитровским улицам оказался совсем недолгим. Вот он, с детства знакомый барак с навесом над крыльцом. Несколько шагов по длинному коридору и дверь родительской комнаты. Навстречу, крича от радости, бросились сестры и мать.

Особенно рада была Аня - ведь она так ждала его еще вечером. И ожидание было вознаграждено - Константин подарил ей коробочку из-под Золотой звезды, красную, обитую изнутри бархатом. А потом они гуляли по городу...

Побыл дома Костя совсем не долго - сразу же побежал навещать друзей. Вернулся поздно вечером.

Портрет Константина Аверьянова, выполненный его однополчанином. Белоруссия, декабрь 1944 г.

А уже на следующий день уехал в Москву, а еще через сутки уже был в своем полку.

Стоит, правда, отметить, что буквально через три месяца Аверьяновы, наконец-то, переехали из барака в новую комнату на Комсомольской улице. Ее им выделили им как семье Героя Советского Союза. А до них в этой комнате жил какой-то полковник.

САНЯ, САНЕЧКА

В ноябре 1944 года на 2-ом Белорусском фронте произошли серьезные кадровые перестановки. 17 ноября в связи с назначением маршала Г.К. Жукова командующим 1-м Белорусским фронтом, бывший командующий маршал К.К. Рокоссовский был назначен командующим 2-м Белорусским фронтом.

А незадолго до этого в 112-ю отдельную роту связи 230-й штурмовой авиационной дивизии на должность радиста наземной станции наведения ШАР-7 была назначена семнадцатилетняя сержант Александра Капунова.

Младший сержант Александра Капунова, Белоруссия, 1944 г.

На фронт сочинская комсомолка Сашенька Капунова стремилась попасть давно. И только приписав в анкете к своему возрасту год, сумела поступить в школу радистов. После трехмесячного обучения, наконец, оказалась в действующей армии.

В чем суть работы радиста наземной станции наведения самолетов?

Все очень просто: по заявке командования вылезает на передний край, притаив с двумя бойцами неподъемную рацию. Развертывает

Ленд-лизовская радиостанция SCR-284, которую использовали авианаводчики на переднем крае.

бардировщики Пе-2), попав или под зенитный огонь, или под атаку "мессеров", начинали гореть, факелами падая на землю, либо чадно дымя, пытались уйти в свой тыл. Тогда от безысходности хотелось просто кричать.

Потом все-таки освоилась.

В последние два месяца сорок четвертого заканчивалась подготовка к проведению Восточно-Прусской операции. Согласно плану этой операции 2-й Белорусский фронт маршала К. К. Рокоссовского должен был нанести два мощных удара в северо-западном направлении, чтобы разгромить противника в Северной Польше, отсечь и уничтожить крупную группировку в Восточной Пруссии.

Однако гитлеровцы с фанатичным упорством наносили удары по Наревскому плацдарму, непрерывно атаковали, пытались сбросить наши войска с плацдарма. Вдобавок ко всему, вконец испортившаяся погода очень затрудняла действия авиации: туман, метели...

В те дни командующий фронтом маршал Рокоссовский потребовал от командира дивизии генерала Гетьмана "проталки-

ее. Находишь авианаводчика от нужного полка и потом транслируешь его команды выходящим в район боевых действий штурмовикам, бомберам или истребителям.

Поначалу было страшно. Особенно, если попадешь под минометный, либо артиллерийский огонь фрицев. Тогда приходилось полным ртом глотать землю или вязкую пыль, забиваясь от свистящих осколков в траншеи или окопы.

Но самым страшным было видеть, как тобой наведенные на цель Илы или "пешки" (пикирующие бом-

вать" хоть по одному штурмовику, чтобы помочь отбить контратаки и удержать плацдарм. Посылали одиночек, самых опытных летчиков.

В один из этих дней в сильнейший снегопад Константин Аверьянов вылетел на своем ИЛ-2 на разведку вражеских позиций. Густые серые облака лежали почти на самых верхушках деревьев. Горизонтальная видимость была не более 500 метров.

- Что я там увижу в такую метель? - идя на взлет, подумал Костя, - Кабы самому не заблудиться. А еще и садиться как-то надо...

- Высота две тысячи, ложусь на курс 260.

- Принято, - звонким девичьим голосом отозвался узел связи: в эфире со штурмовиком работала сержант Капунова.

Выйдя в заданный район, Аверьянов нашел небольшой разрыв в облачности и пошел вниз. Вывалившись из облаков, разглядел на земле в снежной дымке очертания вражеских позиций. Снизившись так, что стало видно копошащихся людей, Константин дважды прошелся над головами ошеломленных гитлеровцев.

Заработали фотопулеметы.

Итак, дело сделано, можно уходить.

- Задание выполнил, возвращаюсь, - Аверьянов развернул машину и быстро ушел в облака.

Назад долетел без приключений. Правда, садиться пришлось практически вслепую. Но и здесь все обошлось - не в

Командующий 2-м Белорусским фронтом
Маршал Советского Союза
К.К. Рокоссовский, фото 1945 г.

первый раз, опыт таких взлетов и посадок у Константина был солидный.

С техником извлекли кассету с отснятой пленкой и бегом - в штаб полка.

- Как слетал? - встретил Аверьянова начальник штаба подполковник Василий Гудименко.

- Нормально.

- А что ж ты наведенцам не доложил о возвращении?

- Да как-то не додумал, торопился... - остоленел Костя.

- А мне тут все телефоны пообрывали! Ты представляешь, что сейчас там творится? - насутился Василий Тарасович, - Бондаренко же из девчонок сейчас души вытряхивает!

- ...?

- Немедленно бери командирский "виллис" и лети в дивизию на узел связи. Успокой как-нибудь Бондаренко и перед девчонками извинись.

Возражать Гудименко, старшему и по возрасту, и опыту, Аверьянов не стал и кинулся к машине.

Примчавшись на узел связи, Константин сразу понял, какую кашу он заварил: по расположению метался командир роты связи капитан Бондаренко и, не выбирая выражений, отчитывал совсем юную радистку.

- Капунова, что за ... ? Как это нет связи! Что значит - не отвечает? Упустила? Ну не ожидал от тебя! Ты же лучшая наша слушачка!.. - ярился ротный, - Ты хотя бы понимаешь, кого ты упустила?! Это же, не абы кто, а Герой Советского Союза!

- Ну ты, старлей, даешь! - совсем рассвирепел капитан, увидев вошедшего Аверьянова, - Кто так делает?

- Ну извини, Максимыч, как-то закрутился... - попытался успокоить разбушевавшегося командира роты Костя.

- А-а, да ну тебя.., - досадно сплюнул Бондаренко и, громыхнув дверью, выскочил из аппаратной.

Проводив его взглядом, Константин обернулся к радистке и попросту остоленел: совсем юная, с осиной талией, затянутой ремнем, круглолицая девчушка окинула его таким взглядом покрасневших от слез глаз, что Косте стало не по себе.

- Вы мальчишка! Несерьезный человек! - не давая Косте и рта открыть, звонко чеканила Саша, - Как так можно! Это же война!

- Товарищ сержант, что вы себе позволяете! Перед вами же офицер... - не совсем уверенно (вернее, совсем неуверенно) попытался он прервать гневную тираду. Куда там!

- Какой Вы офицер?! Вы мальчишка! - воскликнула Александра и снова расплакалась.

Вернулся в полк Константин уже затемно. Войдя в расположение летного состава, сразу же направился к своей кровати и, не раздеваясь, улегся на спину. Закинув одну руку за голову, другой поглаживая радостно скулящего рядом Болтика, он задумчиво глядел в потолок и время от времени счастливо улыбался, вспоминая разгневанную симпатичную связистку.

- Саня, Санечка... - нежной мелодией звучало в голове.

Долго не могла уснуть в этот вечер и Саша. Из души никак не уходил этот щеголеватый голубоглазый летчик. Обиды уже не было никакой. Наоборот, ей даже стало жалко его. Более того, она начала укорять себя за то, что так резко с ним поговорила.

Все, кто знал Костю, в один голос утверждали, что он никогда не был обделен женским вниманием. Стройный, всегда подтянутый, в сшитом на заказ и, как влитой сидевшем на нем, темно синем коверкотовом мундире, он постоянно привлекал к себе чьи-то восторженные взгляды. Пышный темно русский чуб, показавший налево выпущенный из-под заливчатски заломленной набекрень фуражки, роскошный ряд орденов с золотой звездой на груди - все это заставляло трепетать не одно девичье сердце.

Но сердцеedom и, тем более, ловеласом Константин не был. Бурных романов не заводил, со всеми своими знакомыми противоположного пола держался по-приятельски дружелюбно. Не более того.

Но эта встреча напрочь изменила все в его душе. Почему-то непрестанно тянуло к этой девчушке-радистке. Теперь он уже не упускал ни малейшего повода, чтобы навестить на узел связи и хотя бы просто увидеть Санечку. Костины сослуживцы, видя, как он зачастил к связистам, сделали однозначный вывод, прямо как в песне: "Наш Костя, кажется, влюбился..."

Но кто бы и что бы ни говорил, а Новый 1945-й год Александра и Константин встречали вместе.

ДАЕШЬ НОВЫЙ ШТУРМОВИК!

14 января 1945 года войска 2-го Белорусского фронта перешли в наступление на млавском направлении и, преодолевая упорное сопротивление противника, к исходу 15 января прорвали главную полосу его обороны, и 19 января овладели Млавой. К этому времени войска левого крыла фронта вышли на подступы к Плоньску и освободили Модлин.

С утра 19 января войска центра и левого крыла Второго Белорусского при поддержке авиации перешли к преследованию противника, глубоко охватывая правое крыло его восточно-прусской группировки. Под угрозой окружения немецко-фашистские войска в ночь на 22 января стали отходить из района Мазурских озер в северо-западном направлении.

25 января подвижные соединения фронта, обойдя с востока Эльбинг, вышли к заливу Фришес Хафф и перерезали основные сухопутные коммуникации группы армий "Центр".

10 февраля войска центра и левого крыла 2-го Белорусского фронта начали наступление с плацдарма на реке Висла, севернее Быдгоща, в общем направлении на Штеттин. В трудных условиях распутицы и лесисто-озерной местности, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, опиравшегося на глубоко эшелонированную оборону, они к исходу 19 февраля продвинулись на 40-60 км, но были остановлены на рубеже Гнев, Хойнице, Ратцебур.

В войсках Рокоссовского началась перегруппировка сил для разгрома 30 дивизий противника в Восточной Померании.

Новое наступление наших войск было назначено на 24 февраля.

А накануне в 7-м гвардейском штурмовом авиационном полку отметили 27-ю годовщину Красной Армии. Вечер получился вдвойне торжественным: зачитали Указ о присвоении звания Героя Советского Союза еще пяти летчикам: Владимиру Кабанову, Ивану Остапенко, Александру Плешакову, Михаилу Шатову и Ивану Чернецу. А Константину Аверьянову вручили новенькие погоны капитана.

По всем тогдашним правилам Константину вместе с погонями должны были бы вручить и вторую золотую звезду Героя: к этому времени у него уже было 176 боевых влетов, что являлось основанием для представления ко второму званию. Будь бы в это время на месте командира полка Х.Я. Хашпер, можно не сомневаться - Аверьянов непременно стал бы дважды Героем Советского Союза. Но командиром был И. Баутин. А он по непонятным причинам представлять Аверьянова не стал.

Кстати, орден Красного Знамени, полученный Костей в октябре сорок четвертого, стал его последней боевой наградой. Не взирая ни на что, ни на какие подвиги, его больше не награждали.

Об этом и многом другом расскажем позже.

Константин Аверьянов и летчики 7 гвардейского штурмового авиаполка на отдыхе в г. Нальчик, весна 1945 г.

Естественно, по традиции, звездочки "обмыли" и очень даже неплохо. Правда, никогда не куривший Костя, вынужден был сидеть в компании своих боевых друзей, постоянно щурясь от едкого махорочного дыма. (Пилоты обычно меняли у техников папиросы, выдаваемые с пайком, на махорку: папиросой за один раз не накуришься, а в полете не до перекуров). Принимая поздравления, Аверьянов, смешно морщась, выпивал за каждую звездочку, по привычке запивая водку принесенным из столовой компотом.

- Получено распоряжение готовиться к отправке в тыл для переучивания на новые штурмовики Ил-10! - пронеслось по полку на следующий день.

- Вот это да! Успеем еще повоевать на новых машинах! - радовались летчики и воздушные стрелки.

- Интересно, что это за аппарат? - строили догадки авиатехники.

На переучивание было решено отправить сто пять летчиков, стрелков и техников, отобранных из полка для освоения нового самолета. Начались сборы в долгий и дальний путь...

В последний перед отъездом вечер Костя забежал к Саше. Долго сидели перед натопленной печкой-буржуйкой, разговаривали обо всем и ни о чем.

- Ты, Саня, только не грусти. Через месяц мы вернемся, - накидывая меховую летную куртку, напутствовал Сашу на прощание Костя. - Главное, береги себя, на передний край без нужды не лезь.

Ранним утром следующего дня на аэродром под Алленштайном (ныне - польский Олыштын), где последнее время базировался полк, прибыла колонна грузовиков. На них предстояло почти триста километров добираться до Белостока. Только там можно было грузиться в эшелон, чтобы двигаться дальше по железной дороге.

Все, кто оставался в полку, вышли провожать отъезжающих.

Саша тоже пришла, чтобы проводить Константина. Они долго стояли возле урчащего "студебекера" и молча, смотрели друг другу в глаза. Рядом вертелся неугомонный Болтик, не понимая, отчего так грустен сегодня его хозяин.

- По машинам! - прозвучала команда.

Закинув на спину вещмешок и подхватив Болтика, Аверьянов забрался в кузов грузовика. Помахал Сане на прощание

рукой и лапой Болтика. Через пять минут колонна, попыхи-вая дымками выхлопов, потянулась на восток.

Ни Костя, ни Саша не могли тогда предположить, что эта разлука затянется на долгих полгода.

Три сотни верст до Белостока преодолели за двое суток, изрядно промерзнув в продуваемых сырым мартовским ветром кузовах.

Потом погрузились в эшелон и тронулись дальше. Время в пути тянулось медленно. Эшелон тяготно тянулся по опустошенной Белоруссии, подолгу простаивая в тупиках, пропуская идущие на запад эшелоны с техникой и людьми. Минск, Гомель, Брянск, Орел, Тула, Рязань, Моршанск и, наконец, на девятые сутки, станция Каменка-Белинская, что в 70 километрах от Пензы.

Эти места были знакомы Аверьянову, что называется, до боли. Ведь именно здесь на аэродроме 10-го запасного авиаполка начиналась его летная служба. Именно отсюда он восемь месяцев перегонял на прифронтовые аэродромы полученные в Куйбышеве Илы. Мог ли тогда Костя представить себе, что через два года он опять окажется здесь, будучи уже матерым асом, Героем Советского Союза.

Именно в этом полку ему предстояло теперь осваивать новый штурмовик.

Стоит несколько слов сказать непосредственно о самом штурмовике Ил-10.

Ил-10 - штурмовик, созданный в 1944 году в КБ Ильюшина путем глубокой модернизации самолета Ил-2. Первый полет состоялся 18 апреля 1944 года. Его отличие от Ил-2 состояло в том, что в бронеотсек (бронекорпус) была полностью включена кабина воздушного стрелка. Увеличена толщина брони капота двигателя снизу и с боков. Калибр оборонительного вооружения был увеличен с 12,7 мм до 20 мм.

Ил-10 имел много преимуществ перед своим предшественником. Цельнометаллическая конструкция штурмовика упрощала уход и увеличивала срок его службы. Этому способствовало применение потайной клепки и качественная окраска машины. Удобные эксплуатационные люки обеспечивали хороший подход к трубопроводам, агрегатам и деталям управления. Ил-10 был более скоростным и маневренным, чем Ил-2. Максимальная скорость у земли самолета Ил-10 ранних серий была 500 - 505 км/ч, а это позволяло вести эффективную борьбу с самолетами люфтваффе и уклоняться от огня зениток.

При этом многие специалисты отмечали и многие недостатки нового штурмовика.

Главный из них - невысокая надежность мотора АМ-42. Эти моторы с трудом запускались, а иногда и вовсе не могли заводиться, имели плохую приемистость на малом газу, часто глохли даже в воздухе. Именно эта особенность АМ-42 станет фатальной для Константина Аверьянова.

К переучиванию на новый самолет пилоты и техники 7-го гвардейского приступили на третий день после выгрузки из эшелона.

Согласно программе на изучение матчасти и сдачу зачетов отводилось 7 дней для летного состава, 12 дней - для технического и 4 дня - для воздушных стрелков. В Куйбышеве техническому составу отводилось два дня на изучение АМ-42 на заводе № 24 и три - на сам Ил-10 на заводах №1 и №18. Летному составу предоставлялось три дня для изучения матчасти, только на одном из самолетостроительных заводов.

Летная часть программы переучивания включала в себя:

- один полет на проверку техники пилотирования,
- 8 контрольно-проезных на УИл-2 и 6 самостоятельных

полетов на Ил-2 (взлет, полет по кругу и посадка),

- 10 самостоятельных полетов по кругу на Ил-10,

- один полет на полигон для стрельбы и бомбометания по наземной цели,

- один полет по маршруту в составе пары с бомбометанием и стрельбой на полигоне,

- один полет на бомбометание и стрельбу в составе звена,

- два полета по маршруту в составе шестерки с заходом на полигон в боевом порядке "пеленг", после бомбометания - оборонительный круг. В общей сложности программа переучивания предусматривала 17 полетов на Ил-10 с налетом 5 ч 30 мин на каждого пилота.

Но через неделю после начала занятий в полку случилось ЧП - под трибунал угодил Иван Чернец.

Днем раньше он вместе с Кабановым, Остапенко, Плешаковым и Шатовым вернулся из Москвы, где им вручили звезды Героев Советского Союза.

На радостях выпили. Никто так и не понял, что случилось потом, но согласно данным уголовного дела, Чернец, будучи в нетрезвом состоянии, изнасиловал несовершеннолетнюю жительницу села Каменка-Белинская Пензенской области. Было ли изнасилование в реальности или его не было - однозначный вывод из материалов уголовного дела сделать трудно. В полку, во всяком случае, в это не верил никто. Причиной случившегося могло стать что угодно - ошибка, приведшая к преступлению, фронтовая усталость, банальная человеческая зависть по отношению к заслуженному и принципиальному фронтовику.

Немаловажная деталь: в то время Героям Советского Союза положено было отдавать честь всем, независимо от во-

Герой Советского Союза
гвардии капитан
К.А. Аверьянов, апрель 1945г.

Герой Советского Союза
Иван Арсентьевич Чернец,
фото 1944 г.

Герой Советского Союза, писатель
Иван Арсентьевич Арсентьев
(Чернец), фото 1982 г.

инского звания и ведомственной принадлежности. Даже крутые СМЕРШевцы, скрепя сердце, первыми козыряли обладателю золотой звезды Героя, будь он хоть простым солдатом. Естественно многим это не нравилось, особенно в тылу. Наверное, кто-то из прокурорских решил проявить сверхпринципиальность и устроить показательную расправу над героем.

28 мая 1945 года трибуналом Приволжского военного округа Иван Чернец был осужден на 5 лет лишения свободы в исправительно-трудовом лагере.

А 4 июля 1947 года (больше, чем через два года!) его еще и лишили звания Героя Советского Союза.

Свой срок наказания он отбыл полностью. Сумел выжить в "сучьих войнах", когда в кровавых схватках сходились блатари - законники и бывшие фронтовики.

Не только выжил, но и остался ЧЕЛОВЕКОМ.

После отбытия срока наказания жил в Куйбышеве, затем переехал в Москву. Стал известным писателем Иваном Арсентьевым, лауреатом премии имени А. А. Фадеева.

И все время боролся за свое доброе имя.

И добился того, что 30 декабря 1967 года ему вернули бое-

вые ордена и звезду Героя Советского Союза № 5322, пролежавшие все эти годы в кремлевском хранилище.

Здесь, в Каменке - Белинской, Константин повстречал своего старого школьного друга Бориса Быкова.

Константин Аверьянов со своим школьным другом Борисом Быковым,
Москва, май 1945 г.

Борис попал в 10-й запасной авиаполк из восточного Казахстана, где все четыре военных года служил летчиком-инструктором в учебном авиационном полку.

Аверьянов необычайно обрадовался этой встрече.

- Давай, переходи к нам. Гвардейцем станешь. А то война уже кончается - повоевать не успеешь, - убеждал Костя Быкова. - Если что, я помогу. И помог, как помог ему в свое время Василий Емельяненко, добился того, чтобы лейтенанта Быкова перевели в 7-й гвардейский штурмовой авиаполк.

В апреле переучивание на ИЛ-10 было закончено. Получили новенькие штурмовики. 20 апреля полк взял курс на запад.

Надо было успеть на фронт.

Приземлились на аэродроме в подмосковной Щербинке для дозаправки.

Но дальше лететь уже не пришлось...

ПОБЕДА

Прямо на взлетную полосу выкатили несколько эмок (автомобилей М-1) с каким-то высоким начальством. Несколько минут начальство о чем-то совещалось с Баутиным и Гудименко.

- Седьмой гвардейский остается для участия в Первомайском воздушном параде над Красной площадью! - спустя некоторое время, прокатилось по экипажам.

Уже на следующий день начались тренировки на групповую слетанность. Ходили в таком строю, в каком на фронте летать не было нужды - в колонне девяток на сомкнутых интервалах и дистанциях. Потребовалось восемь таких девяток, да на каждую девятку еще два резервных самолета. Создали сводную па-

Группа участников Первомайского парада 1945 г. Слева направо: В. Малащенко, К. Аверьянов, И. Мальцев, М. Шатов, А. Плешаков.

радную дивизию из трех полков, успевших переучиться на Ил-10. Главным штурманом дивизии назначили Героя Советского Союза гвардии капитана Константина Аверьянова.

И в этом качестве Костя показал себя во всей красе.

Маршрут рассчитывался до метра, до секунды. На тренировках Аверьянов добивался идеального соблюдения интервалов и дистанций, заставляя пилотов выдерживать курс до сотой доли градуса. И добился. Секунда в секунду, в идеальном строю одна за другой девятки штурмовиков прошли над Красной площадью.

Из воспоминаний Василия Емельяненко.

- Первое мая выдалось солнечным. Летчики задолго до начала парада сидели в кабинах. Наконец - сигнал. Загудели двигатели. Взлет... Внизу проплыли все еще голые подмосковные рощи, серые полосы шоссе, дачные поселки. И там, в стороне, - прикрытая сизой пеленой Москва.

На Красную площадь вливались расцвеченные алыми стягами колонны. А небо над улицей Горького уже заполнено мощным гулом и поблескивающей в лучах солнца нескончаемой вереницей крылатых машин.

У летчиков не было времени взглянуть вниз. Их внимание было приковано к покачивающейся и будто "дышащей" консоли соседнего самолета, летевшего крыло в крыло.

9 мая полк подняли в 5 часов утра. Всех выстроили на площадке перед штабом.

- Чего подняли-то в такую рань? - недоумевали одни.

- Говорят, какое-то важное правительственное сообщение будет, - полусшепотом утверждали другие, многозначительно кивая на столб с раструбом громкоговорителя.

В таких раздумьях и предположениях пролетел почти час.

Неожиданно перед строем гвардейцев появился командир полка с замполитом.

- Равняйся! Смирно! Слушать всем! - пронеслась над строем команда.

Несколько мгновений, и над головами разнесся голос Юрия Левитана, зачитывавшего приказ Верховного Главнокомандующего:

- 8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной ка-

питуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской Флот!

*Летчики 7-го гвардейского штурмового авиаполка.
9 мая 1945 г., Константин Аверьянов - шестой слева.*

Что же началось, лишь только смолкли последние звуки трансляции!

Ура-а-а! - гулкий многоголосый крик понесся по сонным еще окрестностям Щербинки, заставляя дворовых псов закатываться в неистовом лае. Летчики, техники, стрелки, забыв о том, что находятся в строю, прыгали, обнимались, швыряли в воздух пилотки и фуражки. Все, конец войне! Победа!

Вечером Костя с Иваном Мальцевым и Мишей Шатовым устроили праздничный банкет. За Победу выпили неоднократно и обильно.

Потом решили устроить праздничный парад. Вышли с Болтиком на плац, нацепили ему на ошейник ожерелье из немецких крестов и продефилировали перед псом торжественным маршем. Было до колик в животе уморительно видеть, как замерший на задних лапах Болтик принимал этот импровизированный парад.

Правда, эта хмельная импровизация чуть было не вышла ребятам боком - на следующий день кто-то настучал начальству о вечерних строевых экзерсисах и связанном с ними отданием чести фашистским наградам. За такое запросто могли пришить политическую статью.

Но, слава Богу, обошлось.

С 12 мая начались тренировки к параду Победы, назначенному на 24 июня 1945 года. Увы, пролететь тогда над Красной площадью Константину Аверьянову так и не удалось - сильный дождь и низко висевшие над Москвой сплошные облака заставили организаторов парада отказаться от пролета авиации. По той же причине сорвался и воздушный парад на День ВВС 18 августа.

*Герой Советского Союза
Михаил Григорьевич Шатов*

До отлета полка из Щербинки оставалось около двух недель, когда Косте предоставили краткосрочный отпуск, и он немедленно отправился в Дмитров.

В родном доме прожил неделю. Отдыхал, отсыпался, изредка выходя в одиночку или с сестрами в город.

Как-то Аня затащила Константина на спортивный праздник, который проводился на стадионе "Динамо" (ныне - "Авангард").

Появление Аверьянова произвело на стадионе настоящий фурор. Люди, забыв о спортивной программе, обступили Костю. Каждый стремился пожать руку герою, поприветствовать его, поближе рассмотреть ордена и золотую звезду на его груди.

Александр Моложаеву, который был одним из организаторов мероприятия, с трудом удалось навести порядок и продолжить праздничное представление.

На стадионе в то время кроме двух футбольных ворот да беговой дорожки ничего не было: ни трибун, ни скамеек. Зрители просто стояли на своих двоих. Но в этот раз, откуда ни возьмись, появился стул. Костю принялись на него усаживать. Такое пристальное внимание и почтение смущало двадцатидвухлетнего парня, он долго сопротивлялся, отнекивался. Но, в конце концов, вынужден был согласиться и праздничные номера демонстрировал, сидя на стуле как самый почетный гость.

Семь дней пролетели быстро. Пришла пора возвращаться в часть.

На вокзале прощались с улыбками, с надеждой и уверенностью, что теперь-то все будет хорошо - войны нет, а впереди - прекрасная и счастливая жизнь.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ БУДНИ И НЕУРЯДИЦЫ

В начале сентября сорок пятого 7 гвардейский штурмовой авиаполк на новеньких Ил-10 поднялся с аэродрома в Щербинке и взял курс на Польшу, откуда еще в марте летчики полка прибыли на переучивание. За трое суток с промежуточными посадками на аэродромах подскока прилетели, наконец, на аэродром у небольшого городка Заган (ныне - Жагань) в Силезии, в сорока километрах от немецко-польской границы.

Еще 29 мая 1945 года Директивой Ставки Верховного Главнокомандования № 269 на базе 2-го Белорусского фронта на территории Польши была создана Северная группа войск. Первым командующим СГВ был назначен Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, до этого бывший командующим 2-м Белорусским фронтом. Штаб СГВ расположился в городе Лигниц (впоследствии - Легница).

Военно-воздушные силы были представлены соединениями и частями 4-й Воздушной армии, впоследствии (10.01.1949 г.) переименованной в 37-ю Воздушную армию.

Соответственно, 230-я штурмовая авиационная дивизия и входивший в ее состав 7 ГШАП базировались теперь на территории недавно созданной Польской Народной Республики. Здесь и предстояло служить штурману авиаполка гвардии капитану Аверьянову.

Самое главное - здесь он, наконец, опять встретился со своей Саней - Санечкой Капуновой. С этого дня они постоянно были рядом, благо управление дивизии теперь располагалось вблизи полка.

Константин Аверьянов
с другом у входа в столовую
летного состава,
Заган, ноябрь 1945 г.

Начали обустриваться: появились, пусть и временные, постройки, где расположились штаб и службы полка, заброшенное здание школы оборудовали под общежитие. В одной половине общежития поселились холостяки, причем на первом этаже - девушки из технических служб полка и связистки с дивизионного узла связи. Наверху - летчики. Вторую половину здания занимали семейные. Так что Костя и Саша стали соседями.

По мере того, как жизнь все больше входила в мирное русло, офицеры начали привозить в гарнизон свои семьи. В ноябре сорок пятого в Заган привез свою семью и старый Костин фронтовой друг, начальник штаба полка подполковник Василий Гудименко.

Вот что вспоминала о первой встрече с Аверьяновым жена Василия Тарасовича, Мария Давыдовна:

- Мы приехали в Польшу в ноябре 1945 года. Ехали в товарных вагонах, на соломе. Все везде разрушено, уцелевшие здания стояли без окон, без дверей. В Загане вышли из вагона. Нас встречали солдат и офицер с собачкой (это был Костя с Болтиком). Костя представился и со всеми познакомился. Мы приехали с Василием Тарасовичем с детьми - дочерью Асей, девяти лет, и сыном Аликом, семи лет. Дети, конечно, обрадовались, что дядя Костя - офицер, да еще с собачкой, да еще и Герой Советского Союза.

Как-то сразу Костя всем понравился, как-то сразу почувствовалась его душевность, доброта и ласка к чужим, казалось бы, людям.

Дети очень полюбили Костю. Сын наш, Алик, потом все дни бегал к дяде Косте, ходил за ним как тень. Я даже делала ему

замечания, чтобы не надоедал. Все мы Костю очень и очень любили, он был для нас как свой, как родной. У меня в войну погибли три брата - их расстреляли немцы. И мне казалось, что Костя был как брат...

Наверное, уже тогда Константин начал задумываться над тем, что жизнь - это не только любимый штурмовик, служба и преданный Болтик.

Поэтому, да и не только, в каждую свободную минуту он старался оказаться рядом с Сашей Капуновой.

Даже если бывало совсем не ко времени.

- После дежурства так хотелось спать, - много лет спустя рассказывала Костиной сестре Ане (к тому времени - Анне Антоновне Жидковой) Саша, Александра Федоровна Капунова. - Особенно дороги утренние часы, когда хочется еще хоть капельку понежиться в кровати и жаль отпускать прекрасный сон о мирной жизни, будто вовсе нет войны. А тут вдруг, почему-то свет, и стук в окно:

- Саня, солнце встает!

- Ну и пусть! - отвечаю я.

- Поднимайся, соня, посмотри, какая красота!

Встаю, выхожу, поеживаясь от утренней прохлады, на улицу, сажусь, еле сдерживая зевоту, на лавочку. Костя укрывает меня своим регланом и обнимает. Сидим, молчим, любимся рассветом.

Болтик никого к себе не подпускал и очень ревностно относился к тем, кто приходил к Косте. Не позволял он в отсутствие хозяина подходить и к его комнате.

Но однажды штурман полка капитан Аверьянов улетел в штаб дивизии.

В гарнизоне этот день был баннным: после обеда, с бельем и полотенцами под мышками, служивый народ потянулся к бане.

Болтик, лежа на крыльце общежития, грустным взглядом провожал это шествие по направлению к водным процедурам и чистоте.

Освободившись после службы, вечером Александра возвращалась в общежитие, когда увидела на крыльце тоскующего Болтика. Недовольно ворча, пес позволил ей пройти. Выходя обратно,

Константин Аверьянов и Болтик у здания общежития, Заган, октябрь 1945 г.

девушка уже прикидывала (а пес все-таки ревновал ее к Косте), куда бежать в случае, если Болтик кинется к ней. Но тот вдруг завилял хвостом, пропустил Сашу вперед и смиренно засеменял по тропке за ней. Заметив дымок над баней, девушка все поняла. По старой памяти, еще с Тамани, Болтик так любил эти банные дни. Когда в теплой воде Костя натирал его мыльной мочалкой, а псу оставалось лишь блаженно поднимать одну лапу за другой, фыркая от удовольствия. Высохнув, чистая шерсть, блестя, переливалась на солнце, а вид у Болтика был такой гордый и довольный, будто ему выдали, как минимум, килограмм копченой колбасы.

- С подружкой Катей мы нагрели воды, и пес спокойно принял этот жест, продиктованный доброй волей, - вспоминала Александра Федоровна. - Вернувшись, Костя несказанно удивился такому благоволению Болтика. А мы с тех пор стали с псом закадычными друзьями.

Зато Бориса Быкова Болтик невзлюбил насмерть. И не только из-за того, что, явившись в неурочный час, будил Константина. Видимо, умная псинка почувствовала что-то неладное.

С Быковым вообще начали происходить странные вещи. Казалось, что ему было просто неуютно находиться в компании Кости и его боевых друзей.

- Ну как же, у него, и у них вся грудь в орденах, золотые

звезды Героев, а у меня на гимнастерке сиротливо алеет один лишь гвардейский значок, - стучало в голове. - Я в аэроклубе был лучшим, училище закончил по полной программе, и до сих пор - лейтенант. А он выскочил из училища сержантом - недоучкой, а уже - капитан, заместитель командира полка. У него все получается: служба, девушка - красавица. А у меня...

И в душе пыльным сорняком начинали разрастаться досада и зависть. Наверное из-за этого он и срывался, начиная наговаривать Саше на Костю, мол, да у него таких, как, ты... И в то же самое время, нашептывая Константинову, дескать, не достойна она тебя.

Такое бывало со многими, кто не оказался в нужное время в нужном месте. Не вина, а беда Бориса заключалась в том, что он, будучи перспективным летчиком, все военные годы провел в глубоком тылу. Что, пережив войну, знал о ней лишь по сводкам Совинформбюро и потом по рассказам Кости и его фронтовых друзей.

Константин старался ни коим образом не наступать на эту болезную мозоль своего школьного друга, во всяком случае, никогда не пытался кичиться перед ним своими боевыми заслугами, да и друзьям - фронтовикам не позволял делать этого. Когда же Быков что-то говорил о Саше, Костя либо пропускал все мимо ушей, либо сразу же прекращал разговор. А если Саня начинала рассказывать о "дружеских" наветах Бориса, никогда не оправдывался, а просто успокаивал ее, мол, не обращай внимания, все перемелется - мука будет.

23 июня 1945 года был принят Закон СССР "О демобилизации старших возрастов личного состава Действующей Ар-

Борис Быков, 1949 г.

Командир 230 ШАД
генерал-майор С.Г. Гетьман

мии", следом - 25 сентября был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР "О демобилизации второй очереди личного состава Красной Армии". Согласно им из Вооруженных Сил СССР, которые к тому времени насчитывали более 11 млн. человек, предстояло уволить более 8 миллионов солдат и офицеров.

Далеко не для всех возвращение к мирной жизни было желанным. Если те, кто ушел на фронт от станка, "от сохи", имел мирную специальность, только рвались домой, тогда что было делать тем, кто кроме как воевать, больше ничего не умел?! Особенно болезненным этот процесс был для авиаторов, которых увольняли не про-

сто сотнями - целыми дивизиями. И если у летчиков военно-транспортной авиации работы на "гражданке" было вполне достаточно, то для тысяч истребителей, штурмовиков, бомбардировщиков, воздушных стрелков шансов обрести себя в мирном небе практически не было. Ведь кроме как летать, бомбить, стрелять, ни чему другому они научены не были.

Об этом часто задумывался Константин, понимал, что былые заслуги - не гарантия остаться в армии. Надо было идти учиться, получать высшее военное образование, расти в своей военной профессии. Задумывался и о семье. Вместе с Сашей строили планы, как бы выучиться, служить дальше, просто жить.

А вот с этим начали возникать проблемы. И связаны они были с непростыми взаимоотношениями Аверьянова с командиром полка Баутиним и комдивом Гетьманом.

Еще в Белоруссии Костя несколько раз сталкивался с тем, что, когда на совещаниях по планированию боевых действий в присутствии генерала Гетьмана он начинал высказывать свои варианты и соображения (причем весьма дельные), комдив достаточно грубо осаживал его, обращаясь к Баутину: "Вообще-то,

кто у тебя командует полком? Ты или этот старлей?"

Нельзя сказать, что Семен Гетьман невзлюбил именно Аверьянова. Он в свое время был прекрасным командиром полка. Именно он в сорок первом командовал 4-м штурмовым авиационным полком, который в сорок втором стал 7-м гвардейским.

18 мая 1942 года подполковник С. Г. Гетьман был назначен командиром 230-й штурмовой авиационной дивизии, которую возглавлял до самого конца войны и после нее. 22 февраля 1943 года С. Г. Гетьману было присвоено воинское звание полковник, а 1 июля 1944 года - генерал-майор авиации.

Но видимо, в какой-то момент генерал Гетьман почувствовал, что "засиделся" на дивизии, видя, как его ровесники к этому времени уже командовали авиакорпусами, воздушными армиями. Наверное, от этого он начал становиться нетерпимым, резким и грубым по отношению к людям неординарным, имеющим свое мнение, свой взгляд на вещи.

Что же касается подполковника Баутина, то ему, человеку с карьерными амбициями, злопамятному, такие начальственные окрики особой любви к Аверьянову не добавляли. Скорее, наоборот, он считал Костю выскочкой. Ну каково это - терпеть рядом с собой, в своих заместителях способного, "дикорастущего" офицера, да еще и Героя Советского Союза?

Хотя в 7-ом гвардейском авиаполку комэски, их заместители, штурманы эскадрилий сплошь были Героями Советского Союза. А от этого становилось еще неудобней.

Поэтому, когда в конце сорок пятого года Константин обратился к нему с рапортом о направлении его на учебу в Военно-воздушную академию, Баутин бумагу не подписал, мотивируя это тем, что для поступления в академию необходимо иметь законченное среднее образование. У Кости же за спиной была только девятилетка.

Правда, при этом командир полка почему-то забыл сказать (хотя знал), что при академии есть подготовительное отделение, где можно было экстерном сдать за десятилетку.

После Нового 1946 года стало еще тревожнее - расформировали 233 штурмовую авиадивизию. Кого-то уволили сразу, кого-то, причем, людей заслуженных, прислали в 230-ю дивизию и в седьмой гвардейский. Начались кадровые перестав-

новки. И Константина начали попросту "затирать".

Стали навязчиво предлагать перейти на должность командира эскадрильи, мол, сделаем из тебя настоящего командира, а подполковника ты и на эскадрилье получишь... Номинально, по штатному воинскому званию "подполковник" комэска и штурман полка - должности равнозначные. Но реально переход из заместителей командира полка в командиры эскадрильи был понижением в должности.

Конечно же, Константин на это не пошел. Еще раз по этому поводу хочется вспомнить Х.Я Хашпера... Будь бы в это время он командиром полка, наверняка бы Константин закончил академию. И, как знать, может быть, он стал бы большим военачальником. С его-то способностями, настойчивостью и целеустремленностью, он наверняка дослужился бы до генеральских лампасов или, как минимум до полковничьей папахи.

Но жизнь, увы, как и история, не имеет сослагательного наклонения...

Александра Капунова сразу же после демобилизации, 1946 г.

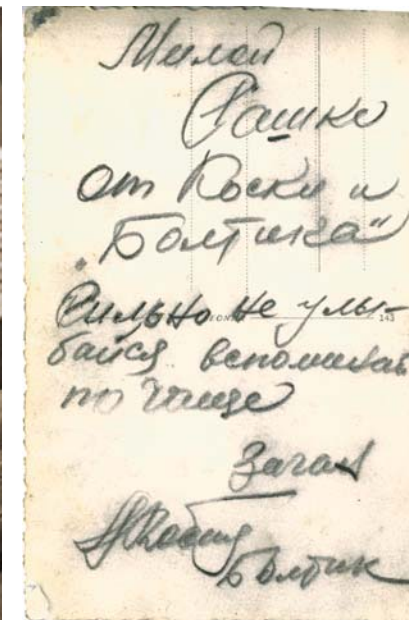

В апреле сорок шестого демобилизовали Сашу.

И хотя ей очень хотелось вернуться домой, все равно все случилось как-то неожиданно, не вовремя.

А для Кости Сашин отъезд просто стал ударом. Теперь оставалось лишь одно - ждать. Ждать отпуска, ждать возможности встретиться опять, Пожениться, в конце концов, и больше не разлучаться.

Вернувшись в Сочи, Александра устроилась радиотелефонисткой на метеостанции аэропорта Адлер. По ночам, во время своих дежурств выходила на связь по рации со

Костя с Болтиком у общежития, Заган, апрель 1946 г. Фото, присланное им Саше Капуновой с подписью на обороте.

своей дивизией (благо, частоты она знала, и меняли их теперь не так часто), просила знакомых девчонок-связисток вызвать Костю. И они подолгу разговаривали, пусть и занимая служебный эфир. Костя же каждую неделю слал ей нежные и трогательные письма с открытками и фотографиями, в которых вместе с Болтиком обещал непременно скоро приехать и забрать Сашу с собой.

Ждать, в принципе, оставалось совсем недолго - в мае - июне Константин запланировал отпуск, а Сашины родители начали потихоньку готовиться к свадьбе.

Но долгожданному событию так и не суждено было случиться.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА, ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

Буквально через неделю после отъезда Саши Аверьянов в качестве штурмана сводной парадной эскадрильи СГВ вылетел в Москву для тренировок и участия в Параде Победы 1946 года.

Дело было знакомым по прошлогодним тренировкам и первомайскому параду. И в этот раз со своими обязанностями Константин справился блестяще, безукоризненно проведя в девятку штурмовиков над Красной площадью.

После Парада сводная эскадрилья улетела обратно в Польшу, а Константин с Борисом Быковым задержались на несколько дней на в Жуковском (там базировались парадные эскадрильи) - надо было перегнать с аэродрома в Щербинке в Заган два Ил-10, на которых меняли моторы.

Тогда-то и произошла последняя встреча Ани Аверьяновой со своим старшим братом.

Анечка в это время отдыхала в пионерском лагере, а завхозом лагеря была мать Бориса Быкова, Екатерина Ивановна. Аня долго уговаривала ее съездить к Косте и Борису. И вот в один из майских дней, собрав небольшую посылку, Екатерина Ивановна с Аней отправились в Жуковский. Доехали до станции Отдых. Там у прохожих разузнали, где находится аэродром, и отправились по дороге в сторону летного поля.

Неожиданно сзади раздался визг тормозов, обернулись - метрах в трех остановился автобус. Открылась дверь, а из нее выходит Костя.

- Малышка, как ты здесь оказалась? - изумленно воскликнул он.

- Да вот к вам с Борисом собрались, - ответила за Аню Екатерина Ивановна.

- Мама (Костя так называл Екатерину Ивановну, видимо, в память о покойной матери), мне сейчас надо в Генштаб, вечером буду. А Борис у себя, спит, наверное. Вы идите к нему.

И объяснив, как пройти к Быкову, уехал. Вечером он так и не приехал - наверное, были неотложные дела. Кто бы мог подумать, что Аня видит своего брата в последний раз...

Перегнав штурмовики в полк, друзья засобирались в отпуск. Получили отпускные билеты, деньги, наметили день отъезда в начале следующей недели.

Однако 24 мая, в пятницу, Аверьянова и Быкова вызвали в штаб дивизии.

- В понедельник направляетесь на ЛТУ (*летно-тактическое учение*) с сорок третьим полком, - приказал командир дивизии С. Гетьман. - Поработаете за истребителей противника. Подробности - у командира сорок третьего. У него и проинструктируетесь.

- Как за истребителей? На штурмовике? - не сразу уловил суть приказа Аверьянов.

- Да на штурмовике. У меня истребителей нет. Или не понял чего-то? - вскинулся комдив, - И отработаете по полной программе. Вопросы есть?

- Товарищ генерал, а почему мы? Других что ли не нашли? - было заикнулся Константин, - Да и в отпуске мы уже с 27-го числа...

- Тебя, Аверьянов, как одного из лучших летчиков полка рекомендовал твой командир, подполковник Баутин. - отпарировал комдив, - А тебе, Быков, как бывшему истребителю, сам Бог велел в этом деле покрутиться. А что касается отпуска... Вот отыграете учения и хоть с аэродрома - на вокзал. Еще вопросы?

- Никак нет! - повернувшись кругом, летчики вышли из командирского кабинета.

Через час они уже были у командира 43-го гвардейского штурмового авиаполка и согласовывали с ним детали предстоящего учения, на котором летчики сорок третьего гвардейского должны были отработать действия по наземным целям, а также провести учебный бой с истребителями "противника".

Честно говоря, идея гонять по вертикалям тяжелый штурмовик, имитируя истребитель, Аверьянову совсем не нравилась. Но приказ есть приказ. Хотя, отдавая **такой приказ**, генерал Гетьман, по сути дела, толкал летчиков на грубейшее нарушение инструкции по боевому применению Ил-10.

Дело в том, что учебные воздушные бои штурмовиков с истребителями практиковались и раньше. Так, для поднятия авторитета нового штурмовика командование 108-го гвардейского штурмового авиаполка и 5-го гвардейского истребительного авиаполка, базировавшихся на аэродроме Шпроттау в Германии, организовало показательный воздушный бой Ил-10 с истребителем Ла-5ФН. Штурмовик пилотировал капитан А.И. Сироткин, а "лавочкин" - Герой Советского Союза капитан В.И. Попков, сбивший к этому времени 37 немецких самолетов. "Бой" прошел на равных. Неодно-кратно пленки фотопулеметов фиксировали победы, как штурмовика, так и истребителя.

Практика обучения летного состава штурмовой авиации ведению воздушного боя с истребителями вскоре получила широкое распространение. В этой связи Главный конструктор самолетов Ил С.В. Ильюшин, обеспокоенный массовыми случаями выполнения фигур высшего пилотажа на Ил-10, 15 июня 1945 г. направил на имя Главкома ВВС КА А.А. Новикова письмо, в котором писал: "Считаю необходимым доложить Вам, что самолет Ил-10 является штурмовиком, с запасом прочности 8,28 крат и поэтому он должен эксплуатироваться в частях ВВС КА как штурмовик в соответствии с существующей инструкцией по боевому применению штурмовиков Ил-2, о чем и прошу дать указание авиационным частям".

Вот что вспоминал о тех днях Борис Быков:

- В субботу днем, 25 мая Костя на самолете ПО-2 улетел в Легницу в штаб 4-й Воздушной армии по какому-то заданию командования. Обрато вернулся только в воскресенье вечером. В тот день я его не видел, встретились мы утром в понедельник 27 мая в столовой. Позавтракали. Полеты в 43 ГШАП начинались в 9.00.

Разговора о том, что было вчера, у нас не было. Единственное, он сказал, что привез мне то, что я просил - пирожное.

Полеты начались по плану. Первый вылет прошел успешно, летал Костя. Со 2-й авиаэскадрилей летал я. Тоже нормально.

В 13.30 поднялась 3-я авиаэскадрилья и взяла курс на полигон Кальтвассер. Над полигоном была облачность на высоте 800 м. Эскадрильи действовали по наземным целям из боевого порядка "круг одиночных самолетов". Костя атаковал их с виража. В одной из атак (это было в районе ввода штурмовиков в атаку) его самолет перевернулся на спину, затем перешел в отвесное пикирование и с углом около 90° ударился о землю. Взорвался и рассыпался.

- Костя никогда не имел дела с истребителями, хотя пытался выполнять на Ил-10 сложный пилотаж. Мне кажется, что в этом деле роковую роль сыграла ошибочная уверенность Кости в полном овладении самолетом Ил-10. В данном случае, его пилотажем.

Странная версия трагедии и стремление объяснить ее Костиной ошибкой в пилотировании человеком, который ничего не видел. Не правда ли? В момент катастрофы Быков находился на аэродроме Заган, а полигон Кальтвассер располагался в сорока километрах на юго-запад от него.

А вот какая картина вырисовывается по рассказам очевидцев - летчиков, непосредственно принимавших участие в том трагическом вылете, а также тех, кто находился на КП (*командном пункте*) на самом полигоне.

Выйдя в район проведения ЛТУ, Аверьянов увидел, как километрах в двух от него шесть Илов, выстроившись в круг, поочередно заходили на мишени, расставленные на земле. Работали с пологого пикирования. Константин выполнил "горку", набрал метров семьсот над уютящей землю группой штурмовиков и спикировал на выходящий из атаки очередной Ил. Отработал по нему и виражом отвернул в сторону.

Пошел на второй заход. Энергично бросил штурмовик в набор высоты с одновременным разворотом. Машина послушно потянула вверх.

Костя уже выходил из виража, как вдруг, кашлянув, заглох мотор, через несколько мгновений безвольно застыл винт. Словно наткнувшись на невидимую преграду, мгновенно потерявший скорость Ил, опрокинулся на спину и, закрутившись в штопоре, заскользил вниз.

Можно только представить, какие перегрузки испытывал Аверьянов, когда вися на пристяжных ремнях вниз го-

ловой, намертво зажав ручку управления, до судорог в ноге работал педалью, пытаясь толкнуть против вращения несущийся к земле штурмовик.

На КП все было видно.

- Что случилось? - понеслось в эфир с вышки КП.

- Мотор заглох, штопорю... Пытаюсь выйти, - из динамиков ГГС (*громкоговорящей связи*) раздался звенящий от напряжения голос Аверьянова.

- Немедленно покинуть машину! - срываясь на крик, приказал руководивший учением командир сорок третьего полка.

- Пробую вытянуть, вытяну!..

- Аверьянов, ... твою мать! - вырвал у руководителя полетов микрофон Гетьман, - Прыгай, приказываю!

Костя ничего не отвечал, он продолжал бороться за машину и за себя.

И свершилось невозможное - каким-то невероятным образом Константин сумел вывернуть штурмовик из смертельной спирали и перевести его в прямолинейное пикирование. Было видно, как Ил, как бы нехотя, перевернулся в нормальное положение, как, потихоньку поднимая нос, начинает переходить в пологое планирование. Эх, еще бы несколько десятков метров высоты! И можно спокойно садиться...

Предательски возникший перед штурмовиком перелесок перечеркнул все. Врезавшись в кроны деревьев, самолет клюнул носом и почти вертикально воткнулся в землю.

Через мгновение в небо взметнулся черно-рыжий султан и над полигоном прокатился грохот сильного взрыва.

А потом еще несколько часов рвались разлетевшиеся боеприпасы (неизвестно, почему и для чего загруженные для учебного боя) и не давали подъехавшим пожарным подобраться к пылающим обломкам Костиного Ила.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Хоронили Константина 29 мая.

В доме офицеров выставили обитый кумачом с черной оторочкой гроб. На специально сшитые подушечки выложили его боевые награды. Повсюду - цветы, венки с черными траурными лентами. Было многолюдно - собрался практически весь Заганский гарнизон - офицеры, их жены и дети, мужики-сверхсрочники и девчонки-военнослужащие из многочисленных полковых и дивизионных служб. А у входа в Дом офицеров, не найдя себе места, метался Болтик, не понимая, что происходит, но чувствуя, что все очень и очень плохо.

Из воспоминаний Марины Давыдовны Гудименко:

- Когда Костя погиб, мы все очень тяжело переживали, очень плакали, мой сын Алик просто ревел, трудно было успокоить. Помню, был теплый, солнечный день. Шили мы подушечки для орденов, цветов принесли очень много. Ездили мы на кладбище всей семьей, вообще провожали Костю очень и очень многие семьи, кто только его знал. Многие стояли возле могилы до последней минуты и плакали. Уехали мы оттуда последней машиной.

Из Дома офицеров скорбная процессия проследовала на небольшой гарнизонный стадион, где и состоялся короткий траурный митинг. После этого гроб с останками Кости, венки и сваренную жестяную пирамидку со звездочкой погрузили в кузов полуторки. Провожающие погрузились в специально подогнанные автобусы и грузовики. Болтик никак не хотел заходить в автобус, все рвался в кузов ЗИСа, где стоял гроб. Кое-как Женя Рысев на руках затащил его в машину.

Похоронный кортеж тронулся в сторону Бунцлау (ныне - Болеславец), где на мемориальном воинском кладбище и должны были похоронить Аверьянова. По преданию, на этом кладбище было захоронено сердце великого полководца Михаила Кутузова.

Ехали долго - все-таки больше 50 километров. В автобусах тягостное молчание время от времени прерывалось негромким шепотом:

- А почему здесь хороним? Почему не дома, у родных хотя бы спросили? Ведь не война же сейчас.

- Так в Москве решили, что здесь хоронить будут. А Баутин даже телеграмму Костиным родителям не отбил, и тоже самое говорит, мол, сейчас не война и похоронки рассылать ему ни к чему...

Уже ближе к вечеру приехали, наконец-то, на место.

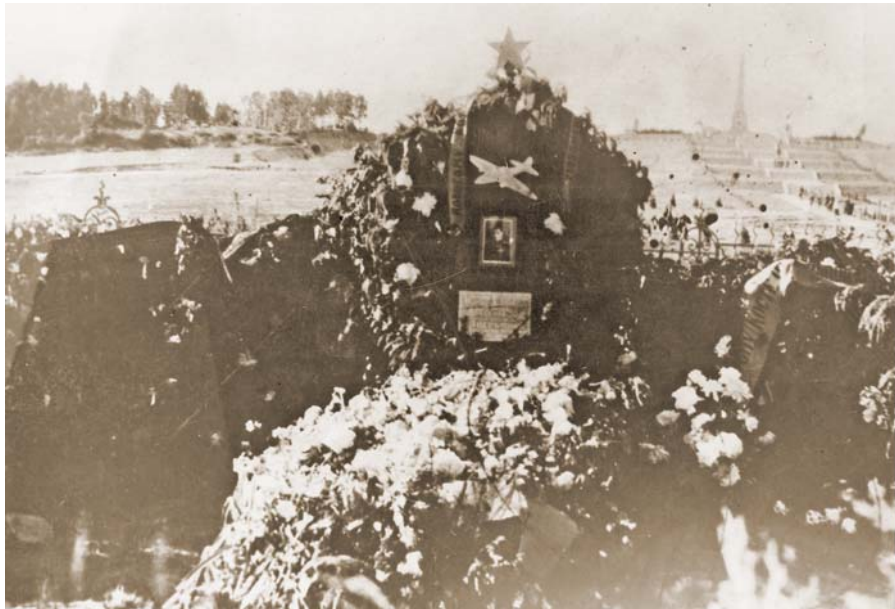
У свежевырытой могилы, нервно ломая пальцы в сжатых за спиной руках, топтался генерал Гетьман. Судя по всему, комдив был потрясен случившимся не меньше всех.

Выгрузились. На два привезенных табурета установили гроб. Долгих речей не было.

Три залпа из винтовок и по крышке гроба комковато застучали пригоршни земли из рук тех, кто провожал Костю. Потом из-под лопат долго шуршала серопесчаная масса, пока на свеженасыпанном холмике не появилась пирамидка со звездочкой.

И стало тихо. Навсегда.

Ненадолго пережил своего хозяина Болтик.

Несколько дней после похорон он ничего не ел, никого к себе не подпускал, огрызался, выл все ночи напролет.

Наконец, один из Костиных друзей, летчик из 43-го авиаполка, решил взять его к себе. Как-то сумел уговорить пса пойти за ним, даже одел на него ошейник, которого тот никогда не носил при Косте.

До дома оставалось уже совсем немного, когда Болтик, вроде бы покорно шедший за новым хозяином, вдруг вырвался из ошейника и бросился на польскую дворнягу, некстати оказавшуюся рядом. Сцепившись, они выкатились на дорогу прямо под колеса проезжавшей машины. Так не стало Болтика, маленького пса с большим и верным сердцем. Его похоронили под деревом на аллее мемориала, неподалеку от могилы хозяина.

ВОТ КАК БЫВАЕТ...

О гибели Константина его родные узнали более чем через месяц. И то, от матери Бориса Быкова, которой о случившемся сын написал в письме. И только в конце 1946 года Антон Львович сумел побывать на могиле сына. Такая вот жестокая история.

Саше Капуновой о гибели ее Кости написали однополчане.

Все будто разделилось на до и после... До этого была жизнь, был любимый человек, было счастье, были надежды. После все стало неважно. Невыносимо серая череда дней, месяцев, лет. И пустота, гулкая, гнетущая пустота...

Она по-прежнему работала на метеостанции Адлеровского аэропорта. С праздника Победы 9 мая 1965 года начались регулярные встречи однополчан-ветеранов 230-й штурмовой авиадивизии.

Каждый год она приезжала на эти встречи в Москву, Севастополь или в Керчь, видалась с теми, с кем прошла по фронтовым дорогам Белоруссии, Польши, Восточ-

Александра Федоровна Капунова
1968 г.

Александра Федоровна Капунова
1970-е гг.

ной Пруссии. Видела, как молодые летчики, которых она знала в сорок четвертом и сорок пятом, взрослеют, матереют, становятся солидными мужиками. Многие из них - уже с полковничьими погонами. И постоянно сравнивала их с Костей, который навсегда остался двадцатитрехлетним.

И от этого радость встречи с фронтовыми друзьями сменялась щемящей безысходной тоской...

Кстати, на эту первую встречу Александру "вытащила" однополчанка Константина, Нина Алексеева, теперь уже - Нина Лаврентьевна Лаврентьева.

После демобилизации Нина Алексеева вернулась в родную Астрахань. Окончила пединститут, стала историком, защитила кандидатскую диссертацию, преподавала в Высшей партийной школе, Астраханском государственном университете.

Именно 9 мая 1965 года Александра Капунова встретила сестру Константина Аверьянова, Анну, с которой была заочно знакома уже несколько лет.

А все началось то ли в шестьдесят втором, то ли в шестьдесят третьем году.

Сашу, Александру Федоровну, как-то вызвал к себе начальник метеостанции.

- Вам, Александра Федоровна, фамилия Аверьянов что-нибудь говорит?

У Александры перехватило дыхание, ноги стали ватными.

- Господи, Костя жив! Он меня ищет... - пронеслось в голове.

- Вам плохо? - не на шутку испугавшийся начальник подскочил к ней, усадил на диван. - Вам открытка пришла. Вот почитайте.

По мере чтения едва забрезжившая надежда сменилась горьким разочарованием: нет, это не Костя. Открытку прислала младшая сестра Константина, Аня, к тому времени уже Анна Антоновна Жидкова. Кстати, эта открытка была не первой. Сама Анна Антоновна рассказывала об этом так:

- У меня хранилось несколько писем Косте от Саши Капуновой. Я знала, что она - его любимая девушка, он мне о ней рассказывал. Я решила непременно разыскать ее. К тому времени я знала многих из Костиных друзей-однополчан. Они мне и рассказали, что Саша живет в Сочи и работает в аэропорту на метеостанции. Вот я решила написать ей на адрес метеостанции - домашнего адреса у меня не было. Дело было под Новый год. Я выбрала самую красивую открытку, подписала ее и отправила. Но ответа так и не получила ни через месяц, ни через два. Решила написать еще раз. И только со второго раза получила ответ.

Оказывается, начальник метеостанции был собирателем открыток. Ну и когда на адрес метеостанции пришла красивая новогодняя открытка, он ее попросту прикарманил. А когда пришла вторая открытка, видимо, у незадачливого филкартиста заговорила совесть, и он вернул все Саше. Мы начали переписываться, а потом, на встрече ветеранов в мае 1965 года, наконец-то, увиделись.

Последнее фото Александры Федоровны
Капуновой, 2005 г.

Общая утрата объединила женщин: с той поры Александра Федоровна и Анна Антоновна стали подругами. Регулярно переписывались, при первой возможности встречались, ездили друг к другу в гости, на встречи однополчан и мероприятия, связанные с этими встречами.

Анна Антоновна вспоминает:

Я не раз заводила с ней разговоры о том, что надо бы ей как-то устроить свою жизнь. Да и ребята - однополчане уговаривали ее, мол, надо жить дальше... А она каждого, кто пытался за ней ухаживать, всегда сравнивала с Костей и отказывала. Уж сколько раз я ей говорила: "Ну приглядишься, вот неплохой человек". Она мне так устало: "Ладно, пригляжусь". А потом заявляет: "Нет, он - не Костя". И так до самой смерти...

Александра Федоровна пережила своего любимого ровно на 60 лет и ушла из жизни в 2006 году. При последней встрече она передала Анне Антоновне свой альбом с фронтовыми фотографиями. В нем и снимки послевоенных встреч с однополчанами. Анна Антоновна возвратила ей ее письма Косте, которые как реликвии хранила все эти годы.

К сожалению, содержание переписки Кости и Саши уже навсегда останется тайной: после смерти Александры Федоровны кто-то из родственников, деливших ее нехитрое наследство, посчитал эти письма никчемной бумагой и тупо выбросил в мусор.

О ПАМЯТИ

9 мая 1968 года Анна Антоновна Жидкова вместе с Александрой Федоровной Капуновой участвовали в открытии памятника воинам-авиаторам 230-й Кубанской штурмовой авиационной дивизии в Керчи. Встреча была незабываемой: собрались сотни ветеранов славной авиадивизии, родственники погибших летчиков. Как родных встречали Анну Антоновну и Александру Федоровну боевые друзья Константина Аверьянова: Иван Мальцев, Василий Емельяненко, Борис Левин, Иван Чернец, Александр Плешаков, и многие другие. Не было только Ивана Остапенко, который трагически и нелепо погиб за год до этой встречи.

Кстати, Василий Емельяненко заставил Анну Антоновну, как она ни сопротивлялась, выступить на митинге в честь открытия памятника.

Анна Антоновна Жидкова на митинге в честь открытия памятника воинам-авиаторам 230-й Кубанской штурмовой авиационной дивизии.

После торжественных речей, ритуалов у монумента была высажена целая аллея платанов. Из многих городов страны ветераны и родственники погибших привезли с собой землю и высыпали ее к корням свежесаживаемых деревьев. Есть на этой аллее и платан, посаженный Анной Антоновной в честь своего брата - героя. Она также высыпала под его корни несколько горстей дмитровской земли, которую привезла с собой.

Бывший командир дивизии генерал-майор С. Г. Гетьман вложил в специальную нишу две капсулы: со списком погибших летчиков и с завещанием поколению 21 века.

На двух плитах, закрывающих нишу в южной стенке, обращенной к морю, надписи: "Памятник сооружен на средства ветеранов Великой Отечественной войны, семей погибших и благодарных граждан г. Керчи", "Воинам-авиаторам 230-й Кубанской штурмовой авиационной Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени дивизии, павшим в боях за Родину в 1941 - 1945 гг. Товарищи по оружию". И стихи:

Памятник воинам-авиаторам 230-й Кубанской штурмовой авиационной дивизии в г. Керчь.

*Ваш грозный строй летит в века,
Сердца волнуя вечным зовом.
Крыло к крылу, к руке - рука
В военном воздухе суровом.*

Основанием памятника служит возвышенная площадка, на северной стороне которой выступает пятиконечная звезда. На нее опираются пять стилизованных крыльев самолета. Их пять, по числу полков, входивших в 230-ю дивизию:

7-й гвардейский штурмовой авиационный ордена Ленина Краснознаменный полк;

43-й гвардейский штурмовой авиационный Волковиский Краснознаменный полк;

103-й штурмовой авиационный Гродненский Краснознаменный ордена Суворова 3-й степени полк;

210-й штурмовой авиационный Севастопольский Краснознаменный ордена Кутузова 3-й степени полк;

979-й истребительный авиационный Волковиский Краснознаменный ордена Суворова 3-й степени полк.

Тогда же у Анны Антоновны произошла одна весьма примечательная встреча. Но обо всем по порядку.

Сразу же после гибели Константина Аверьянова в дивизии работала комиссия по расследованию катастрофы. Естественно, полетели головы и погоны. Однако, командир дивизии, который отдал приказ на проведение такого воздушного боя остался на своем месте. Правда, после этого карьера С.Г. Гетьмана практичес-

У памятника авиаторам 230-й Кубанской штурмовой авиационной дивизии. Первая справа - оружейница Кости Аверьянова Нина Лаврентьева (Алексеева), 9 мая 1965 г.

ки завершилась. Хотя он и окончил в 1948 году Академию Генерального штаба, ни на какие высокие командные должности его уже не назначали. А в 1950 году сорокасемилетнего генерала, Героя Советского Союза уволили из Вооруженных Сил.

Командир полка Баутин отделался легким испугом - его, как говорится, "перекинули" на другой полк. Впоследствии он даже дослужился до генерала. Однако для своих боевых однополчан он стал человеком нерукопожатным. Поэтому на тех немногих встречах ветеранов, на которых Баутину приходилось бывать, он держался особняком - его попросту сторонились.

Из рассказа Анны Антоновны Жидковой:

- Мы стояли у гостиницы с ребятами. Я смотрю, у колоннады стоит здоровенный мужик в тренировочном костюме, стоит как-то понуро. Я спросила у Вани Мальцева: "Кто это?" А Иван прямо с каким-то презрением отвечает: "Да кто, Баутин". Я решила подойти к нему. Подошла и говорю: "Я сестра Кости Аверьянова". Его вдруг как затрясло, простите Бога ради, говорит, за Костю и чуть ли не на колени упал. - Да Бог простит, - только ему и ответила. Мне потом рассказывали, что он через год или два после этого умер. Совсем не старым. Вот как судьба порой поворачивает.

Могила Героя Советского Союза К.А. Аверьянова на Кутузовском мемориальном кладбище в городе Болеславце

Помимо этих памятных встреч. Анна Антоновна часто бывала в Болеславце, посещала могилу своего брата на Кутузовском мемориальном кладбище.

В один из таких приездов вместе с Надеждой Михайловной Майор, польской гражданкой, ухаживающей за могилой Константина Аверьянова, пригласила на кладбище из Легницы православного священника отца Любомира, который отслужил панихиду у могилы героя, а также освятил все захоронения советских воинов.

Она тогда долго стояла у мраморной плиты, на которой красноватыми буквами выбито: **"Герой Советского Союза гвардии капитан Аверьянов Константин Антонович"** и даты его недолгой жизни. Прислушивалась к шуму вековых дубов над местом упокоения брата. Невольно перед глазами возникал то голубоглазый улыбчивый мальчишка, то уже повзрослевший офицер со звездой Героя на груди.

И постоянно ловила себя на мысли: годы летят, жизнь проходит, неизбежно внешне и внутренне меняется человек. А память остается неизменной.

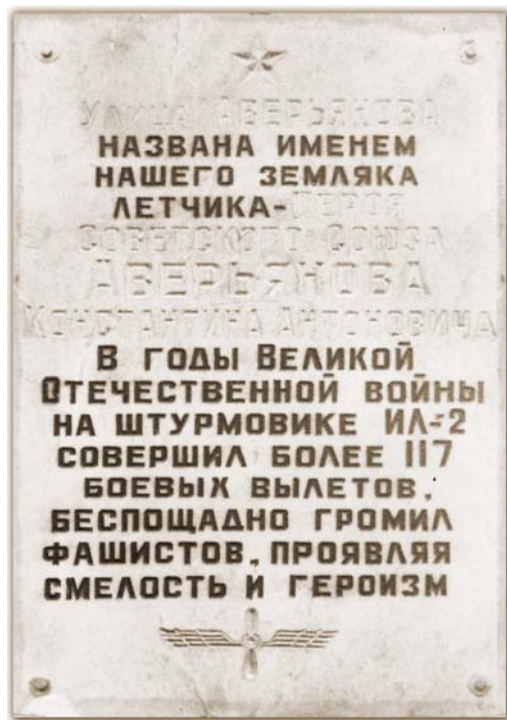
Надежда Михайловна Майор, Анна Антоновна Жидкова и священник отец Любомир на Кутузовском мемориальном кладбище в городе Болеславце

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Прошло девяносто два года со дня рождения и почти семьдесят лет после гибели Константина Аверьянова.

Мемориальная доска, установленная на улице Аверьянова в д. Студенец Кстовского района Нижегородской области.

Из тех, кто помнит его живым, наверное, осталась лишь его младшая сестра Анна Антоновна. Но это совсем не означает, что память о нем живет только в ней. Нет, ни в коем случае.

Именем Героя Советского Союза Константина Антоновича Аверьянова названы центральная улица его родной деревни Студенец в Кстовском районе Нижегородской области, один из микрорайонов Дмитрова. Его же имя носит школа №5, в которой он учился. Каждую весну на Аллее Славы расцветает каштан, посаженный в честь Героя.

Имя Константина Аверьянова высечено на од-

Гранитная доска с именем К.А. Аверьянова в Мемориальном комплексе «Сапун-гора» в Севастополе

ной из мемориальных досок, установленных на Сапун-горе в Севастополе.

Надеюсь, эта книга также послужит тому, чтобы как можно больше людей узнали об этом уникальном летчике и замечательном человеке.

И самое главное - чтобы помнили.

Зюзин А.
Баллада о непобежденном. Документальная повесть.
190с., илл.
© 2015 А. Зюзин